

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Боуфал Зульфия Раифовна

АКТУАЛИЗАЦИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ:
АВТОРИЗАЦИЯ И ПЕРСУАЗИВНОСТЬ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Демешкина Татьяна Алексеевна

Томск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ АВТОРИЗАЦИИ И ПЕРСУАЗИВНОСТИ	15
1.1. Модус и модальность	15
1.2. Подходы к описанию модусных категорий высказывания	19
1.3. Категория авторизации: основные теоретические аспекты исследования	27
1.3.1. Традиции изучения категории авторизации в отечественной лингвистике	27
1.3.2. Признаки категории авторизации	33
1.4. Теоретические аспекты исследования категории персуазивности	36
1.4.1. Логико-философские основы изучения категории персуазивности	36
1.4.2. Лингвистические традиции исследования категории персуазивности	37
1.4.3. Признаки категории персуазивности	42
1.5. Методика описания авторизации и персуазивности в диалектном высказывании	45
Выводы по главе 1	48
ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АВТОРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	50
2.1. План содержания категории авторизации, актуализованной в диалектном высказывании	50
2.1.1. Способы получения информации и их отражение в диалектном высказывании	51
2.1.2. Источники чужой информации, представленные в диалектном высказывании	69
2.1.3. Способы ментальной обработки чужой речи в диалекте	79

2.2. Языковые средства выражения категории авторизации в диалектном высказывании	86
Выводы по главе 2.....	102
ГЛАВА 3. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	106
3.1. Семантика уверенности и ее экспликация в диалектном высказывании	106
3.2. Семантика неуверенности и ее экспликация в диалектном высказывании	113
3.2.1. Виды значений неуверенности, представленные в диалектном высказывании	113
3.2.2. Экспликация типов знания в диалекте	128
3.2.3. Языковые средства выражения семантики неуверенности в диалектном высказывании.....	133
Выводы по главе 3.....	140
ГЛАВА 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ АВТОРИЗАЦИИ И ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ	142
4.1. Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания	144
4.2. Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания.....	152
Выводы по главе 4.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
СПИСОК ЛОКАЛЬНЫХ ПОМЕТ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .	170
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Количественная характеристика маркеров авторизации	201
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Количественная характеристика маркеров персуазивности.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика проявляет несомненный интерес к изучению диалектной речи, имеющей устный характер своего существования. Этот интерес за последние годы заметно усилился в связи с пристальным вниманием исследователей к «человеческому фактору» в языке и формированием особой парадигмы диалектологического знания, которую В. Е. Гольдин назвал коммуникативной [Гольдин, 1997].

Диалектная речь является предметом изучения таких исследователей, как С. М. Белякова, В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, С. А. Мызников, О. В. Фельде, Харламова М. А. и др. В рамках Томской диалектологической школы системный анализ диалекта осуществляется на материале русских старожильческих говоров среднеобского бассейна¹, которые исследуются в нескольких направлениях, – лексикографическом, лексикологическом, мотивологическом, словообразовательном, ономастическом, лингвокультурологическом, когнитивном, коммуникативном, персонологическом и др.²

Чрезвычайно важным в свете развития современной когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания представляется коммуникативный аспект, в рамках которого изучаются «коммуникативная структура сельского общения на диалекте, социально-коммуникативные роли традиционного деревенского общения <...> состав, специфика, функционирование речевых жанров общения на диалекте <...> соотношение диалектной речи и знания, диалектной речи и практической деятельности, рефлексия диалектоносителя над речью и др.» [Гольдин, 1997, с. 5–6].

¹ Характеристика среднеобского диалекта см. в [Русские говоры Сибири / О. И. Блинова, Л. А. Захарова, О. Н. Киселева, В. В. Палагина и др. – Томск, 1985. – Ч. 1. – С. 20–21].

² Историографический очерк трудов Томской диалектологической школы, посвященных разноаспектному исследованию говоров Среднего Приобья, представлен в издании [Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / Под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 230–390].

На материале среднеобских говоров в русле коммуникативной диалектологии выполнены работы по проблемам синтаксиса диалектной речи [Демешкина, 2000; Казакова, 2005; Лагута, 2005; Петрунина, 2008а, 2008б и др.]. К настоящему времени вопросы исследования синтаксических явлений в диалекте представлены в аспекте анализа речевых особенностей отдельной языковой личности [Гынгазова, 2000, 2001; Иванцова, 2002 и др.]; в рамках изучения жанров речи, что обусловлено наличием собственной системы речевых жанров в структуре деревенского традиционного общения, а также характерных черт их выражения [Казакова, 2005; Волошина, 2013; Воронова, 2014 и др.].

Вместе с тем есть немало других сторон диалектной коммуникации, требующих рассмотрения. В частности, записи живой диалектной речи («языковой коррелят социокультурной деятельности» [Калиткина, 2010]) представляют собой репрезентативный материал для исследования модусных категорий авторизации и персуазивности, отражающих сущностные черты диалекта как особой формы коммуникации.

Проблема изучения модусных категорий авторизации и персуазивности вписывается в круг актуальных вопросов, стоящих перед лингвистикой конца XX – начала XXI века [Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995, 2008; Яковлева, 1989, 1992, 1994; Апресян, 1995; Падучева, 1996; Шатуновский, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997; Болдырев, 2003, 2006, 2007, 2009, 2010; Кобрина, 2006 и др.]. Попытки описать субъективные смыслы, формирующие модус высказывания, систематизировать их, предпринимаются исследователями неоднократно. Многие субъективные категории, обязательные и факультативные, уже подробно исследованы [Золотова, 1973; Вольф, 1985; Копытов, 2004; Етко, 2008, 2011 и др.]. В последние десятилетия появляются публикации, посвященные малоизученным смыслам напрасности, невольности осуществления (Т. И. Стексова), странности (Е. М. Вольф), воспоминания (Н. П. Перфильева, Т. И. Кораблина), надежды

(Н. П. Перфильева) и др. Однако, несмотря на большое количество работ по проблемам субъективных смыслов, то есть смыслов, идущих от человека говорящего, многие вопросы остаются открытыми.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что анализ модусных категорий, в том числе авторизации и персуазивности осуществлен преимущественно на материале письменной формы литературного языка и художественного дискурса как особой формы его существования [Ламбарджян, 1981, 2005, 2013; Шмелева, 1995; Филатова, 2000; Копытов, 2004, 2014; Рыгованова, 2006; Етко, 2008; Ревякина, 2008; Шацкая, 2008, 2011 и др.]. Отдельные работы посвящены изучению авторизации и персуазивности в публицистическом [Долбик, 2005, 2011; Нетребя, 2010, 2011; Копытов, 2011], научном [Ясницкий, 1984; Баженова, 2001; Гричин, 2003, 2010а, 2010б, 2010в, 2014, 2015; Гнездечко, 2015], рекламном [Ревякина, 2010], презентационном [Ефименко, Иванова, 2014], детективно-следственном [Харджиева, 2014], игровом [Шацкая, 2008, 2011; Канюшик, 2011], массово-информационном [Васильева, 2010; Суздальцева, 2013] типах дискурса.

Опыт описания субъективных аспектов в речи представителей народно-речевой, просторечной, среднелитературной речевых культур содержится в трудах [Шапиро, 1953; Шведова, 1960; Петрунина, 1992, 1993, 2007; Демешкина, 1997, 2000, 2013а, 2013б, 2014а, 2014б; Казакова, 2005; Лагута, 2005; Курикова, 2008; Волошина, Демешкина, 2012; Волошина, 2013; Мызникова, 2014; Воронова, 2014, 2015, 2016; Кормазина, 2016 и др.]. Исследование кваликативных категорий авторизации и персуазивности на диалектном материале носит в основном фрагментарный характер [Петрунина, 1992, 1993, 2007, 2008б; Демешкина, 2000, 2013а, 2013б, 2014а; Волошина, 2013]. В ряде работ представлены отдельные аспекты интересующей нас проблематики: предпринимаются попытки описать показатели авторизации и персуазивности в речи русских старожилов

Сибири [Петрунина, 1992; Демешкина, 2013а, 2013б, 2014а]; выявить прагматические возможности персуазивных маркеров [Петрунина, 1993]; дать их грамматическую характеристику [Петрунина, 2007]. В исследованиях жанроведческого характера авторизация и персуазивность находят некоторое отражение в аспекте взаимодействия с метакатегориями речевого жанра [Лагута, 2005; Волошина, Демешкина, 2012].

Как показывает анализ работ, системное изучение модусных категорий авторизации и персуазивности на диалектном материале до сих пор не проводилось. Между тем, полнота описания субъективной семантики высказывания невозможна без обращения к речи представителей традиционной народно-речевой культуры. Диалектные тексты содержат представления русских старожилов Сибири о «своем» и «чужом», памяти, характере восприятия знания, показывает, что некоторые возможности языковой системы в силу различных причин оказываются нереализованными в литературной речи.

Все сказанное выше диктует необходимость комплексного исследования авторизации и персуазивности на диалектном материале, а также разработки методики их анализа.

Актуальность диссертационной работы определяется несколькими факторами: включенностью исследования в коммуникативную парадигму современной лингвистики; обращением к диалекту как особой форме коммуникации; необходимостью выявить новые данные для дальнейшего изучения диалектного синтаксиса; потребностью комплексного изучения модусных категорий диалектного высказывания с учетом различных аспектов; интересом лингвистов к проблеме синкретизма модусных категорий. Работа направлена на сохранение традиционной крестьянской речевой культуры, что также свидетельствует об ее актуальности.

Объект исследования – модусные категории авторизации и персуазивности.

Предметом исследования являются семантические, функциональные, формальные свойства категорий авторизации и персуазивности.

В качестве основной **единицы** анализа выступает высказывание, границы которого определяются «исчерпанностью описания всех компонентов ситуации» [Демешкина, 2000, с. 10]. Одно высказывание может состоять из нескольких предикативных единиц. Обращение к высказыванию как основной единице коммуникации обусловлено тем, что именно в нем, по словам Т. А. Демешкиной, «проявляются практически все составляющие коммуникативной парадигмы диалектологического знания, представленной В. Е. Гольдиным» [Там же, с. 183]. В рамках высказывания анализу подвергаются лексемы – маркеры категорий авторизации и персуазивности. В качестве комплексных единиц анализа также используются фрагменты текстов: монолог – «форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям» [Шведова, 1956, с. 68], диалоги или полилоги, отражающие взаимодействие двух или нескольких коммуникантов.

Цель работы состоит в описании актуализации модусных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) разработать теоретико-методологические основания диссертационного исследования и сформировать его эмпирическую базу;
- 2) разработать методику описания авторизации и персуазивности в диалектной коммуникации;
- 3) описать способы и виды источников получения информации, представленные в диалектном высказывании;
- 4) выявить и описать способы ментальной обработки информации, вводимой в высказывание;

5) определить виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании;

6) описать средства языкового воплощения категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании;

7) проанализировать характер взаимодействия квалификативных модусных категорий авторизации и персуазивности в рамках диалектного высказывания.

Материал исследования

Исследование выполнено на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. В качестве источников использовались:

1) личные записи автора, сделанные в июле 2014 г. в результате диалектологической экспедиции в старожильческие села Парабельского района Томской области (с. Парабель, с. Нестерово, с. Новосельцево). Информантами являлись диалектоносители, представители традиционной народной речевой культуры, рожденные в 1917-1930-х годах. Общий объем аудиозаписей составляет около 12 часов;

2) материалы диалектологических экспедиций, проводимых сотрудниками кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (с 1946 года по настоящее время);

3) опубликованные томские диалектные словари, отражающие коммуникативную специфику среднеобских говоров (иллюстративный материал): «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964–1967), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)» (1975), «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» (1977), «Мотивационный диалектный словарь» (1982–1983), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (1983–1986), «Полный словарь сибирского говора» (1992–1995), «Вершининский словарь» (1998-2002), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (2001), «Словарь фитонимов Среднего Приобья» (2006-2008), «Полный словарь

диалектной языковой личности» (2006–2012), «Мотивационный словарь сибирского говора» (2009–2010);

4) опубликованные записи речи русских старожилов Сибири – «Живая речь русских старожилов Сибири» (2007)³.

Языковой материал насчитывает 5262 высказывания и фрагмента текстов, содержащих 5395 слов и словосочетаний – маркеров авторизации и персуазивности.

Методы и приемы исследования. Исследование характеризуется сочетанием структурно-семантического, функционального, коммуникативного подходов в рамках описательного метода, реализуемого в приемах наблюдения, сплошной выборки, классификации, систематизации, интерпретации, статистической обработки данных. Различные составляющие описательного метода использовались на разных этапах диссертационной работы.

В процессе сбора материала в полевых условиях использован «прием включения в языковое существование говорящего» (разновидность приема наблюдения)⁴ (речь информантов записывалась в условиях непринужденной беседы на цифровой диктофон с последующей расшифровкой аудиозаписей). При вычленении из диалектных текстов высказываний с показателями авторизации и персуазивности применялся прием сплошной выборки. При описании языкового материала были использованы приемы экспликации модусных смыслов, элементы дискурсивного, контекстуального, семантического анализа.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на основополагающие теоретические работы в области синтаксиса, семантики, функциональной и коммуникативной грамматики (Ю. Д. Апресян,

³ Иванцова Е. В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. – Томск, 2007. – 104 с.

⁴ О приемах сбора диалектного материала см. [Иванцова, 2002, с. 25–26].

Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, В. А. Белошапкова, Т. В. Булыгина, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. Е. Гольдин, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева и др.), значительного объема материал: проанализированы 5262 высказывания и фрагмента текстов, содержащих 5395 слов и словосочетаний.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) Впервые представлено монографическое описание категорий авторизации и персуазивности на диалектном материале.

2) Новизна исследования обусловлена интегративным подходом к описанию модусных категорий в диалектном высказывании, учитывающем их семантические, функциональные, структурные свойства.

3) Разработана модель описания категорий авторизации и персуазивности, функционирующих в диалектном высказывании, с учетом таких параметров, как способы и источники получения информации; способы ментальной обработки чужой речи; виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании; средства языкового воплощения авторизации и персуазивности; механизмы взаимодействия авторизации и персуазивности.

4) В научный оборот введен новый материал, отражающий факты живой диалектной речи.

Теоретическая значимость исследования

1) Проведенное исследование вносит вклад в разработку теоретических проблем семантического синтаксиса и коммуникативной диалектологии.

2) Выявлены семантические, функциональные и формальные свойства авторизации и персуазивности, характеризующие диалект как особую форму коммуникации.

3) Разработаны механизмы взаимодействия исследуемых категорий, актуализованных в диалектном высказывании.

4) Результаты диссертации способствуют созданию теоретико-методологических оснований для описания авторизации и персуазивности в других типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, в учебно-педагогической практике, прежде всего при преподавании таких лингвистических дисциплин, как синтаксис, диалектология, курсов междисциплинарного характера – прагмалингвистики, медиалингвистики, юридической лингвистики, риторики и др., а также спецкурсов и спецсеминаров. Результаты исследования могут найти применение при написании учебных и методических пособий по проблемам коммуникативной лингвистики, семантического синтаксиса, диалектологии и др.

Результаты анализа авторизации и персуазивности могут быть использованы при обучении русскому языку как иностранному. Материалы диссертации могут применяться в лексикографической практике, а также в практике лингвистических экспертиз, конфликтных текстов. Разработанная методика анализа может применяться для описания других модусных категорий диалектной коммуникации, а также для анализа авторизации и персуазивности в других типах дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Характеристика диалекта как особой формы коммуникации может быть дополнена спецификой актуализации модусных категорий авторизации и персуазивности, что проявляется: а) в характере источников информации; б) в способах получения информации; в) в наборе языковых средств выражения семантики авторизации и персуазивности.

2. Модель описания модусных категорий авторизации и персуазивности, актуализованных в диалектном высказывании, включает следующие параметры: способы и источники получения информации;

способы ментальной обработки чужой речи; виды персуазивных значений, реализуемых в диалекте; средства языкового воплощения авторизации и персуазивности; механизмы взаимодействия анализируемых категорий.

3. Актуализация категории авторизации показывает, что основным источником получения информации является человек, представленный в высказывании с разной степенью обобщенности, а основным способом восприятия информации является непосредственное (перцептивное) восприятие окружающего мира, формирующее эмпирико-событийный тип знания.

4. Персуазивность в диалекте репрезентируется широким кругом лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности, реализующих в диалектном высказывании комплекс разнообразных смыслов: экспрессивное утверждение, предположение, сомнение, осложняющиеся оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения, кажимости и др. Актуализация категории персуазивности также, как и актуализация авторизации, свидетельствует о том, что в диалекте преобладают знания, полученные путем непосредственного наблюдения (через зрительное или слуховое восприятие), которые в разной степени соотносятся со знаниями, приобретенными говорящим в результате логического умозаключения.

5. Модусные категории авторизации и персуазивности взаимодействуют в пределах высказывания. Взаимодействие авторизации и персуазивности проявляется в сфере выражения «чужого» знания при передаче информации, полученной из сообщения других лиц, в сфере выражения непосредственного чувственного восприятия, рационального знания. Оценка достоверности информации формируется с учетом степени доверия говорящего к источнику информации.

Исследование прошло **апробацию** в виде докладов на международных научных конференциях «Проблемы современной лингвистики и методики

преподавания языковых курсов» (Кемерово, 2010, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014), Всероссийских научно-практических конференциях «Российское образование в XXI веке: проблемы и перспективы» (Анжеро-Судженск, 2009), «Научное творчество молодежи» (Анжеро-Судженск, 2008, 2009, 2016), «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2013), региональной научно-практической конференции молодых ученых «Филологические чтения-2014» (Новосибирск, 2014), а также на Всероссийском научном семинаре с международным участием «Словесная культура в Сибири» (Томск, 2016). Результаты исследования обсуждались на аспирантском семинаре и заседании кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета.

Публикации по теме исследования. По материалам диссертации опубликовано 10 работ, из них 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, 2 статьи в сборниках научных трудов, 5 публикаций в сборниках материалов международной и всероссийских научно-практических конференций.

Структура работы отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка локальных помет, списка использованных источников и литературы, двух приложений, в которых представлены количественные данные употребления маркеров авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Объем работы составляет 209 страниц, включая 9 рисунков, 3 таблицы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ АВТОРИЗАЦИИ И ПЕРСУАЗИВНОСТИ

1.1. Модус и модальность

Понятия авторизации и персуазивности интерпретируются нами в русле концепции Т. В. Шмелевой как квалификативные модусные категории. В связи с этим необходимо обратиться к термину «модус», взятому на вооружение исследователями в языковедческих работах последних десятилетий XX века, и смежному с ним понятию «модальность» [Шмелева, 1988а, 1988б, 1995, 2008; Апресян, 1995; Падучева, 1996; Шатуновский, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997 и др.].

В лингвистических словарях и энциклопедиях отдельные словарные статьи, посвященные понятию модуса, не представлены (см. [РГ, 1980; Ярцева, 1998; Баранов, 2003; Ахманова, 2007 и др.]). Этот факт свидетельствует о новизне термина «модус» для отечественной лингвистики, об отсутствии строгости в использовании терминологической пары «модус» и «модальность», а также о многомерности и многоаспектности исследуемых понятий. Неупорядоченность в употреблении понятий «модальность» и «модус» обусловлена их семантической смежностью, подведением под «общий знаменатель» – «субъективность»: модус и модальность «исходят от говорящего и заключают в себе его отношение к тому, о чем идет речь в предложении» [Шмелева, 1984, с. 78]. Оба термина имеют логико-философские корни и восходят к латинскому слову *modus* («мера», «образ», «род», «способ») [Дворецкий, 1976, с. 643].

Понятие «модус» имеет широкую сферу употребления. Оно используется в ряде наук: в психологии, лингвистике, философии, логике, культурологии и т.д. Учитывая такую обширную сферу употребления

термина, объясняющуюся его логико-философскими истоками, остановимся на понимании модуса в его лингвистическом аспекте.

Классическое определение термина «модус» принадлежит Ш. Балли, выделявшему в составе высказывания два семантически значимых компонента, – диктум (коррелятивен процессу, «образующему представление») и модус (коррелятивен «операции, производимой мыслящим субъектом») [Балли, 1955, с. 44]. Благодаря активному участию мыслящего субъекта модус рассматривается исследователем как главная часть высказывания, формирующаяся за счет модальных глаголов (*думать, радоваться, желать* и др.) [Там же]. Такое понимание модуса закрепляется в западноевропейской лингвистической науке [Halliday, 2002].

Теоретические положения Ш. Балли развиваются в отечественном синтаксисе и находят отражение в публикациях, посвященных семантической организации русского высказывания [Алисова, 1971; Гак, 1978; Колосова, 1979; Шмелева, 1988а, 1988б, 1995 и др.]. По мысли В. А. Белошапковой, которая ввела понятие модуса в университетский курс современного русского языка, «особую актуальность приобрела мысль о том, что в содержании предложения соединены значения двух принципиально разных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношения мыслящего субъекта к этой действительности» [Белошапкова, 1999, с. 679].

Чрезвычайно важной вехой в изучении модусно-диктумного устройства русского высказывания является концепция, разработанная Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1995]. Под модусом исследователь подразумевает комплекс субъективных смыслов, или субъективных аспектов высказывания. В рамках концепции Т. В. Шмелевой в сфере модуса выделяется четыре аспекта: метааспект, актуализационный, квалификативный и социальный, каждый из которых, в свою очередь «включает в себя серию модусных смыслов с обслуживающими их языковыми средствами (или показателями),

или модусных категорий» [Там же, с. 11]. Модусные смыслы носят категориальный характер. В качестве одной из категорий модуса рассматривается модальность, объединяющая круг значений, «интегральным компонентом которых является отнесенность к планам «реальность/ирреальность» [Шмелева, 1984]. Более подробно вопрос о категориях, входящих в состав модуса, будет рассмотрен в разделе 1.2 первой главы.

Как отмечают исследователи, понятие модуса является исходным для модальности, но более востребованным в отечественной лингвистике оказывается термин «модальность». Данный термин употребляется в академической литературе в грамматическом значении при определении предложения как основной синтаксической единицы.

Основоположником теории модальности в русистике является академик В. В. Виноградов, сформулировавший наиболее важные направления изучения данной категории. Работы исследователя, посвященные проблеме модальности, и, в частности, его статья «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [Виноградов, 1975, с. 53–87] до сих пор значимы для лингвистов, занимающихся изучением различных аспектов семантического синтаксиса. Представляется важной мысль исследователя о том, что модальность, выражающаяся вводно-модальными словами «...совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката» [Виноградов, 1975, с. 67]. Это уточнение приводит к традиционному (но не общепризнанному) разграничению в трудах исследователей, в том числе и в академической грамматике 1980 г., двух видов модальности – объективной и субъективной [Шведова, 1960; Панфилов, 1977; Филипповская, 1978; РГ, 1980; Яковлева, 1994; Падучева, 1996; Шатуновский, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997 и др.].

Обязательная в плане выражения, объективная модальность входит в набор так называемых актуализационных характеристик, поскольку

«отражает характер объективных связей» действительности [Панфилов, 1977, с. 39], квалифицирует событие как реальное или ирреальное, выражая характер отношения сообщаемого к действительности. В. В. Виноградов называет комплекс актуализационных значений предикативностью и относит ее к грамматическим признакам предложения.

Субъективная модальность факультативна и может формально не проявляться в высказывании. Данный вид модальности 1) определяет отношение говорящего к высказыванию – к любой его части или аспекту (к содержанию сообщаемого, его форме, степени достоверности и т.д.) (широкое понимание) [РГ, 1980; Петров, 1982; Падучева, 1996; Бабушкин, 2001 и др.], 2) выражает степень уверенности в информации, излагаемой в пропозиции (узкая интерпретация) [Бондаренко, 1977; Панфилов, 1977; Беляева, 1985].

Противоположной точки зрения придерживается Т. В. Шмелева, которая считает нецелесообразным разграничивать объективную и субъективную модальность, отмечая, что модальность по своей природе является субъективной, поскольку связана с субъектом речи, говорящим, автором высказывания: ср.: «Точка зрения говорящего присутствует и в объективной модальности» [Лекант, 1976, с. 95]. Вместе с тем, соглашаясь с подобной логикой рассуждения в целом, в то же время считаем, что следует обратить внимание на неоднородность значений в структуре высказывания, а также на различные способы их репрезентации.

В целом, вопрос о характере соотношения модальности и модуса носит дискуссионный характер и решается неоднозначно. В одних публикациях понятия «модус» и «модальность» строго не разграничиваются и употребляются как синонимы [Краснова, 2002]. В других исследованиях предлагается узкое понимание модальности как одной из категорий модуса (наряду с такими категориями, как коммуникативная установка, оценочность, персуазивность и др.) [Гак, 1978; Шмелева, 1995; Кобрина, 2006 и др.]. В

монографии М. В. Всеволодовой предлагается широкое понимание модальности. В отличие от Т. В. Шмелевой, исследователь рассматривает модус в составе более широкого функционально-семантического поля категории модальности [Всеволодова, 2000].

Учитывая все вышесказанное, отметим, что понятия модуса и модальности в настоящей работе разграничиваются и интерпретируются в русле концепции Т. В. Шмелевой. Модус понимается нами широко как субъективный компонент семантики высказывания, комплекс субъективных смыслов, привносимых говорящим в объективное содержание высказывания. Модус и модальность характеризуются отношениями включенности, в частности, модальность рассматривается как категория модуса, идущая от говорящего и выражающая круг значений, маркирующих событие как реальное или ирреальное.

1.2. Подходы к описанию модусных категорий высказывания

Описание модусных категорий осуществляется преимущественно на материале письменного литературного языка. Одну из первых попыток систематизации широкого круга модусных категорий предложения на материале русского и французского литературного языков предпринимает В. Г. Гак [Гак, 1978, 1986, 1988]. Исследователь отмечает, что «Ш. Балли не дает развернутого перечня модальности» и в связи с этим пытается «определить круг этих категорий в аспекте содержания и выявить их выражения в каждом отдельном языке» [Гак, 1978, с. 20]. Поскольку модус отображает цель и условия коммуникации (ситуацию общения), в состав грамматических категорий предложения («коммуникативных», «модусных», в терминологии автора) В. Г. Гак включает те категории, которые отражают различные параметры акта коммуникации. Выделяемые исследователем

категории можно разделить на две группы, в зависимости от их ориентации на говорящего или собеседника:

а) категории, связанные с фигурой субъекта речи: истинность (утверждение/отрицание); модальность (возможность/действительность, уверенность/сомнение, желательность/нежелательность); лицо; временная и пространственная локализация; эмотивность (восклицание и т. п.);

б) категории, ориентированные на адресата: целенаправленность (повествование, вопрос, побуждение, пожелание); информативность (актуальное членение); речевая ситуативность (модификации предложения, связанные с той или иной функциональной сферой литературного языка) [Гак, 1986, с. 58–59].

Безусловно, актуальной представляется мысль В. Г. Гака о взаимосвязи между грамматическими категориями. Идея о «сотрудничестве» языковых категорий звучит особенно перспективно в связи с интересом современных лингвистов к проблеме «межкатегориального взаимодействия», заявленной еще в коллективной монографии «Межкатегориальные связи в грамматике» под ред. А. В. Бондарко [Бондарко, 1996]. Те или иные языковые единицы и категории выступают в речи не отдельно, а представляют целые «комплексы и сложные сочетания, многообразные поликатегориальные единства» [Бондарко, 1996, с. 3; см. также Парменова, 2005]. Однако почти все попытки установить взаимодействие языковых категорий предпринимаются на материале письменной формы литературного языка, в то время как материал устной речи, в том числе и диалектной, в данном отношении практически не привлекается.

Обобщенный подход к исследованию не только модуса, но и диктума высказывания осуществляет Т. В. Шмелева [Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995]. Автор выделяет спектр модусных смыслов, которые могут составить модус русского высказывания. Концепция смысловой организации высказывания Т. В. Шмелевой сложилась в рамках синтаксической школы

В. А. Белошапковой под влиянием идей Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. Г. Гака и др. В частности, автор расширяет репертуар модусных значений, выделяемых В. А. Белошапковой, и придает им статус категорий.

В основу типологии Т. В. Шмелевой положено назначение модусных категорий в коммуникативной организации высказывания. Автор располагает модусные категории на оси «от автора к адресату» и выделяет четыре блока обязательных и факультативных категорий (см. рисунок 1).

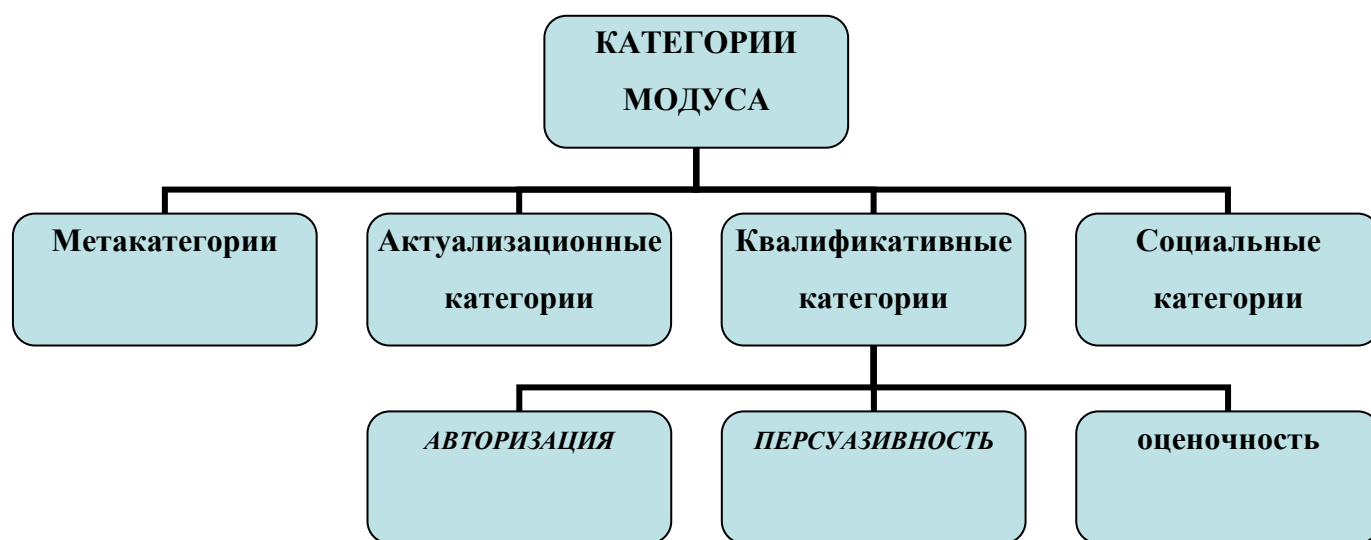

Рисунок 1 – Категории модуса в концепции Т. В. Шмелевой

Метакатегории модуса обеспечивают осмысление высказывания по отношению к условиям и условностям общения (смыслы названия, говорения, речевого жанра и т.д.); наиболее изученные актуализационные категории отражают соотношенность информации с действительностью (персонализация, модальность, временная и пространственная локализация); *квалификативные категории «представляют собой отношение автора к содержанию высказывания, квалификацию в соответствии с его замыслами и представлениями»* (авторизация, персуазивность, оценочность); социальные категории обслуживают линию «говорящий –

адресат» (категоричность/некатегоричность и др.) [Шмелева, 1995, с. 14–30]. Перечисленные категории, включая актуализационные, безусловно, коммуникативно ориентированы, так как тесно связаны с самим процессом коммуникации. В данном отношении интересны результаты работ Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Е. С. Яковлевой и др., исследовавших вопросы лингвистической прагматики.

Опора на концепцию Т. В. Шмелевой в диссертации связана с тем, что исследователь предлагает фундаментальную структуризацию модусных категорий и формирует общую картину о модус-потенциале высказывания. Однако сами категории модуса (фрагменты общей картины) «прорисованы» с разной степенью точности и детализированности» [Шмелева, 1995, с. 34], поэтому требуют более глубокого изучения. Т. В. Шмелевой только намечаются общие пути их анализа, в частности, разрабатываются процедуры описания в двух направлениях – от смыслов и от показателей; выявляются некоторые закономерности взаимодействия категорий друг с другом; отмечается взаимосвязь с аспектами диктума, стремление проникновения, «врастания» в диктум и др. [Шмелева, 1995, с. 34]. Необходима специальная разработка модели описания модус-реализаций авторизации и персуазивности, в том числе на диалектном материале.

Иной подход к модусу, чем у Т. В. Шмелевой, прослеживается в монографии М. В. Всеволодовой [Всеволодова, 2000]. Во-первых, как уже отмечалось в предыдущем разделе, модус в понимании исследователя, уже понятия модальности. Во-вторых, важным пунктом в концепции М. В. Всеволодовой является выделение двух классов модусов: модуса текста и модуса предложения (высказывания).⁵

⁵ Мысль о том, что понятие модуса распространяется на текст, высказывала еще Т. В. Шмелева: ср.: «...сформировавшиеся представления о модус-потенциале приводят к мысли о мощнейших текстообразующих возможностях модуса, «ускользающих» от лингвистики текста...» [Шмелева, 1995, с. 34]. Однако мысль о текстостроительной роли модуса звучала только как перспективы исследования.

В модус текста включаются такие категории, как авторизация, внутрисинтаксическая модальность и оценка. Данные категории, по М. В. Всеволодовой, исходят от любого мыслящего субъекта и выражаются предикатами типа *думать, знать, возможно, казаться, хотеть, скверно, трудно сказать, ложь* и др. Репертуар модусных значений подобного плана содержится также в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988], в коллективной работе Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [КГРЯ, 1988].

В модус высказывания включаются категории, которые исходят только от говорящего, часто имеют имплицитное проявление и никогда не выражаются предикатом: мета-, актуализационные, квалификативные (оценочные) и социальные категории. Особое внимание в монографии М. В. Всеволодовой уделяется квалификативным категориям модуса, ввиду разнообразия их значений. Однако состав категорий, рассмотренных исследователем, отличается от репертуара модусных категорий, выделенных Т. В. Шмелевой. С одной стороны, арсенал «классических» квалификативных категорий персуазивности и оценочности, выделенных Т. В. Шмелевой, дополняется категориями отрицания, согласия/несогласия, подтверждения и уступки (отметим, что в то же время автор допускает возможность выделения для этих типов модуса специальной категории). С другой стороны, отличие концепции М. В. Всеволодовой от теории Т. В. Шмелевой заключается в том, что категория авторизации не рассматривается исследователем в числе категорий модуса высказывания, а причисляется к категориям текста, выражаемым с помощью предикатов. Вместе с тем, категория авторизации выражается не только предикатами, как отмечает М. В. Всеволодова, но и другими языковыми средствами (например, вводно-модальными словами, частицами), подробно рассмотренными во второй главе. Как представляется, категорию авторизации можно рассматривать в составе категорий модуса высказывания

как категорию, имеющую при этом широкий выход в структуру текста в силу действия принципа авторизационного ключа. Эта мысль находит свое развитие в трудах О. Н. Копытова [Копытов, 2004], С. В. Гричина [Гричин, 2010а], выдвигавших идею о расширении радиуса действия с предложения на текст. Тем самым авторизация проявляет свои текстостроительные функции.

Тенденцией лингвистических изысканий последнего времени стало описание модусных категорий как форм осмысления мира в языке, как формата знания особого типа [Болдырев, 2003, 2006, 2009, 2010; Кобрина, 2006, 2011]. Под форматом знания понимается определенный «способ представления знания на мыслительном или языковом уровне» [Болдырев, 2006, с. 5]. К числу категорий, с помощью которых говорящий упорядочивает полученные знания о мире, относятся категории, связанные с процессом использования языка: модальность, оценочность, приблизительность, эмотивность, эвиденциальность и персуазивность [Кобрина, 2006, 2011]. Будучи коммуникативно и прагматически ориентированными, данные категории характеризуются тем, что «не получают закреплённой формы выражения в силу того, что отражают более размытые, часто субъективные или релятивные сущности», их границы содержательно размыты, а многочисленные значения реализуются разнообразными языковыми средствами [Кобрина, 2011, с. 70]. К явлениям подобного плана можно отнести не только персуазивность, но и категорию авторизации.

Предпринимаются попытки к изучению модусных категорий на материале отдельных дискурсов. Так, Н. И. Большакова подходит к описанию категорий модуса на примере текстов эпистолярного жанра [Большакова, 1993]. В основу классификации исследователя положен принцип противопоставления позиций коммуникантов (адресанта и адресата) в процессе общения. Данный критерий позволил Н. И. Большаковой разграничить две группы категорий: а) квалификативные модусные

категории, ориентированные на адресанта и квалифицирующие информацию о событиях в определенном аспекте, и б) социальные модусные категории, ориентированные на адресата и выражающие различные социальные и межличностные отношения между участниками коммуникации. К квалификативным модусным категориям автор относит:

1) авторизацию (квалификация информации как своей/чужой и квалификация способа получения);

2) модальные категории (персуазивность – достоверность и вероятность, предметная модальность – возможность, необходимость, желательность, коммуникативная установка – повествование, вопрос, побуждение);

3) оценочные модусы, которые различаются большим разнообразием значений и средств выражения.

В зону социальных категорий модуса вошли наименования лиц – участников коммуникации и «третьих» лиц, формулы социального этикета [Большакова, 1993, с. 5].

Повышенный эмоционально-экспрессивный тон, субъективность и интимный характер писем М. Цветаевой к Б. Пастернаку позволили Н. И. Большаковой выделить отдельную категорию эмоциональных модусных категорий, служащих для выражения эмоций адресата.

Среди работ, посвященных описанию модусных категорий в диалектной речи, можно отметить монографию Т. А. Демешкиной «Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики» [Демешкина, 2000]. Данное исследование представляет собой попытку целостного описания аспектов семантики высказывания, обусловленных спецификой диалекта как особой формы коммуникации. Жанровые характеристики диалектных высказываний рассмотрены автором как базовые категории, детерминирующие все остальные модусные смыслы высказывания и отражающие характерные черты диалектной речи. Как отмечает Т. А. Демешкина, метакатегория

речевого жанра является «основной модусной категорией, проявляющейся в диалектном высказывании и в тексте» [Там же, с. 114]. Эта категория, по мысли исследователя, предполагает обращение к целому ряду модусных категорий и «выходит» в сферу не только субъективной, но и объективной семантики. Другая модусная категория, которой автор уделяет один из разделов своей монографии, – персуазивность, также не избежавшая влияния со стороны речевого жанра, поскольку способна формировать речевой жанр неуверенного («гадательного») предположения [Булыгина, Шмелев, 1997].

Несомненный интерес в плане изучения модусных категорий на диалектном материале представляют работы С. П. Петруниной, посвященные исследованию персуазивных значений [Петрунина, 1992, 2008б, 2007, 1993, 2012а, 2012б]. Автор обращается к анализу синтаксических и ситуативных условий употребления некоторых модальных слов с семантикой персуазивности, что, безусловно, актуально для лексикографической практики.

Таким образом, в результате многочисленных лингвистических исследований к настоящему времени намечены основные, наиболее существенные линии описания модуса. Набор модусных смыслов в работах разных авторов варьируется (см. [Гак, 1978; Шмелева, 1995; Всеволодова, 2000 и др.]). Проблема изучения категорий модуса, вопрос об их структурированности решаются исследователями по-разному. Отсутствие единства во мнениях ученых вполне закономерно в силу сложности описываемого объекта исследования, особенностей языкового материала, которым оперирует автор, разнообразия концепций. Трудность анализа модусных категорий объясняется также имплицитностью модуса, разнообразием средств выражения на разных уровнях языка, «размытостью» категориальных границ.

По образному выражению О. Н. Копытова, категории авторизации и персуазивности представляют собой «падежи парадигмы» модуса

высказывания [Копытов, 2004]. Это можно объяснить тем, что анализируемые категории 1) отличаются достаточно частотной выраженностью в речи, 2) относятся к обязательным категориям модуса: передавая информацию, автор обязан квалифицировать ее по двум параметрам: а) как принадлежащую ему/другому лицу, а также б) со стороны ее достоверности/недостоверности, выражения уверенного или неуверенного знания. Кроме того, интерес к исследованию категорий авторизации и персуазивности может быть вызван их синкретичной природой, распространением своего действия на ряд других категорий модуса.

Краткий обзор литературных источников демонстрирует, что основные подходы к исследованию категорий модуса разработаны на литературном материале. Это не позволяет во всей полноте представить характерные черты тех или иных модусных категорий. Модус диалектного высказывания оказывается малоисследованным, представляет собой фрагментарную картину, с большим количеством лакун. Очевидно, это связано с тем, что изучение модусных смыслов на диалектном материале началось сравнительно недавно.

1.3. Категория авторизации: основные теоретические аспекты исследования

Данный раздел посвящен обзору подходов к анализу авторизации, определению ее сущности, специфических признаков.

1.3.1. Традиции изучения категории авторизации в отечественной лингвистике

Категория авторизации получает различные терминологические обозначения в лингвистических исследованиях.

Например, в ряде работ для указания на информацию, полученную от чужих лиц, используются термины «пересказывательность» [Козинцева, 2007; Корди, 2007], «цитатив» [Мельчук, 1998, с. 199]. В некоторых работах для разграничения «своего» и «чужого» слова используется термин «модусная рамка» (как способ восприятия, способ получения информации) [КГРЯ, 2004].

В рамках мировой практики в зарубежных исследованиях задается иной вектор изучения категории авторизации. В американской и западноевропейской языковедческой литературе факты проявления авторизации принято связывать с грамматикализованной категорией эвиденциальности (засвидетельствованности), ставшей, по замечанию Ж. Лазара, популярной темой в лингвистических исследованиях [Lazard, 1999, p. 91] (см. [Naan, 1999, 2000; Dendale, 2001; Palmer, 2001; Aikhenvald, 2004]). В русистике эвиденциальности уделяется особое внимание в работах Е. Е. Корди [Корди, 2007], Н. А. Козинцевой [Козинцева, 2007], В. С. Храковского [Храковский, 2007] и др. С середины 90-х годов XX века появляется целый поток публикаций об эвиденциальности, расширяется спектр языков, на материале которых рассматривается эта языковая категория.

Однако в отечественной лингвистической школе сложилась традиция называния источника или способа получения информации термином «авторизация» (см. [Золотова, 1973; Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995 и др.]). Имеется большое количество современных работ, посвященных проблеме авторизации. Термин «авторизация» употребляется в исследованиях современных лингвистов [Гричин, 2003, 2010а, 2010 б, 2014, 2015; Копытов, 2004; Рыгованова, 2006; Шацкая, 2008, 2011; Гричин, Демешкина, 2014 и др.], вслед за которыми он будет использоваться и в нашей работе.

Впервые понятие авторизации встречается в монографии Г. А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» [Золотова, 1973]. Автор употребляет этот термин для обозначения способов осложнения модели предложения по линии модуса. Сущность авторизации, по мысли автора, заключается в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Там же, с. 263]. В целом, Г. А. Золотова не обосновывает языковой статус авторизации, не предлагает ее полного и системного описания, однако делает ряд замечаний, которые важны для дальнейшей теоретической разработки проблемы. Так, способы передачи чужого слова автор связывает с возможностями коммуникативных регистров; исследователь описывает авторизирующие глаголы, выступающие как «компликаторы», усложняющие модели предложения, намечает перспективы анализа авторизации в пространстве художественного текста. Своеобразный итог разработки концепции автора – коллективная монография под общей редакцией Г. А. Золотовой, в которой авторизационные значения рассматриваются в соотношении с такими явлениями синтаксической семантики, как субъектная перспектива, субъектная зона, субъектная сфера и взаимодействие субъектных сфер предложения [КГРЯ, 2004].

Статус категории авторизация получает в исследованиях Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995]. Наряду с персуазивностью и оценочностью, авторизация рассматривается в ряду категорий кваликативного модусного плана, позволяющих говорящему проявлять свое отношение к событиям и информации о них. Эта общая квалификация прослеживается в работах большинства современных лингвистов [Копытов, 2004; Ревякина, 2006; Рыгованова, 2006 и др.]. Важная

характеристика авторизации, отмеченная исследователем, заключается в ее возможной имплицитности, связанной в числе прочих факторов с принципом действия так называемого «авторизационного ключа» [Шмелева, 1988а, с. 36].

Особый взгляд на категорию авторизации представлен в монографии М. В. Всеволодовой [Всеволодова, 2000]. В отличие от Т. В. Шмелевой, которая рассматривает авторизацию как категорию модуса, М. В. Всеволодова настаивает на разграничении понятий «модус» и «авторизация», считая их теснейшим образом связанными, выходящими «из одного корня», однако различными категориями. Авторизация, по мнению исследователя, подобно модусу, представляет собой группу добавочных смыслов, привносимых в диктум, и, как уже отмечалось, расположена в ряду текстовых характеристик модуса, наряду с категориями внутрисинтаксической модальности и оценки [Всеволодова, 2000, с. 300–302].

В ряде работ осуществляется широкий подход к исследованию категории авторизации. Например, А. Мустайоки включает в объем категории авторизации значение достоверности, отмечая, что «достоверность Р – не параметр действительности, а элемент Авторизации: это субъективное мнение говорящего о вероятности Р» [Мустайоки, 2006, с. 287]. Такая позиция свидетельствует о «спаянности», взаимодействии авторизации и персуазивности, однако представляется не совсем обоснованной. Представляется, что семантика авторизации пересекается с персуазивностью, однако полностью не совпадает с ней, тем самым значение уверенности/неуверенности говорящего в достоверности информации составляет суть отдельной модусной категории – персуазивность. Широкий подход к авторизации предлагается также Л. И. Василенко в статье «Модальные слова как средство авторизации текста» [Василенко, 1984]. Автор акцентирует внимание на экспликации субъекта речи при помощи

модальных слов (в том числе со значением персуазивности), квалифицируя их как средство авторизации предложения.

В работах А. Г. Етко категория авторизации рассматривается как функционально-семантическое поле, «система разнородных семантик и средств их выражения, объединенных общим значением засвидетельствованности» [Етко, 2007, с. 8]. Исследователь справедливо считает, что категория авторизации отражает разные ступени познания человеком объективной действительности – от простого ее восприятия до умозаключения [Етко, 2011, с. 10], что проявляется на уровне арсенала средств выражения авторизации. Автору удалось продемонстрировать синкретичный характер авторизации, показать, что данная категория осложняется перцептивной, оценочной, персуазивной, пересказывательной и инференциальной семантикой. Идеи А. Г. Етко, реализованные на литературном материале, являются важными для разработки проблем межкатегориального взаимодействия. Однако представляется, что оценочность и персуазивность следует рассматривать не только как значения, осложняющие семантику авторизации, но и как самостоятельные модусные категории.

Научные изыскания, отражающие «текстовую» направленность в изучении категории авторизации, демонстрируют несколько трактовок этого явления от близких к грамматическим (см. работы [Филатова, 2000; Копытов, 2004; Гричин, 2010б] до семантико-стилистических [Баженова, 2001].

По словам В. В. Филатовой, «авторизация позволяет писателю... воплотить в многоголосом тексте многообразие индивидуальных и коллективных мнений и оценок» [Филатова, 2000, с. 170]. Тем самым описание средств авторизации, участвующих в создании образа автора, указывает на то, что авторизацию можно рассматривать как способ оформления повествовательного дискурса.

В диссертационном исследовании О. Н. Копытова, посвященном анализу взаимодействия авторизации и персуазивности в текстах различной жанровой принадлежности, авторизация трактуется как «указание на источник знания/мнения или субъекта иллокутивной силы, или принадлежность состояния определенному лицу» [Копытов, 2004, с. 9], что в общих чертах совпадает с трактовкой этого понятия Т. В. Шмелевой. По мысли исследователя, авторизационные конструкции расширяют свой «радиус действия», проявляя текстостроительные функции. Идея О. Н. Копытова о расширении «радиуса действия» авторизации при переходе с уровня высказывания на пространство текста развивается С. В. Гричиным [Гричин, 2010в].

В работах Е. А. Баженовой, С. В. Гричина, Т. А. Демешкиной, исследовавших тексты разной функциональной и жанровой принадлежности, делается акцент на когнитивной природе авторизации, ее связи с мыслительными операциями, осуществляемыми говорящим [Баженова, 2001; Гричин, 2014; Гричин, Демешкина, 2014; Демешкина, 2014, 2015]. Более того, в публикациях последнего десятилетия авторизация предстает в виде когнитивно-дискурсивной модели, позволяющей выявить одновременно несколько «каналов» описания: структурную организацию, текстовое воплощение, прагматическую, стилевую и дискурсивную реализацию [Гричин, 2014]. В текстах разной стилистической и жанровой принадлежности когнитивно-дискурсивная модель авторизации представлена по-разному. В частности, для научного дискурса на первый план выдвигаются ментальные процессы говорящего, связанные с обработкой информации, в сфере СМИ доминирует оценочная деятельность говорящего, в диалекте преобладает повседневно-бытовая деятельность субъекта речи [Гричин, Демешкина, 2014].

Таким образом, в трудах лингвистов авторизация представляет собой многоплановое явление и рассматривается в качестве:

- категории, отделенной от модуса, но тесно с ним связанной (М. В. Всеволодова);
- квалификативной модусной категории, имеющей функционально-семантический характер (Т. В. Шмелева);
- когнитивно-дискурсивной модели, интегрирующей комплекс значений субъектных компонентов речи (С. В. Гричин).

Принимая во внимание перечисленные точки зрения (соглашаясь в целом с отдельными положениями авторов), мы присоединяемся к концепции Т. В. Шмелевой, одной из первых наметившей пути изучения авторизации. Вслед за автором в настоящей работе авторизация интерпретируется как модусная категория, предполагающая квалификацию двух обязательных параметров информации: а) «своя»/«чужая» по отношению к автору и б) способ и источник получения информации. В то же время вслед за Т. А. Демешкиной авторизации придается когнитивно-дискурсивный характер категории, взаимодействующей «с другими модусными категориями внутри высказывания», находящейся «на пересечении множества связей и отношений категорий и явлений другого уровня, представляющих внешнюю среду и проецируемых в диктумный слой семантики высказывания» [Демешкина, 2014, с. 333].

1.3.2. Признаки категории авторизации

На базе проанализированных литературных источников отметим основные признаки категории авторизации. К ним относятся: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является универсальная дихотомическая оппозиция по линии «свое»/«чужое»; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) совокупность языковых средств выражения авторизационных значений, образующих

систему на разных уровнях языка; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

Рассмотрим перечисленные признаки категории авторизации более подробно.

1) Собственное содержание, основой формирования которого является универсальная дихотомическая оппозиция по линии «свое»/«чужое»

В основе формирования модусной категории авторизации находится бинарная оппозиция «свое»/«чужое», или «авторское»/«цитируемое», что позволяет отнести данную категорию к оппозитивному типу, а также определить содержание авторизации как такую организацию речевого общения, при котором происходит противопоставление «своей» и «чужой» информации: «...автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать её как свою или чужую...» [Шмелева, 1984, с. 29]. Это значит, что источником информации, с одной стороны, может быть сам говорящий, который основывает сообщение на непосредственном чувственном опыте или получает информацию логическим путем («свое»), а, с другой стороны, говорящий может ссылаться на информацию, полученную от других лиц («чужое»).

2) Эксплицитность/имплицитность языковых средств выражения

«Своеобразным продолжением внутрикатегориальной оппозиции, образующей основу авторизации, является противопоставление последней по признаку эксплицитности/имплицитности выражения» [Гричин, 2010а, с. 177]. Указание на информацию, излагаемую от лица говорящего, избыточно в силу своей очевидности. Как отмечает Т. В. Шмелева, «в языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [Шмелева, 1988б, с. 36]. Факультативность авторизационных маркеров

связывают с функционированием так называемого «авторизационного ключа», то есть распространения на все высказывания текста указания на источник информации от начала текста «до знака переключения» (ссылки уже на другой источник) [Там же]. Факультативность средств выражения авторизации также обусловлена принципом экономии речевых средств и соответствием диктумного содержания характеру получения информации.

3) Совокупность собственных языковых средств выражения авторизационных значений, образующих систему на разных уровнях языка

Авторизационная семантика выражается с помощью системы собственных разноуровневых языковых средств. Семантику авторизации выражают авторизующие предикаты [Лилова, 1989], модальные слова и частицы [Василенко, 1984; Анисимова, 1985; Буглак, 1987; Нагорный, 2001; Пляскина, 2001б], предложно-падежные формы имени (*для него, по его мнению*), «обезличенные» варианты с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т. п.) [Золотова, 1973, с. 264], сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным [Балли, 1955, с. 34–77; Черемисина, Колосова, 1987].

4) Взаимодействие категории авторизации с другими модусными категориями

Взаимодействие с другими модусными категориями, в частности, с категорией персуазивности, оценочности обусловлено нечеткостью категориальных границ авторизации. Взаимосвязь семантики авторизации и персуазивности детерминирована характером получаемой информации, степенью ее надежности и проявляется как на уровне плана содержания, так и на уровне языковой экспликации. В зависимости от степени доверия говорящего к источнику передаваемой информации, авторизационные маркеры квалифицируют информацию, которой владеет говорящий, как достоверную или недостоверную.

1.4. Теоретические аспекты исследования категории персуазивности

1.4.1. Логико-философские основы изучения категории персуазивности

Методологической предпосылкой исследования лингвистических аспектов персуазивности является логико-философская традиция, поэтому прежде чем перейти к исследованию персуазивности, обратимся к философскому аспекту изучения данной категории.

В основе понимания персуазивности находится философская проблематика ментальных состояний знания и мнения. С одной стороны, персуазивность трактуется как модусная категория, выражающая уверенность/неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации, с другой, является языковым способом репрезентации эпистемических категорий знания и мнения.

Центральным понятием в философии и логике считается знание, характеризующееся, истинностью, верифицируемостью, мнение же определяется как то, что не соответствует критериям знания или как знание «допускающее ложь».

Интерес к проблематике знания и мнения проявляли уже представители древнегреческой философии (Парменид, Платон, Ксенократ, Аристотель и др.), философы Средневековья (в частности, Р. Декарт), классики немецкой философии (И. Кант и др.), занимавшиеся разработкой теории познания. Основным философским вопросом в данном аспекте является осмысление того, что в «мысленном» мире является отражением объективной реальности, а что – творением разума человека [Шатуновский, 1993, с. 127].

Проблематика знания и мнения, активно разрабатываемая в рамках лингвистического направления аналитической философии (Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, П. Малкольм и др.), постепенно стала преимущественно языковой [Дмитровская, 2003, с. 48]. Так, Е. И. Беляева в рамках модальности достоверности выделяет микрополя истинности и вероятности [Беляева, 1990, с. 157–170]. Е. С. Яковлева выявляет соотношение между объективной и субъективной характеристикой высказывания и характером и степенью знания говорящего о предмете речи [Яковлева, 1994]. Вопросы языкового выражения эпистемических категорий знания и мнения разрабатываются в целом ряде работ [Зализняк, 1991; Комм, 1990; Иоанесян, 1993; Шатуновский, 1993; Рябцева, 2005 и др.].

Логико-гносеологической базой исследования категории персуазивности является также антропософская концепция «возможных миров», интерпретируемых «как возможное положение дел либо как возможное направление развития событий» [Бабушкин, 2001, с. 6]. В русле данного направления модальной логики проводится интерпретация семантики модальных слов – показателей категории персуазивности [Шатуновский, 1996; Бабушкин, 2001 и др.].

Выход за границы собственно лингвистического анализа в область философии и логики позволяет определить природу, языковую реализацию модусной категории персуазивности, выявить механизмы, лежащие в ее основе.

1.4.2. Лингвистические традиции исследования категории персуазивности

В современном языкознании понятие персуазивности имеет несколько прочтений, что обусловлено рядом факторов:

1) междисциплинарным характером категории, поскольку теория персуазивности объединяет данные риторики, социологии, когнитивной психологии, теории массовой коммуникации, языкознания;

2) разнообразием подходов к изучению, а также множеством направлений в самой лингвистической науке. Персуазивность изучается в рамках стилистики, лингвистики текста, в теории речевого воздействия и т.д.

Как показывает обзор исследований, термин «персуазивность» не является устоявшимся. Значение уверенности/неуверенности говорящего в достоверности информации может быть обозначено как:

- субъективная модальность [Золотова, 1973; Буглак, 1987; Корди, 1988; Королева, 1989];
- модальность достоверности (категория достоверности) [РГ, 1979, с. 845–849; Беляева, 1990];
- эпистемическая модальность [Шатуновский, 1996; Мустайоки, 2006];
- модальность истинности [Грепл, 1978, с. 57–69];
- персуазивная модальность [Панфилов, 1977, с. 28-44; Бондаренко, 1977; Большакова, 1993];
- персуазивность [Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995; Белошапкова, 2003; Ревякина, 2006; Шацкая, 2008, 2011 и др.].

Само понятие «персуазивность» (от лат. *persuasio* – 1) уговаривание, уверение; 2) убеждение, мнение, уверенность [Дворецкий, 1976, с. 757]) в русскоязычном и англоязычном научных дискурсах трактуется неоднозначно.

С одной стороны, в работах отечественных авторов в рамках лингвистики текста персуазивность интерпретируется как модусная категория, обозначающая рефлексия автора относительно своего или чужого высказывания с позиции достоверного или недостоверного характера информации [Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995; Долбик, 2005; Ревякина, 2006, 2010 и др.]. С другой стороны, персуазивность рассматривается

(преимущественно в зарубежной лингвистике, а также в ряде современных отечественных работ) как разновидность манипулирования сознанием речевых партнеров и их поведением [Pratkanis, 1992; Голоднов, 2003 и др.]. С таким пониманием персуазивности связан выделенный Р. Т. Лакоффом особый вид дискурса – персуазивный [Lakoff, 1982], основной функцией которого является убеждение.

Настоящая работа базируется на концепции Т. В. Шмелевой, в соответствии с которой термин «персуазивность» понимается как модусная категория, которая квалифицирует информацию в аспекте уверенности или неуверенности говорящего в ее достоверности. Кроме того, как представляется, персуазивность может быть связана с коммуникативно-прагматической стратегией убеждения, поскольку реализует попытку воздействия говорящего на адресата. Несмотря на то, что чаще всего персуазивный дискурс сопрягается со сферами рекламы, политики, медиа, персуазивность используется в любой коммуникативной ситуации, предполагающей убеждение (в том числе и в диалектной); персуазивным может быть названо любое действие, которое нацелено на то, чтобы вызвать определенное отношение получателя сообщения (см. [Логинова, 2005]). В соответствии с этим наличие значительного числа персуазивных показателей в диалектном высказывании актуализирует перспективную проблему исследования персуазивных стратегий в диалекте как особой форме коммуникации.

Обратимся к традиции исследования персуазивности в лингвистической литературе.

Персуазивность как модусная категория опирается на историю изучения модальности в отечественном и зарубежном языкознании [Виноградов, 1975; Панфилов, 1977; Филипповская, 1978; Грепл, 1978; Петров, 1982; Вольф, 1985; Palmer, 2001; Доброгост, 2002 и др.].

Данное понятие преимущественно исследовалось в связи со спецификой его плана выражения – модальных слов и частиц (*наверно, по-видимому, очевидно, вероятно, может быть, кажется, как будто, вроде, бесспорно, безусловно* и т.д.), обозначающих различную степень уверенности говорящего в достоверности информации, – под наименованием субъективная модальность [Буглак, 1987; Корди, 1988; Королева, 1989 и др.]. Характерно, что в узком понимании субъективная модальность выступает именно как оценка степени достоверности/недостоверности сообщаемого [Буглак, 1987, с. 3], оценка говорящим своей уверенности в достоверности/недостоверности сообщения [Корди, 1988]. При такой интерпретации субъективная модальность и персуазивность предстают как различные номинации одного и того же явления. Однако Н. П. Перфильева допускает, что субъективная модальность и персуазивность могут быть связаны отношениями включения [Перфильева, 1992а, с. 123]. Взаимоотношения подобного рода между субъективной модальностью и персуазивностью наблюдаются в работах Г. А. Золотовой, Т. М. Королевой, рассматривающих персуазивность как разновидность субъективной модальности [Золотова, 1973, с. 150; Королева, 1989, с. 24].

Как самостоятельный тип модальности, включающий проблематическую (с оттенком наибольшего сомнения), простую (выражаемую немаркированным утверждением) и категорическую достоверности (с оттенком наибольшей уверенности говорящего в сообщаемом), персуазивные значения рассматриваются в [Бондаренко, 1977; Панфилов, 1977].

В ряде работ обращается внимание на оценочный характер данной категории и используется термин «модальность достоверности», который отражает семантическую основу оценки – степень осведомленности и характер знания говорящего о действительности [РГ, 1979, с. 845–849; Яковлева, 1983; Беляева, 1990]. Представляется ценной информация о том,

что основанием оценки достоверности высказывания служат три типа информации: 1) непосредственная информация, основанная на чувственном восприятии, приобретенном опыте; 2) косвенная информация, на основании которой говорящий может путем логического рассуждения сделать оценку ее достоверности; 3) информация, полученная «из чужих рук». Это дает основание предположить, что категория персуазивности так же, как и авторизация, отражает разные способы восприятия действительности – от непосредственно-чувственного до логического.

В рамках семантического синтаксиса, опирающегося на идеи диктумно-модусного устройства высказывания, субъективные значения, отражающие степень уверенности говорящего в достоверности информации, обозначают термином «персуазивность». В разделе синтаксиса в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В. А. Белошапковой персуазивность, наряду с целеустановкой и предикативностью, составляет обязательные субъективные значения, исходящие от говорящего, однако не имеет статуса категории [Белошапкова, 1999]. Статус категории, входящей в число модусных компонентов высказывания, персуазивность получает в трудах Т. В. Шмелевой, вслед за которой данная квалификация распространяется на большую часть современных изысканий.

Принимая во внимание все перечисленные точки зрения, еще раз подчеркнем, что в настоящем исследовании мы придерживаемся концепции модуса Т. В. Шмелевой. Вслед за автором в настоящей работе персуазивность интерпретируется как модусная категория, предполагающая квалификацию информации в плане уверенности/неуверенности автора в ее достоверности. Важно отметить, что здесь имеется в виду подход к достоверности с лингвистической позиции. Речь идет о субъективном отношении автора к свойству информации – его уверенности/неуверенности в достоверности излагаемого [Шмелева, 1995, с. 28], тогда как с логико-философской позиции достоверность/недостоверность интерпретируется

«как объективное свойство информации, подлежащее проверке» [Там же]. Однако показатели персуазивности являются экспликаторами не только «количества» (степени уверенности говорящего в достоверности информации), но и «качества» информации, на основании которой было сформировано то или иное высказывание.

1.4.3. Признаки категории персуазивности

К основным категориальным признакам персуазивности относятся: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является семантическая оппозиция «уверенность»/«неуверенность» в достоверности информации; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) разноуровневый характер языковых средств выражения; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

Рассмотрим перечисленные признаки более подробно.

1) Семантическая оппозиция уверенности/неуверенности говорящего в достоверности информации

В основе формирования модусной категории персуазивности находится дихотомическая оппозиция «уверенность»/«неуверенность», что позволяет отнести данную категорию к оппозитивному типу. Семантическую шкалу уверенности/неуверенности обычно представляют в виде двух полюсов, на одном из которых располагаются средства выражения модальности проблематической достоверности с наибольшей степенью сомнения, на другом – средства выражения модальности категорической достоверности с наибольшей уверенностью говорящего в сообщаемом (ср. показатели категорической достоверности и показатели проблематической достоверности [Бондаренко, 1977], «слова, выражающие уверенность в реальности сообщаемой информации» и «слова, выражающие неуверенность в реальности сообщаемой информации» [Анисимова, 1982], «слова,

выражающие утверждение» и «слова, выражающие предположение» [Смушкевич, 1968]).

2) Эксплицитность/имплицитность средств выражения

Так же, как и категория авторизации, персуазивность обязательна в плане содержания, но факультативна в плане выражения. Эксплицитность/имплицитность выражения персуазивности как «своеобразное продолжение внутрикатегориальной оппозиции» (С. В. Гричин) регулируется принципом стандарта: отсутствие сомнения в достоверности выражается имплицитно. Специальные показатели вводятся в нестандартной ситуации: а) в ситуации, когда говорящий не располагает знаниями, достаточными для описания предмета речи или явления; б) при изложении предположений; в) при передаче информации, которая по тем или иным причинам вызывает у говорящего сомнения; г) для снятия ответственности с говорящего за недостаточно проверенные сведения; д) с целью достижения эффекта так называемой «синтаксической вежливости», исключая категоричность изложения взглядов и мыслей или, наоборот, е) «в ситуациях дискуссии, спора, при необходимости воздействовать на слушателя» [Всеволодова, 2000, с. 308], «навязать свою точку зрения» [Шмелева, 1988б, с. 37].

3) Совокупность собственных языковых средств выражения персуазивных значений, образующих систему на разных уровнях языка

В плане выражения категория персуазивности очень разнообразна. К ядерным (прототипическим) средствам относятся единицы, выполняющие функцию персуазивности в своем первичном значении, периферийными средствами категории выступают единицы, реализующие эту функцию в своих вторичных значениях на уровне контекста [Болдырев, 2009, с. 40].

Показатели персуазивности в литературном языке хорошо известны. Это в основном модальные слова и частицы типа *верно, вероятно, вряд ли, должно быть, очевидно, как будто, по-видимому, кажется, может быть,*

наверно и т.д., некоторые ментальные глаголы. Одна из первых попыток описания маркеров персуазивности – модальных слов и частиц – осуществлена в трудах В. В. Виноградова [Виноградов, 1972, 1975]. Для нашей работы особый интерес представляют вводно-модальные слова, выражающие, по В. В. Виноградову, логическую оценку достоверности утверждения [Виноградов, 1975], а именно недостаточную степень уверенности говорящего в истинности сообщения.

Помимо модальных слов и частиц в качестве основных средств выражения персуазивности рассматривают также повторяющиеся разделительные союзы со значением предположительности, изъяснительные конструкции, в главной части которых заключен модус высказывания.

К периферийным средствам выражения персуазивности можно отнести неопределенные местоимения, местоименные наречия, изъяснительные союзы с соответствующей семантикой и др., разнообразные средства выражения иронического отрицания, в том числе синтаксические (см. [Мякотина, 1982; Апресян, 1995, с. 137]); мнимо-отрицательные конструкции, имеющие характер риторического вопроса.

Кроме того, для экспликации неуверенности говорящего используются языковые средства, обслуживающие категорию авторизацию.

Немаловажно отметить интонационные, просодические средства экспликации персуазивности, играющие значительную роль в диалекте. Использование определенных средств, приемы их соединения в высказывании обусловлены авторской установкой, коммуникативной ситуацией речевого общения.

4) Взаимодействие с другими модусными категориями

Представляется очевидным взаимодействие персуазивности с модусными категориями авторизации, эмотивности, оценочности, неопределенности и др., обусловленное неоднородностью категории персуазивности, размытостью ее границ, синкретичным характером.

1.5. Методика описания авторизации и персуазивности в диалектном высказывании

Перечень наиболее существенных линий описания модусных категорий авторизации и персуазивности отмечен Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1988а, 1995]. Данные категории выделены исследователем с опорой на ряд важнейших параметров: характеристика содержания высказывания, языковые средства воплощения, механизмы взаимодействия между собой.

Г. А. Золотова предлагает описание авторизации через выявление ее содержательных разновидностей (квалифицирующая, восприятия, обнаружения); определение объективного/субъективированного (авторизованного) способов подачи информации; анализ структуры высказывания, содержащего указание на источник информации; выделение глаголов авторизующего значения [Золотова, 1973, с. 263–278; Золотова, 1982, с. 167]. В диссертационной работе А. Г. Етко [Етко, 2011] анализ категории авторизации осуществляется через описание семантико-функциональных типов авторизованных конструкций перцептивной, пересказывательной, персуазивной, оценочной и инференциальной семантики.

Попытку создания модели описания авторизации в научном дискурсе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода предпринимает С. В. Гричин [Гричин, 2015]. Методика многоаспектного анализа категории авторизации на материале научной статьи включает несколько «шагов», позволяющих рассмотреть авторизацию в комплексе: «описание экстралингвистической обусловленности введения авторизационной и когнитивно-дискурсивных особенностей авторизации; описание структурной организации авторизационной конструкции; определение семантического типа авторизации (квалифицирующая, обнаружения, наблюдения), а также объективированности/субъективированности (названность источника

информации/обращенность к себе); установление «радиуса действия» авторизационной конструкции (текстового отрезка, на который распространяется ее значение), а также ее взаимодействия с другими авторизационными конструкциями в тексте» [Гричин, 2015, с. 13].

Можно отметить, что основные линии или модели описания авторизации осуществляются на материале письменных литературных источников. Необходима разработка методики анализа авторизации и персуазивности на материале диалектной речи с учетом нескольких аспектов: структурной организации, семантических и функциональных характеристик. Анализ модусных категорий авторизации и персуазивности, предложенный в работе, позволит не только выявить характер их актуализации в диалектном высказывании, но и дополнить признаки диалектного дискурса «как коммуникативного пространства, обладающего определенными свойствами» [Гричин, 2015, с. 13].

Модель описания модусных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании включает следующие параметры:

- способы и источники получения информации, позволяющие выявить характер восприятия знания в диалектном дискурсе;
- способы ментальной обработки чужой речи, демонстрирующие активную роль говорящего, осуществляющего в ходе коммуникации различного рода умственные операции над чужой и собственной речью;
- виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании;
- средства языкового воплощения авторизации и персуазивности, включающие широкий набор лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности;
- механизмы взаимодействия анализируемых категорий, имеющих синкретичную природу.

Использование перечисленных параметров обуславливает характер методики анализа категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Методика описания категории авторизации в диалектном высказывании включает следующие этапы:

- 1) выявление высказываний и текстовых фрагментов, содержащих слова и словосочетания – маркеры авторизации;
- 2) описание способов получения информации, представленных в диалекте;
- 3) классификация источников информации, полученной «из чужих рук»;
- 4) анализ способов ментальной обработки чужой речи, вводимой в высказывание;
- 5) лексико-грамматическая и семантическая характеристика выявленных авторизационных показателей с указанием частотности их использования в анализируемом материале;
- 6) классификация маркеров авторизации в соответствии с их системной принадлежностью.

Методика описания категории персуазивности в диалектном высказывании включает следующие этапы:

- 1) выявление высказываний и текстовых фрагментов, содержащих слова и словосочетания – маркеры персуазивности;
- 2) описание видов персуазивной семантики, реализуемой в диалектном высказывании;
- 3) классификация маркеров персуазивности в соответствии со способом получения знаний, отраженном в диалектном высказывании;
- 4) лексико-грамматическая классификация выявленных персуазивных маркеров (с указанием частотности их использования в анализируемом материале);

5) классификация экспликаторов персуазивности в соответствии с их системной принадлежностью.

Обобщающим (завершающим) этапом анализа категорий авторизации и персуазивности является описание механизмов взаимодействия указанных категорий в пределах высказывания.

Выводы по главе 1

1. Вектор лингвистических изысканий последних десятилетий смещен в область исследования модусных регистров высказывания, отражающих позиции, оценки, взаимодействие коммуникантов, их коммуникативно-прагматические цели. Обзор лингвистических работ демонстрирует, что в семантике высказывания регулярно проявляют себя две модусные категории, входящие в состав обязательных компонентов смысловой организации высказывания, – авторизация и персуазивность.

2. Авторизация интерпретируется как обязательная модусная квалификативная категория, служащая для выражения способа и источника получения информации. Данная категория характеризуется следующими признаками: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является универсальная дихотомическая оппозиция по линии «свое»/«чужое»; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) совокупность языковых средств выражения авторизационных значений, образующих систему на разных уровнях языка; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

3. Персуазивность понимается нами как модусная категория, предполагающая квалификацию информации в плане уверенности/неуверенности автора в ее достоверности, и характеризуется следующими основными признаками: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является семантическая оппозиция

«уверенность»/«неуверенность» в достоверности информации; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) разноуровневый характер языковых средств выражения; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

4. Модель описания модусных категорий авторизации и персуазивности, актуализованных в диалектном высказывании, включает ряд параметров: способы и источники получения информации; способы ментальной обработки информации, вводимой в высказывание; виды персуазивных значений, реализуемых в диалекте; средства языкового выражения авторизации и персуазивности; механизмы взаимодействия анализируемых категорий.

Использование перечисленных параметров обуславливает методику анализа актуализации авторизации и персуазивности в диалектном высказывании. Данная методика включает ряд этапов, по которым описывается каждая отдельная категория, и дает возможность выявить одновременно несколько аспектов актуализации указанных категорий в диалектном высказывании.

ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АВТОРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

2.1. План содержания категории авторизации, актуализованной в диалектном высказывании

По замечанию М. М. Бахтина, «всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово (разрядка наша – З. Б.)» [Бахтин, 1979, с. 268]. В рамках настоящей работы важны два аспекта, выделенные исследователем, – «чужое слово» и «мое слово», составляющие универсальную оппозицию «свое»/«чужое».

Данная оппозиция, эксплицируемая в языке и культуре, организует план содержания категории авторизации. Культурная дихотомия «свое»/«чужое» занимает важное место в ценностной картине мира говорящего, о чем свидетельствуют многочисленные работы, в том числе на материале диалектной речи [Серебренникова, 2005; Дронова, 2006; Курикова, 2008; Крючкова, 2010; Фельде, 2011; Харламова, Карташева, 2014 и др.].

Сообщая информацию, автор квалифицирует ее как принадлежащую ему самому («свое») или кому-либо другому («чужое»). При изложении своей и чужой информации диалектоноситель может уточнять и конкретизировать авторизационную характеристику высказывания:

а) через указание на способ («канал») получения информации (непосредственное чувственное восприятие, логическое умозаключение и т.д.);

б) посредством отсылки к источнику (человек, СМИ), что существенно для передачи информации, полученной «из чужих рук».

Кроме того, в сфере авторизации проявляет себя расчлененный характер поименования субъектов – носителей информации [Демешкина, 2013а, с. 25]. В данном контексте обнаруживается проблема соотношения понятий «автор информации» и «говорящий». Речь идет о двух планах речи – плане другого лица, которое является внешним источником информации, и плане говорящего, использующего полученную информацию в соответствии со своими коммуникативными намерениями. Диалектоноситель модифицирует полученную информацию в своих коммуникативных целях: уточняет, добавляет, интерпретирует. Данное свойство в сфере авторизации может быть использовано при описании способов ментальной обработки как «чужого», так и «своего» слова.

Обратимся к исследованию перечисленных аспектов авторизации в диалектной речи.

2.1.1. Способы получения информации и их отражение в диалектном высказывании

В современной лингвистике значительное внимание уделяется отражению процессов познания в языке, систематизации, хранению, а также репрезентации полученных знаний. Это связано с развивающейся в последнее время все более интенсивно когнитивно-дискурсивной парадигмой лингвистического знания. В этой связи обращение к описанию основных способов получения информации в диалекте представляется весьма перспективным и актуальным.

В основе разграничения способов получения информации находится оппозиция декларативного и процедурного видов знания, классифицируемых по разным основаниям. Декларативное знание, имеющее эмпирико-событийный характер, представлено «в виде суммы утверждений о мире» и противопоставлено «процедурному знанию, хранящемуся в памяти как

последовательность команд или операций» [Баранов и др., 2003, с. 97]. Как известно, одну из попыток установить различие между этими типами знаний предпринимал английский философ Б. Рассел [Рассел, 1999], который противопоставил два вида знаний:

а) «знание-знакомство», которое имеет эмпирический (наглядно-чувственный) характер («Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины»);

б) «знание-описание», полученное логическим (рациональным) путем («Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей с помощью некоторых общих принципов») [Там же, с. 34–35].

Философские идеи Б. Рассела находят отражение в публикациях лингвистов [Яковлева, 1994; Демешкина, 2000; Плунгян, 2000; Козинцева, 2007 и др.], также противопоставляющих два основных способа получения информации, – эмпирико-событийный и логико-обобщенный.

В монографии Е. С. Яковлевой, использующей нестандартную терминологию, выделяется два типа информации: «характерная» и «нехарактерная» [Яковлева, 1994]. Информация является «характерной», если носитель языка получает ее непосредственно, без привлечения логического вывода и общих знаний. «Нехарактерная» информация связана с логическими умозаключениями говорящего.

В работах В. А. Плунгяна [Плунгян, 2000], Н. А. Козинцевой [Козинцева, 2007] противопоставляются прямые и косвенные источники информации. К прямым источникам авторы причисляют чувственные (зрительные, слуховые и др.) и так называемые «эндофорические» (внутренние ощущения говорящего – страх, голод, жажда и др.) источники информации. Косвенные способы получения информации связаны с логическими операциями говорящего или основываются на сообщении

другого лица. Кроме того, В. А. Плунгян противопоставляет непосредственный (говорящий имел личный доступ к фактам) и опосредованный (говорящий не имел личного доступа к фактам) способы получения информации.

В. С. Храковский разграничивает первосигнальную и второсигнальную информацию. По мнению исследователя, к первосигнальной информации относятся те знания об окружающем мире, которые человек получает с помощью органов чувств. На базе полученной первосигнальной (чувственной) информации появляется второсигнальная информация, которую человек создает сам с помощью различных мыслительных операций. Согласно данной классификации, информация, воспринимаемая с помощью слуха, может относиться к второсигнальной информации, поскольку «в процессе ее создания и получения человек осуществляет кодирующие и декодирующие операции» [Храковский, 2007, с. 601].

Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» используют понятие коммуникативных регистров речи, противопоставленных по способу восприятия действительности и по интенциям говорящего [КГРЯ, 2004]. В частности, исследователи вводят оппозицию изобразительного (репродуктивного) и информативного регистров речи, соотнесенных с чувственным и ментальным способами получения знаний.

Особый интерес в аспекте изучения способов восприятия и осмысления окружающего мира представляет диалектная речь, в которой выражаются как декларативные, так и процедурные знания. К систематизации и характеристике способов представления диалектного знания обращаются Т. А. Демешкина [Демешкина, 2000, 2015], В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова [Гольдин, Крючкова, 2008]. Диалектологи отмечают приоритетность эмпирико-событийного знания в диалекте и, следовательно, преобладание моделей целостного непосредственного восприятия окружающей действительности.

В диссертационной работе дифференцированы чувственный (перцептивный) и логический (ментальный) способы получения информации, в основе разграничения которых находится оппозиция декларативного и процедурного видов знания, классифицируемых по разным основаниям. Отдельно выделен третий, чувственно-логический способ получения информации, обусловленный как органами чувств, так и мышлением.

Рассмотрим способы получения информации, представленные в диалекте, более подробно.

1. Чувственный (перцептивный) способ получения информации

Чувственное восприятие как универсальный «канал» получения информации представляет одну из важных сторон человеческой жизни. Прежде чем осмыслить окружающую действительность, человек воспринимает ее посредством органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. Зрительные, слуховые и разного рода ощущения позволяют диалектоносителю воспринимать явления окружающего мира непосредственно, без привлечения логического вывода и общих знаний.

В анализируемом материале представлено 20% высказываний⁶, отражающих чувственный способ получения информации. Например: *Ну, едят если таку рыбу солёну, дак я слыхала, к болезни така мёртва рыба. А жива, дак к снегу да к дожджу* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 318)⁷; *Увидала, что картошки у ей есь – взяла перебрала, крупненьки оставила, а мелкие поросяткам скормила* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 306).

⁶ Здесь и далее в разделе приводится процент от абсолютного числа высказываний с семантикой авторизации.

⁷ Собранный автором материал, а также материалы диалектологических экспедиций сотрудников кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета, сопровождают пометы, обозначающие территориальную отнесенность в виде [Район. Село]. Материал, извлеченный из опубликованных текстов, а также из иллюстративной части диалектных словарей, дается со ссылкой на источник.

Особенность высказываний с семантикой восприятия определяется их диктумно-модусным характером. По замечанию Т. А. Демешкиной, «в семантической структуре высказывания восприятие представлено не только в диктумной части (объективное содержание), но оно формирует и модус, поскольку отражает способ получения информации» [Демешкина, 2006, с. 13]. Ситуация восприятия реализуется через пропозицию восприятия, которая входит в круг событийных пропозиций и осложняется авторизационными значениями.

Большую часть информации о мире человек получает через глаза, поэтому на первом месте по частотности употребления в диалектной речи находится актуализация пропозиции зрительного восприятия (12%): *Муфточки были, **видала**, носили, у купцов только, не у хресьян* (В.-Кет. Б. Яр); *Я **гляжу**, он [сосед] всё прыскат, прыскат всё из лейки* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 117); ***Гляжу**, уж он поставил – ладно там, поддувало* (ЖР, с. 69); *Это был цирк в городе. **Видела**, как Дуров выезжал в кошёвке* (ВС, т. 1, с. 193); *Я задремала – не задремала и **вижу** во сне: он мне говорит: «Мать, ты чего из дому ушла, мне говорит, ешо сорок дней нету»* (Пар. Пар).

Высказывания слухового восприятия составляют 7% высказываний, осложненных авторизационной семантикой: *Я **слышала**, что в пять часов собака лаяла* (Пар. Пар.); *Я **слышу** сёдня, такой шум...* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *Она рассказыват, я **слушаю*** (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *Ну, я **слыхала**, что в избе выраишывають каки-то помидоры* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *А я **слышала**, что водкой хорошо, то ли спиртом посмазывать [ожог]* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *легла – позавчера в одиннадцать часов уж легла, и всё **слушала**, и **слушала**, и **слушала**: и песни-то пели-то, и рассказывають, как чё было [по радио]* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79).

Вклад остальных органов чувств значительно меньше (примерно 1% высказываний): *Раз пошёл, помял, помял его [брюхо], **чувствую** – тугой у неё*

[коровы] живот (ВС, т. 7, с. 295); Ну, прямо дуло – всю продуло, **чувствую**, что меня продуло (ПСДЯЛ, т. 3, с. 323).

Приведенные высказывания указывают на непосредственное восприятие ситуации диалектоносителем. Подобные высказывания можно заключить в модусную рамку изобразительного регистра «я вижу, что...», «я слышу, что...», «я чувствую, как...», «я наблюдаю, как...» (Г. А. Золотова, М. Ю. Сидорова). Описывается конкретный наблюдаемый мир, высказывания характеризуются высоким уровнем детализации. Фрагменты, картины, события действительности воспроизводятся, эксплицируются средствами языка как непосредственно воспринимаемые очевидцем чувственно: можно представить, как в действительности происходили и развивались события, «как Дуров выезжал в кошёвке», как лаяла собака и т.д. Говорящий воспринимает действительность с помощью органов чувств и изображает то, что он видит, чувствует или слышит.

Чувственное восприятие «поставляет» данные для рационального мышления в целом и может служить основой для выдвижения говорящим гипотезы, предположения и т.д.

2. Логический (ментальный) способ получения информации

В высказываниях, отражающих логический (ментальный) способ получения информации (17%), говорящий постигает действительность не с помощью органов чувств, а путем умозаключения при использовании законов логического мышления.

Логическая деятельность диалектоносителя отражается в высказываниях с семантикой инференциальности (от англ. «inference – вывод, умозаключение» [Баранов и др., 2003, с. 184]), истоки которой лежат в области логики. К инференциальным формам мышления относятся различного рода умозаключения, рассуждения, логический вывод говорящего.

Приведем примеры высказываний, отражающих ментальный способ видения действительности: *Я почём знала, что ешь? Думала, нет у тебя*

[денег] (ПСДЯЛ, т. 1, с. 351); Ну, вот **я думаю**, може быть, разве поманит его, что как к ребёнку, – да и то, наверно... [нет] (ПДСЯЛ, т. 3, с. 272); Ну раз плохой [муж], дак зачем ты ворачивасся? Врёт она. А **я понимаю**, что она така, несамостоятельна (ПСДЯЛ, т. 3, с. 138). Приведенные высказывания можно поместить в модусную рамку информативного регистра (Г. А. Золотова, М. Ю. Сидорова) – «я знаю, что...», «я думаю, что...», «мне кажется, что...». В ряде примеров подобная модусная рамка выражена эксплицитно: Ну я спорить не стала с ей, **я знаю, что** он сам перевернулся (ПСДЯЛ, т. 1, с. 350); [А Вы видели, как на блюдах гадают?] Ну, я сама держала. Ну, **мне кажется, что**, ну, это всё нарошно (Ал. Юрг.); Душицу мы называем материнка. **Думаю, что** она вот, душица, как мать (СФСР, т. 1, с. 80).

Высказывания, отражающие логический способ получения информации, проявляются в ситуациях, недоступных для непосредственного чувственного восприятия говорящего (разного рода предположения, логический вывод, прогноз на будущее). Зачастую диалектоноситель основывается на известных ему фактах, которые связаны между собой причинно-следственными отношениями: Его раскулачили. Выгнали из дому. Уж я думаю потому, потому что в то время ведь мало ведь справедливости было (Шег. Карг.); У них длинные ножки, потому что у них, видимо, это **я по-своему рассуждаю**, там трава сильна (ВС, т. 1, с. 193); **Думала**, наверное, я сахар никогда не увижу досыта, чтоб был у нас на столе. Сильно плохо было, что-то сильно такое было нельзя достать (Шег. Мельн.). Говорящий эксплицирует цепочку ментальных операций, цель которых состоит в выведении логическим путем нужной информации из имеющихся сведений. В качестве мотивирующего компонента выступают наблюдаемые или известные говорящему факты, на основании которых он и делает вывод. В каузальной части высказывания содержится аргумент для логического

умозаключения, а причинные союзы *потому что, оттого что* сближаются со смыслом «насколько я знаю, судя по тому, что».

Наиболее характерно появление высказываний с семантикой инференциальности в ситуации осуществления говорящим метаязыковой рефлексии. Под метаязыковой рефлексией понимается деятельность метаязыкового сознания, являющего собой «область рационально-логического, рефлексирующего языкового сознания» [Ростова, 2000, с. 45]. Метаязыковые фрагменты, отражающие результаты размышлений диалектоносителей над фактами языка, относятся к разновидности высказываний, отражающих причинно-следственные отношения между явлениями действительности. Высказывания включают разного рода суждения о языке, поэтому вполне закономерно функционирование лексемы *звать* в самых разных формах и проявлениях (*зовут, звали, называли, обзывали* и др.): *Бывают беленькие, бывают голубенькие, светленькие ветреницы. Незатейливые такие, а может, оттого, что на ветру растут, их так зовут ветреницы* (Мар. Благ.); *Девятисил, у него прямой стебель, цветки жёлтые [...] Называют так, наверно, потому, что девятью силами обладает или от девяти болезней помогает* (Яйск. Кайла); *Это колокольчик сборный, или как у нас называют примочная трава. Видать, имеет такие лечебные свойства, что из него примочки делают в простонародье* (Яшк. Полон.); *Залог называются. Как она, видно, заложена земля, что она лежала всё время залёжна* (ВС, т. 2, с. 256); *Рядом – это клоповник. А у него семена пахнут сильно. Наверно, потому так и называют* (Том. Бас.).

3. Чувственно-логический способ получения информации

К особому типу источников информации, обусловленных как органами чувств, так и мышлением, можно отнести воспоминания говорящего и ссылку на чужую речь (63%). В данном случае знания, полученные через непосредственное (чувственное) восприятие соотносятся со знаниями, приобретенными говорящим в результате логического умозаключения. С

одной стороны, диалектоноситель не располагает непосредственными сведениями о предмете речи. С другой стороны, в диалекте как особой форме коммуникации у говорящего может возникнуть ощущение присутствия при описываемых событиях, даже если он не являлся непосредственным наблюдателем ситуации. Рассмотрим данные источники более подробно.

а) память как источник информации (15%)

Память представляет собой своеобразное «хранилище» прошлого опыта человека: вербальная, образно-чувственная, логическая и др. информация хранится благодаря памяти. С одной стороны, описания по памяти возникают на основе мышления, так как носитель традиционной культуры общения припоминает события, но не воспринимает явления действительности чувственным путем. С другой стороны, высказывания-воспоминания можно заключить в модусную рамку изобразительного регистра «я слышал», «я видел». Фрагменты, картины, события мира, которые диалектоноситель восстанавливает в своей памяти, воспроизводятся языковыми средствами как непосредственно воспринимаемые органами чувств. Так, исследователи определяют воспоминание как «ретроспективное непосредственное восприятие» [Яковлева, 1994, с. 226], «сознание о бывшем воспринятом бытии» [Гуссерль, 1994, с. 61], ретроспективное восприятие своего прошлого «сенсорно-перцептивно-когнитивного опыта» [Семенова, 2007, с. 160]. Говорящий вспомнил события, следовательно, он располагает о них непосредственной информацией. В данном плане интересны примеры, включающие выражения *как сечас вижу*, *как сейчас помню*, которые отражают то, что ясно помнится, зримо представляется при воспоминании: *Я как щас вспомню, у нас всегда в амбаре была рыба* (Пар. Пар.); *Хотели меня в детдом взять, пришили, говорят, как счас помню, раньше почему-то печки дымили, говорят: «Ты вся в саже»* (Пар. Нест.); *А Поля померла, в пятьдесят шестом. Он её сын гыт: «Как от сечас всё вижу» – всё помнит* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 122).

Воспоминания диалектоносителей связаны с укладом прошлой жизни, с событиями жизни самого говорящего, его семьи, социума, с устройством бытовой и трудовой жизни, с глобальными, масштабными социальными событиями в истории села (война, революция): *Вот собрание было, **помню** я. Чё я была на собрании? Ну, наверно, просто пошла на собрание* (Шег. Карг.); *Вот я **помню**, мы – скоко лет мне было, девять видно, десятый, в колхоз зашли, – а у нас было три коня, две коровы, две нетели, по году, по другому, и два маленьких телёнка – шшытай, это было шесь голов, рогатых, да три коня* (ЖР, с. 91). Говорящий описывает «по памяти» «свой», зримый, осязаемый мир – хорошо известное место, предмет или человека. Высказывания-воспоминания характеризуются высокой степенью детализации. Образная память диалектоносителя восстанавливает индивидуальные, отличительные черты предметов и явлений, в описаниях имеется большое количество информативных включений – результатов знания или многократного наблюдения: *Уже самого нету сорок семь лет, как он в земле. Я соврала, сорок четыре, сорок семь [лет] мы вот тут живем, сорок восьмой пошел, вот в этой гнилушке я живу* (Пар. Пар.); *Пестики рвали. Вот счас дак я и не вспомню даже, **помню**, что вот така головка у них, а сами тоненькие стебли у них* (Пар. Пар.); *Ой, я всё **помню**, ходили сапоги-то берегли, идёшь да берегёшь их, осподи. Там, может, раз... я не знаю, мне всего раз шили сапоги, как я **помню**. Так что...* (ЖР, с. 93). Стремление детализировать непосредственный образ осуществляется через информацию, передаваемую с помощью очередного повтора глагола с семантикой памяти. Каждый этап такого повтора вводит фрагмент целостной картины: ***Я помню**, у кого кака-то свадьба была, а у нас гуляли, дак она по столам ходила. **Я помню**, в трусах, и кака-то свитра на ней была, ли майка ли, чё-то тако* (ЖР, с. 74).

Диалектоноситель помещает свои воспоминания в изобразительную модель видения действительности, описывает то, что неоднократно видел,

слышал, то, что помнит. Эмоциональная окрашенность высказываний усиливает их наглядно-чувственный фон. Сигналом того, что говорящий пытается вспомнить что-либо непосредственно относящееся к описываемым событиям, а не выдвигает гипотезы, является наличие в высказывании слов типа *это, как его (ее), что ли*, неопределенных наречий *как-то, когда-то, где-то*, пауз между частями высказывания: *И этот жених привез со своего лесоучастка две бутылки, что ли* (Пар. Новос.); *Нету никакой ни мази, никого не было, не брали, а как-то чё-то забыла уже, как кусали, не кусали* (Пар. Нест.).

б) чужая речь как источник информации (48%)

Прежде чем приступить к анализу чужой речи как источника получения информации уточним наше понимание термина «чужая речь».

По меткому выражению В. Н. Волошинова, чужая речь – это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [Волошинов, 1993, с. 113]. По словам М. В. Китайгородской, это «текст в тексте», в котором присутствует авторский план (план говорящего) и план чужой речи [Китайгородская, 1993, с. 65]. В рамках данной работы понятие чужой речи носит условный характер. Чужая речь включает не только воспроизведенную (пересказанную) речь другого лица, но и речь «самого говорящего, если она вводится в высказывание другого временного плана», «сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога» [РГ, 1980, с. 485; Кулагин, 1969, с. 82].

Таким образом, в анализируемом материале представлены 1) высказывания с отсылкой говорящего к самому себе как источнику информации (самоцитация) и 2) высказывания с отсылкой к информации, полученной «из чужих рук». Источниками информации, не принадлежащей говорящему, могут являться определенное, неопределенное или обобщенное лицо или средства массовой информации.

Чужая речь может передаваться в форме прямой, косвенной или «смешанной» речи. Основной формой передачи чужой речи является прямая речь (81% от числа высказываний, содержащих ссылку на чужую информацию), что обусловлено особым принципом диалектной коммуникации, сформулированным В. Е. Гольдиным, – принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Гольдин, 1997, с. 32]: *Я говорю: «У вас чё Рожков в таком состоянии лежит после операции?»* (Пар. Пар.); *Я говорю: «А чё такое, рано ты, случилось? Чё случилось-то?»* (Пар. Пар.); *Галя теперь, сноха: «Баба, да спасибо тебе, да спасибо, ты сохранила [своими молитвами от грозы]»* (Пар. Пар.); *Один мужчина: «Бабушка, ты колдуешь над грядками»* (Пар. Пар.); *А эта хозяйка-то молода-то: «Баушка Зина, ты опять закрыла там трубу? Угар пошёл! Голова заболела у меня. Пахнет тамо-ка»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 16).

Оформление чужого высказывания в диалектной речи может осуществляться средствами подчинительной связи при помощи изъяснительного союза *что*, при этом само высказывание строится по нормам прямой речи [Китайгородская, 1993, с. 70–71]. Конструкции подобного типа называют особым случаем придаточности [Чередниченко, 1948, с. 107], полупрямой речью [Гвоздев, 1965, с. 279], свободной косвенной речью [Шмид, 2003, с. 220], разновидностью несобственно-прямой речи [Успенский, 1970, с. 50]. Вслед за Л. Г. Гынгазовой нами будет употребляться термин «смешанная речь» [Гынгазова, 2000, с. 231]. Случаи использования смешанной речи составляют 11% (от числа высказываний, содержащих ссылку на чужую информацию). Например: *Это чё такое самое, пошто сделала да мне никто не подсказал, что «ты не уходи из дому»* (Пар. Пар.); *Пойдём в лес, а нам мать говорит, что «не наешься там гигиля»* (Яшк. Полом.); *Она его ругат-ругат, что «ступай в баню, продушено да прокис да всё да, не идёшь в баню»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 224); *А он поехал туды. Мы его не пускали, Физа его даже таишыла, что «не езди», на мотоцикле*

(ПСДЯЛ, т. 3, с. 252); *Ну, он говорит, что «Я гыт, это, кирпич-то плашмя наклал»* (ЖР, с. 66). Использование смешанной речи в диалекте объясняется стремлением говорящего к изобразительности, максимальным сближением описываемой диалектоносителем ситуации с моментом речевого общения.

Наименее частотны в исследуемом материале конструкции с косвенной речью, традиционно малоупотребительной в диалекте. Доля высказываний с косвенной речью составляет 8% от общего числа примеров, содержащих отсылку к чужой информации, что обусловлено действием уже упоминаемого ранее принципа совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения. Косвенная речь не позволяет представлять событие так, как если бы оно происходило «здесь» и «сейчас». Становясь частью подчинительной конструкции, высказывание другого лица утрачивает просодические и стилистические свойства оригинала, поскольку форма косвенной речи не позволяет говорящему воспроизвести интонацию, индивидуальную манеру говорения других участников речевого общения: *А где же эта болесть на её взялась? К бабкам бегала, они говорят, что это от стоячей воды бывает* (Шег. Бабар.); *Ну от так говорят, что это место, всё были поля раньше* (Шег. Мельн.); *А Саргат-то, деревня наша, она была раньше, у нас отец говорил, что старшие Томску* (Шег. Мельн.) *Для лечения мы её [мокрицу] как-то не использовали. Хотя мне говорили, что она помогает при болезнях лёгких, печени, от грыжи* (Яшк. Полом.).

Последовательно рассмотрим группы высказываний 1) с отсылкой говорящего к самому себе как источнику информации (самоцитация); 2) с отсылкой к информации, полученной «из чужих рук».

1) Отсылка говорящего к самому себе как источнику информации (самоцитация)

Самоцитация как разговорная черта актуальна для диалектной речи, представляющей собой рассказ в рассказе, рассказ о диалоге. Рассказывая о тех или иных событиях, передавая диалог, говорящий как бы отстраняется от

настоящего, становится одним из участников ситуации диалога. Частотность высказываний, представляющих самоцитацию (17%), обусловлена принципом антропоцентричности и эгоцентричности диалектного повествования, которое строится по принципу «я и событие», «событие моими глазами» [Иванцова, 2002; Казакова, 2005; Гольдин, 2009]. Говорящий становится автором чужой речи в ситуациях, которые включены в его личную сферу. Например: **Я всё Рае говорю:** «*Рая, ты поезжай-ка в Москву, ну-ка выберешь там жениха*» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «*Беженцы бегут всяко, вот жалко ж народ, ни за что гибнет*» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «*У вас чё в столовой плохо кормят, ли что ли?*» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «*Ребята, у вас же столовая есть, вы кушайте там*» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «*Я в люди-то не хожу из-за этого [из-за болезни] никогда*» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «*Ты почему мне не сказала, мне, я говорю, они наши нестеровские все*» (Пар. Пар.).

Примеры с самоавторизацией обнаруживаются при передаче диалога, в изолированном употреблении, в вербализации ментальных процессов [Гынгазова, 2000, с. 239].

При передаче диалога речь самого говорящего вводится преимущественно глаголом *говорить* (реже – *сказать*) в форме настоящего времени, само же содержание высказывания, которое имело место в прошлом, оформляется как прямая речь: **Я мачехе говорю:** «*Счас меня сватать придут, Макаровы*». *А она мне:* «*Ну, они люди порядочны, хороши. Да и замуж тебе пора*» (Шег. Мельн.); *Ну заходят сваты, свёкор да тётка. Сразу и говорят:* «*Мы под матку садимся. Ну как, Маринка, всё с ём переговорили? Ну чё, не раздумала?*». *А я и говорю:* «*Мне бы калым надыть. Яишик купить, махры-то куда складывать, к венцу, на платье надо купить*» (Шег. Мельн.); **Я говорю:** «*Вы отдайте [волосы], я шиньон сделаю*». – «*Нет, мы, говорит, сами себе сделаем*» (Пар. Пар.).

При выражении собственного мнения по определенному поводу глагол *говорить*, вводящий речь самого говорящего, по семантике близок глаголу

считать: **Я говорю:** «Ну Бог, поди, мне за это простит» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «Ты, Коля, наверно, в дедушку Прокофия, он же у нас сердитый был» (ЖР, с. 15); *Всё ничё, вот сейчас какая трудная жизнь пошла, я говорю, всё можно перебиться, в старье проходить, но само главное, чтоб нога была сухая, чтоб было в чём ходить и ись было что* (ЖР, с. 94); *Ну я... я, допустим, всегда говорил:* ведь главная ценность у человека – это здоровье, кода у человека здоровье есь – по-моему, всё остальное приложится (ЖР, с. 82). Отсылка говорящего к самому себе как источнику информации наблюдается при сообщении о каком-либо событии, действии, явлении: *А тут приехали, я говорю:* «Сто рублей на двоих добавили» (Ал. Юрг.); **Я говорю:** «Григорий Степаныч! Место есь, гыт, в детсаду, Александра Иванна меня послала, чтобы вы разрешение дали» (ЖР, с. 63) или в вербализации ментальных процессов при «озвучивании» своих мыслей, чувств, оценок по поводу тех или иных ситуаций: **Я так сишитаю,** котора жєнщина ростит не с родным отцом своих детей, он трижды проклятый. Это за большое, **мне кажется,** непочтение к родителям (Шег. Мельн.); *Таракан не было. Черви были. Не промывают дежи. Я думаю:* «О, боже, как люди-то ись будут» (Шег. Мельн.); *Я сторожила на той базе, как ветер, плаха стучит, я думаю:* «Господи! Базу обворуют, ну и пусть!» (В.-Кет. Б. Яр).

2) Отсылка к информации, полученной «из чужих рук»

Диалектоноситель может основывать свое сообщение на информации, полученной им от других лиц. Доля высказываний, принадлежащих другому лицу, в анализируемом материале составляет 31% (от общего числа высказываний с семантикой авторизации). Условие передачи информации, полученной «из чужих рук», – отсутствие непосредственного, чувственного восприятия: сообщение пересказывается со слов другого лица. Однако в диалектной речи как особой форме коммуникации при воспроизведении чужого слова создается эффект присутствия говорящего при описываемых

событиях, даже при отсутствии его непосредственного участия в речевой ситуации. Подобные случаи описаны Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелевым, трактуя сообщения, полученные от чужих лиц как перцептуальную информацию [Булыгина, Шмелев, 1992]. В диалектной коммуникации данное свойство обусловлено рядом закономерностей, характерных для общения на диалекте в целом, в частности, принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения, принципами изобразительности и иконичности диалектного повествования [Крючкова, Гольдин, 2008].

Диалектоноситель становится как бы непосредственным участником ситуации речевого общения, события прошлого переживаются им как происходящие «здесь» и «сейчас». Широкое отражение в речи говорящего при воспроизведении чужих слов находят звукоподражания, междометия, усиливающие впечатление реальности событий, просодические средства, которые не только являются сигналом смены субъектно-речевых сфер, но и при помощи особой интонации вносят в высказывание оценочные смыслы. Говорящий словно перевоплощается в того человека, чью речь воспроизводит, передает его интонации, темп, тембр, индивидуальные речевые особенности, сопровождает речь изобразительными жестами, мимикой: *Назавтра Зойка говорит, придёт: «А-а-а», – хохочет (Пар. Пар.); А потом говорит [сноха] (имитируя голос, тембр и интонацию речи снохи): «Мама, а тебе надо цветы, у меня много осталось» (Пар. Пар.); Ну она [изображает высоким голосом]: «От, вы растаскивате молоко, растаскивате...» (ЖР, с. 20).*

Ситуации прошлого передаются в форме реального говорения, поэтому при оформлении чужих слов преобладают конструкции с прямой речью: *Пошла [внучка] и говорит: «Ну-ка иди, стрелки обломай, иди в теплицу погляди, как я посадила помидоры» (Пар. Пар.); Тамара ещё мне говорила: «Не ходи туда, там, мамка, одно старьё» (ЖР, с. 45); А он приехал, они трое приехали из армии, и говорит: «А кто из вас из Парабели работает на*

фабрике?» (Пар. Пар.). Устная природа диалектной речи порождает своеобразное синтаксическое оформление чужой речи. «Фотографически» точное изображение ситуации, имевшей место в прошлом, приводит, с одной стороны, к избыточности метаэлементов, маркирующих чужую речь⁸: *У нас, говорит, одна есть, говорит, молоденька девочка* (Пар. Пар.); *Ему гыт, «вазу мне огромну, гыт, дали хрустальну, часы, гыт, большучи таки стеновы с боем дали, как подарки, премии, и, говорит, столы таки были» – на пятьдесят семь миллионов только набрали* (ЖР, с. 81), а, с другой стороны, к полной или частичной утрате традиционных сигналов смены субъектно-речевых сфер: *Мне этот, ой, Юрий Михайлович, ой забыла, как его фамилия: «Баба Ксения, будет у тебя нога тебя тревожить, ты терпи, не давай уколы ставить, а то, говорит, они тебе поставят уколы, потом она будет болеть». А я говорю: «Юрий Михайлыч, стыд сказать, грех утаить, она меня не беспокоит». – «Да ты что, баба»* (Пар. Пар.); *«Как ваша фамилия?» – «А ты кто, прокурор?»* (В.-Кет. Б. Яр). Подобные примеры встречаются в диалогах, при этом смена одного субъектно-речевого слоя другим угадывается из контекста. Повествуя о событии (ситуации-теме), говорящий является активным участником этого события, переносит его в настоящее (ситуация текущего общения), передавая воспроизведенное высказывание так, как оно было бы произнесено ранее, то есть без вводящих конструкций.

Таким образом, в диалекте представлены чувственный, логический и чувственно-логический способы получения информации.

Частотность высказываний с семантикой зрительного или слухового восприятия вполне закономерна: большую часть информации о мире говорящий получает через зрительный или слуховой «канал» информации без привлечения логического вывода. Высказывания с семантикой

⁸ Подробно об авторизационных показателях см. раздел 2.2. Языковые средства выражения категории авторизации в диалектном высказывании.

инференциальности отражают ментальный способ получения информации: умозаключение, рассуждение, установление причинно-следственных отношений между явлениями или событиями действительности, метаязыковую рефлексия. Отдельно выделен чувственно-логический способ получения информации, детерминированный мышлением, и органами чувств, – воспоминания, данные чужого опыта. В данном случае знания, полученные через непосредственное восприятие, соотносятся со знаниями, приобретенными говорящим в результате логического умозаключения.

Отражение способов получения информации и их количественное соотношение в диалектном высказывании представлено диаграммой (см. рисунок 2).

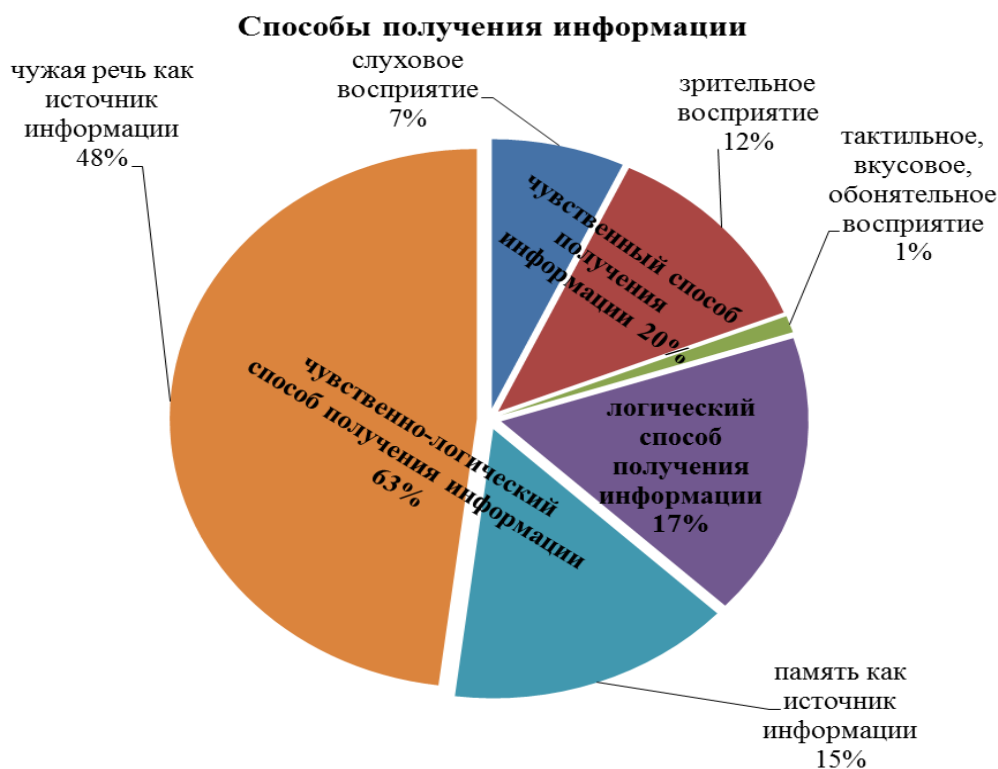

Рисунок 2 – Способы получения информации

2.1.2. Источники чужой информации, представленные в диалектном высказывании

В высказываниях со ссылкой на сведения, полученные «из чужих рук», может содержаться указание на их источник. Классификации источников информации, полученной из сообщений других лиц, представлены в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Так, различают анонимную информацию, полученную из неуказанного точно вербального источника, и авторизованные сведения, полученные из конкретного источника [Aikhenvald, 2004]. В статье Н. А. Козинцевой выделяется три основных типа источников информации: а) конкретное лицо или печатный орган; б) источник конкретный, но не определенный; в) общепринятое мнение [Козинцева, 2007, с. 97–98].

В диссертационной работе предлагается деление источников информации на два вида: 1) человек как источник информации, S – лицо (определенное, неопределенное, обобщенное); 2) S – СМИ (радио, газеты, телевидение).

Рассмотрим представленные виды источников более подробно.

1. Человек как источник информации

Основным источником чужой информации для диалектоносителя является другой человек (93% высказываний от абсолютного числа высказываний со ссылкой на чужое сообщение).

Чужое лицо может выступать 1) свидетелем или участником событий, описываемых в настоящий момент: *А мы ребяташикам говорили: «Бейте лягушек, ребята, чтобы дож пошёл, мы, говорит, поедем домой»* (Пар. Пар.); *А этот в рупор кричит, капитан: «Освободите борт, освободите борт, освободите борт!»* (Пар. Новос.); *А потом командир подошел, говорит: «Всем отойти»* (Пар. Новос.); *А мама мне говорит: «Иди-ка ты к тетке Анисье, позови ее, пускай она ему живот посмотрит»* (Пар. Пар.); 2)

транслятором информации, полученной в свою очередь от других лиц: *Под конец-то она, **говорили**, что, **сын-то** у неё **рассказывал**, уже была глупая, плачет сидит* (Шег. Мельн.); *«Как ты была охлюиха, – **Андрей говорит**, это уж **она** мне **сказыват**, – как ты была охлюиха, так и есь охлюиха»* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 59).

Речь чужого лица может отражать ситуацию, локализованную во времени и в пространстве: *В сорок втором году, когда мама умерла, **отец сказал**: «Бросай учиться, иди помогай»* (СФСП, т. 1, с. 111); *А стоять ждать нечего, а **девочка бежит, говорит**: «Они ушли на день рожденья куда-то»* (ЖР, с. 59). Автором высказывания может быть лицо, речь которого отражает ситуацию типовую, повторяющуюся; способы ввода чужой речи в таком случае осложняются элементами *всё, всегда, сколько раз*: *Всё [говорила]: «Ой, девчонки, пейте, ой, девчонки, – **она** нам всё **говорила**, – эту травку заваривайте. Она шибко хороша для здоровья»* (СФСП, т. 1, с. 92); *Ну, наверно, они когда это... когда умирали-то, ну **они** всё **говорили**: «Нам уже по восемьдесят с лишним»* (Ал. Юрг.); *И в детстве, помню, всегда **говорили**: «О, скоро снег выпадет, зима. Пальчики зацвели»* (СФСП, т. 1, с. 94).

Источники информации, исходящей от человека, в зависимости от степени их обобщенности можно разделить на следующие подвиды: а) S – определенное (конкретное) лицо; б) S – неопределенное лицо; в) S – обобщенное лицо.

а) Источник информации – определенное лицо (42%)

В высказываниях со ссылкой на конкретного автора диалектоноситель апеллирует к речи определенного круга лиц, в который входят в основном семья и соседи, то есть «...два в значительной степени накладывающихся одно на другое круга традиционного сельского общения» [Гольдин, 2002, с. 718–719].

Например: *Девясил это. Когда тучка зайдёт, бабушка говорит: «Внучка, иди девясилинку на чатыре части разорви, и тучку на чатыре части разорвёт»* (В.-Кет. Б. Яр); *Сколько-то продержали с собой, отец сказывал, что долго продержали-то этого покойника с собой, уж пахнуть стал, хоть холод, на воде, а всё равно своё берет-то* (Шег. Мельн.); *Мама говорит: «Девчонки, вставайте картошки чистить!»* (Ас. Мин.); *Бабка Устиння говорила, париться надо крапивой, если спину прихватило* (Тис. Комс.).

В анализируемом материале отмечена гипотетическая речь – «речь, моделируемая говорящим» и приписываемая определенному автору [Гынгазова, 2000, с. 236]. Например: *А счас бы [мама] встала и посмотрела телевизор и сказала бы: «Это нечистая сила там играет»* (Пар. Пар.); *Да, твоя учительница скажет: «Где эта бабка росла, ничего не знает» [смеется]* (Асино).

Конкретно названный источник информации обозначается:

- личными местоимениями (55%): *Но чё-то, я слышала, в Томском, там у меня живёт сестра, она от и говорила, что от эту самую церковь будут убирать* (Шег. Мельн.); *Потом стала у старушек спрашивать, оне говорят: «Это староверы, оне как кержаки, такие старые люди, старинные только идут туды, ихней веры»* (Шег. Мельн.); *Он говорит: «Надо было бы тебя ещё из Томска увезти»* (Пар. Пар.);

- именами собственными (27%): *Нина мне говорит: «Ты мне пришли сколько-нибудь свёклы»* (Пар. Нест.); *А эта Маруся Хренова мне говорит: «Иди туда в кухню, говорит, чисти стерлядок»* (Пар. Пар.); *А Серебрянников-то ругался, гыт: «Чёрт меня давил гыт, что это, взял да и проехал, фрезой»* (ЖР, с. 13); *Нюра гыт: «Я золой обсыпала, гыт мало пользы»* (ЖР, с. 14); *Катька придёт, нафиг, в семь часов: «Молоко опять упало! Молоко опять упало!»* (ЖР, с. 20); *Сычёвы говорили, подходят: «Вот*

подумай-ка, подумай!» (ЖР, с. 28); **Тамара** ещё мне говорила: «Не ходи туда, там, мамка, одно старьё» (ЖР, с. 45);

- наименованиями лиц по степени родства (13%): **Мать** скажет: «Ты, Феоктиста, это делай, Анна, это делай» (Пар. Пар.); **Внучка** пристала: «Подём, баба, да подём» (Шег. Бабар.); **Тятенька** говорил мне: «Будут, Саша, забижать, а ты терпи. Будут бить, хулить, ты и тут терпи. Дом у тебя таперь чужой, не тятенькин» (Шег. Бабар.); **А дядя** говорит, что они пожизненно родились здесь (Юрг. Ал.); **Приду** домой вся усталая да взмученная, а **мама** говорит: «Чего ж ты, Луша, така порвата бегашь?» (Шег. Батур.); **Сват** в дыбы: «Убирайтесь к чёрту! Чё она, за такого урода пойдёшь?!» (В.-Кет. Юд.); **Мой дедушка** говорил: «Зверобой зверей бьёт, а людей лечит» (Яшк. Яшк.);

в) наименованиями лиц по профессии (5%): **Председатель** говорит отцу моёму: «Шумилов, пиши девочке шестнадцать лет» (Пар. Пар.); **Завхоз** говорит: «Я, гыт, ему не подписывал» (ЖР, с. 28); **Врачи** сказали: «Бабушка, больше молочное есть» (Пар. Пар.); У меня и внучата есть, учатся. Я им говорю, когда **учитель** спрашивает: «Всё поняли?», а ты не понял, так скажи (Шег. Мельн.); **Конюх** скажет и говорит: «Ксения, вот этот приехал, лошади мокрые, а у тебя сухие. Я им сразу, говорит, ись даю и пить» (Пар. Пар.); Приехал **механик** и говорит: «От, сёдня вам...» – я не знаю, пива ли чё ли нам, да по печатке, как счас гляжу, туалетного мыла (ЖР, с. 94).

б) Источник информации – неопределенное лицо (33%)

Источник информации может не называться и мыслиться как лицо неопределенное (некто, кто-то сказал). Автор чужой речи не известен говорящему или, наоборот, известен, но намеренно устраняется. В данном случае диалектоносителю важно сосредоточить внимание не на источнике сообщения, а на его содержании. Поскольку субъект речи представлен как неопределенный, это позволяет усилить значимость передаваемой

информации самого различного содержания. В качестве вводящих маркеров наиболее типичными являются элементы *кто-то*, *гыт*, *дескать*: *Вот в Колывани больше половины церквы изломаны, а счас, гыт, ремонт стали делать* (ЖР, с. 85); *Боровских Валера перешёл, гыт, к Людмиле Сергевне* (ЖР, с. 54); *А счас гыт хорошо, кто-то говорил. Хорошо, гыт, счас* (ЖР, с. 101); *А мне кто-то сказал, его [укроп] надо клась в банку да протолочь, шибче забивать, ну, набивать туго* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 244); *Кто-то говорил: «Нонче, гыт, рыбачить ходил на Тугояковку – дак воды нету, до земли, гыт, всё лёд промёрз* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 231).

В высказываниях может сообщаться о фактах, полученных диалектоносителем через такой «канал» информации, как слухи, сплетни, толки, пересуды⁹. Данный способ передачи информации вовлекает в процесс общения нескольких лиц или целую группу лиц. Передавая те или иные сведения, говорящий ссылается на речь каких-то неопределённых лиц. В роли вводящего элемента в таких случаях часто выступают маркеры *говорят*, *говорили*, *или слухи*: *Чё-то говорили, что водоцный завод в Томске обратно будет – а де-то не слышать* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 316); *А чё-то говорили, муку дадут, то да другое, [а] никого не дали мне* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 316); *Ну, всё говорили, что «не будет, не будет» [продуктов] – как-то слухи или уже. А я-то пойду, да возьму да возьму чай* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 78); *У Столяровых, говорят, замок сломали* (Пар. Нест.); *Ну всё равно повысят [цены], раз уж так говорят* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 189); *Счас говорят: «Тыща, а чё это? Какие это деньги, тысяча?»* (Пар. Пар.).

в) Источник информации – обобщенное лицо (18%)

Для ряда высказываний характерен признак обобщенности, имеющей различную степень своего проявления: *Говорят да и говорили, что уши, например, надо прокалывать, когда черёмуха цветёт* (СФСР, т. 3, с. 40);

⁹ Подробное описание феномена слухов, сплетен как филологической проблемы дается в работах Г. Е. Крейдлина, М. В. Самохина, В. В. Прозорова и др. [Прозоров, 1998; Крейдлин, Самохин, 2003].

*Брюкву садили, репу, зимой парили и ели. Морковь вот ешо сушили, запаривали на чай. Чего токо не придумывали! «Голь на выдумку хитра», – **говорят*** (СФСР, т. 2, с. 119). Субъект речи в подобных высказываниях не определен, однако нельзя не отметить, что неопределенность субъекта в случае с обобщенным и неопределенным автором носит различный характер. Если в высказываниях с неопределенным автором источник информации мыслится как «кто-то, некто (сказал)», то в высказываниях с обобщенным автором источник информации мыслится как «все люди вообще» (для всех людей это утверждение характерно). Источник информации скрывается за некоторым обобщенным множеством лиц. В высказываниях представлено широкое обобщение фактов действительности, делается какой-то вывод, представлено обобщение коллективного опыта.

Наиболее характерно появление высказываний со ссылкой на обобщенного автора в ситуации «собиратель – информант», когда говорящий и адресат являются носителями разных типов коммуникаций [Гынгазова, 2000, с. 237]. Например: *Когда человек экономный, у нас «скупой» ещё **называют**, он всё экономит, бережёт; хлеб ли, одёжу не носит, бережёт, **говорят**, «экономный, бережливый человек»* (В.-Кет. Б. Яр); *Приготовленный лес, строевой лес хлыстом **называют. Говорят**: «Заготовил столько-то хлыстов»* (В.-Кет. Б. Яр); *Вон ходит бык какой-то бузует. Ну, кричит ли, как ли. Так и **говорят**: бузует* (ВС, т. 1, с. 132); *Жених – если кто станет жениться, так и жених. Может, где и **говорят** «женишончишка», а у нас какой ни на есть – всё равно жених* (ВС, т. 1, с. 179). Высказывания подобного рода функционируют в речевом жанре объяснения и отражают рефлексию диалектоносителя по поводу фактов языка, при этом объяснение того или иного языкового факта идет от лица обобщенного автора.

Для выражения коллективного мнения используются народные приметы, пословицы, поговорки, устойчивые выражения, которые содержат

обычно глубокий обобщающий смысл: *А вот слушайте, вот в старину говорили: «Вор придёт, украдёт – стены останутся, а пожар придет, и стен не найдёшь»* (В.-Кет. Б. Яр); *А всё говорят: «Кто в сорочке родился, тот счастливый»* (Пар. Пар.); *Вот и говорят: «Счастливый человек, когда в сорочке родился»* (Пар. Пар.); *Говорят, что когда вода прибывает, вверху дожджи – сюды придут* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 188); *Говорят, к плохому, когда лёд на берегу истает, плохой урожай может быть* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 63); *Говорят, хороший урожай будет хлеба, когда кухта на лесу или куржак на лесу* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 63).

Тенденцию к передаче коллективного обобщенного знания отражают высказывания, в которых источник информации обозначен именем со значением обобщенности: *люди (говорят), бабы (сказывают), народ (говорит): Лекарственное растение [купёна], её применяют при грыже, геморрое, бабы сказывали* (Мар. Благ.); *Народ говорят, что пара она ему* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 12).

Индивидуальный опыт говорящего может подключаться к опыту предыдущих поколений, к коллективной памяти. Отсылка к памяти предыдущих поколений отражается в высказываниях, содержащих элементы *в старину говорили, старики говорят, раньше говорили, старые люди говорили* и др. Например: *Правда старые люди говорили, что вода тихо будет идти, а время рысью побежит* (Шег. Побед.); *А в старину говорили: «Кедрач там заготовил, березняк ли, сосняк»* (В.-Кет. Б. Яр); *А раньше говорили: «Пойду охотиться на материк»* (В.-Кет. Б. Яр); *Раньше старики говорили, что исть нельзя медвежью ягоду* (Том. Н.-Рожд.); *Гать – настил метров пять. Грязь была, его и загатили. Это старики это так называли: «гать»* (МДС, т. 1, с. 154); *Говорили ранешны люди: народ будет бесстыжий – правда!* (ВС, т. 5, с. 133).

2. СМИ как источник информации (7%)

В современном мире источником информации для жителя села является не только человек, но и средства массовой информации. В анализируемом материале отмечено 7% высказываний со ссылкой на СМИ (от абсолютного числа примеров с отсылкой к речи чужого лица). Приоритеты сельского жителя в сфере досуга, наряду с общением с односельчанами, составляют телевизор, радио, газета¹⁰. По мнению Т. А. Демешкиной, «все три вида СМИ (газета, телевизор, радио) являются объектами повседневной коммуникации и отражают зоны ее актуальности» [Демешкина, 2016, с. 30].

Языковой материал показывает, что наиболее часто сельский житель апеллирует к данным, переданным по радио (59%) или телевидению (40%): *Я думаю: чё тако-то, радио так рано говорит? Ну, слушаю лежу, слушаю... передают: «Московско время три часа»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 25); *А в этом, в Ленинграде, вот двоих хоронили, вот по телевизору показывали* (ЖР, с. 84); *Нонче по радио передавали: подпихнули де-то... это, купюру-то, на сто тысяч* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 112). Обращение к газете как источнику информации представлено единичным примером: *Цыплятам нужна [скорлупа]. Ну я не знаю, я по газетке читала, знаю, что нужна* (ВС, т. 2, с. 16).

Форма представления субъекта, как правило, – неопределенно-личная структура с главным членом-глаголом, обозначающим зрительные или слуховые способы передачи информации: *по телевизору показывали, по радио передавали, передавали, передают, слышать по радио* и др.

СМИ – это «канал» информации, с помощью которого передаются события, касающиеся разнообразных областей жизни. Радио и телевидение

¹⁰ В последние годы «происходит расширение словарного состава носителей диалекта за счет введения в коммуникацию слов, называющих разные виды и формы СМИ» [Демешкина, 2016, с. 30]. Так, записи диалектной речи, сделанные автором в июле 2014 г. в селе Нестерово Парабельского района Томской области, фиксируют лексику Интернет: *А кто его знает, не знаю [про погоду]. По этому, по интернету никак смотрят-то, чё-нибудь знают* (Пар. Нест.).

активно транслируют рекламу, развлекательные программы, фильмы. В высказываниях содержится информация о дорожных происшествиях, новости, прогнозы погоды, советы: *А сёдня-то, например, **передали** дожж, но дожжа не должно быть. Да, по этому **передали**, по Томску и по области* (ВС, т. 5, с. 60); *А **передавали**, что даже в июле месяце будут заморозки большии. Слыхала? Ага, нет, **передавали**... Это я по радио слышала, **передавали**, раза два* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 25); *Ишь, по радио передают. Кака авария быват, не дай бог* (ВС, т. 6, с. 20); *По радио передают, шибко полезна она [трава], ито всего* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 262); *А потом это, **предупредили по радио**: «Будьте исторожней!»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 262); *Этот раз тоже – я по радио слышала. Говорят, что это...как обманишыки, да...* (об организаторах финансовых пирамид) (ПСДЯЛ, т. 2, с. 277).

С помощью СМИ осуществляется восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире в целом. Сельские жители активно включаются в обсуждение проблем социально-политической жизни. Содержание бесед сибирских старожиллов составляют темы, получившие широкий общественный резонанс и освещение в СМИ. Диалектоносители обсуждают вооруженный конфликт на востоке Украины, события чеченской войны, выборы депутатов, повышение цен на продукты, коррупцию чиновников и др. Например: *Я счас вот по радио слышала, **передавали**: будут соль, спички – по талонам будет всё* (ВС, т. 6, с. 20); *Может, пенсию отменют – я слышала по радио* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 262); *А я всё слушаю [радио]: в обчежитии так от где-нибудь, везде, гыт, воруют всё* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *А в этом, в Ленинграде, вот двоих хоронили, вот по телевизору показывали. «Пусь, дескать, кто забирал, военкомат забирал туда, пусь они и снабжают нас это, на похороны всё»* (ЖР, с. 84).

Таким образом, диалект как форма коммуникации использует два основных источника информации, полученной «из чужих рук»: 1) человек как источник информации (93%); 2) официальные устные источники

информации, прежде всего, радио и телевидение (7%). Как видно, с наибольшей частотностью в анализируемом материале представлена информация, полученная в ходе непосредственного живого общения между людьми, что отражает традицию устного речевого общения. Человек как источник информации представлен в высказываниях с разной степенью обобщенности. Это может быть определенное, неопределенное или обобщенное лицо.

Частотность высказываний с обобщенным автором отражает тенденцию к передаче коллективного знания, зафиксированного только в устной форме. Особенно ярко это демонстрирует функционирование глагола *говорят*, использующегося для обозначения автора, представленного предельно обобщенно.

Количественное соотношение видов источников информации в диалекте продемонстрировано диаграммой (см. рисунок 3).

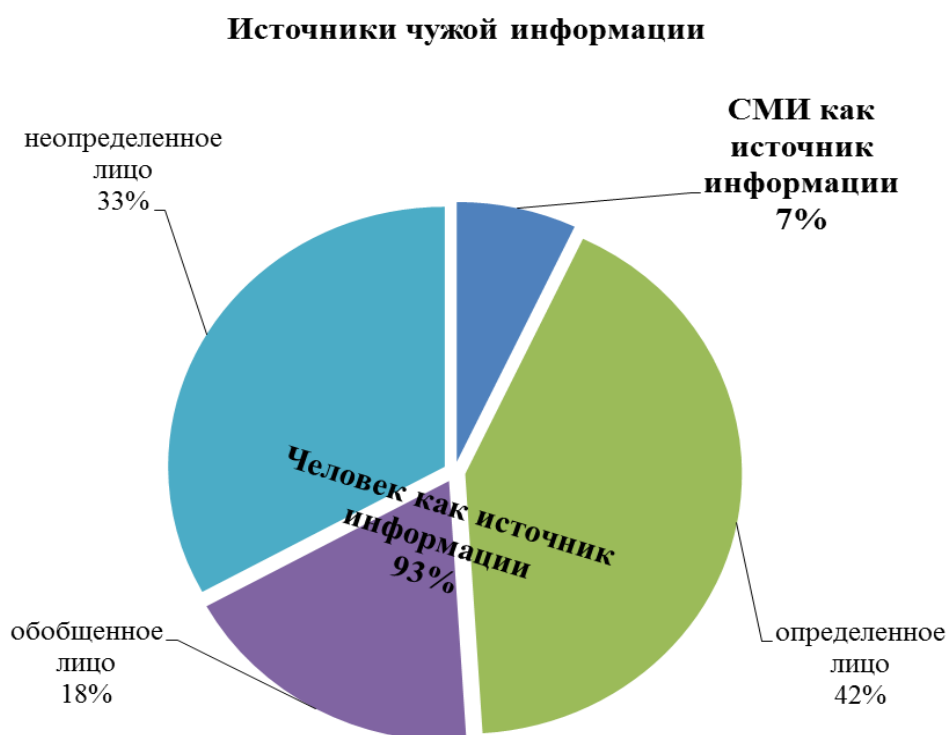

Рисунок 3 – Источники чужой информации

2.1.3. Способы ментальной обработки чужой речи в диалекте

Передавая чужую информацию, говорящий, использует механизмы инференции, то есть широкий класс умственных операций, «в ходе которых и слушающим, и ...интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове или «душе» говорящего, приходится «додумывать за него» [Макаров, 2003, с. 124].

При апелляции к чужой речи в фокусе внимания зачастую оказывается не сама чужая речь, а интерпретация ее говорящим. Чужая речь выполняет в данном случае интерпретационную функцию [Китайгородская, 1993]. Автор вносит в высказывание чужую речь в определенных коммуникативных целях, для того, чтобы аргументировать свою позицию, выразить несогласие, согласие и т.д.

Взаимодействие чужой и своей речи рассматривается Н. В. Максимовой в аспекте выстраивания коммуникативной стратегии говорящего [Максимова, 2005]. На материале текстов-рассуждений («текстов-ментативов») исследователем выделены коммуникативные стратегии развития, применения, переоформления, переопределения, оценивания, отрицания и др. Данные коммуникативные стратегии имеют когнитивную основу, поскольку отражают способы концептуализации тех или иных ситуаций, одним из компонентов которых является речевое поведение ее участников [Демешкина, 2015, с. 196].

В диалекте «чужое» слово органично вплетается в собственную речь диалектоносителя, авторский текст как бы «подключается» к чужому, интерпретирует его. Иными словами, происходит взаимодействие между «чужим» и «своим», «чужое» осмысливается через призму интерпретирующего восприятия носителя диалекта. Важно отметить, что чужая речь не присваивается говорящим. Для говорящего важно, чтобы адресат «уловил взаимодействие разных текстов, разных личных сфер» [Арутюнова, 1999,

с. 669]. «Сотрудничество» «своей» и «чужой» сфер речи наблюдается в высказываниях, имеющих конкретно-событийный характер: *Анька-то... всегда преувеличит! «Он в дужинку пьяной». А он никакой не пьяной* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 257); *Мать умерла, дак она [девочка] гыт: «Эх-тирилех, поминки будут!» Дак чё она, от радости? Или от чё ли? Она ничё не понимает* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 263).

Предлагаемые в диссертационной работе способы ментальной обработки чужой речи вслед за Т. А. Демешкиной делятся на две группы в зависимости от того, «является ли автор чужой речи участником ситуации общения или только участником ситуации, которую описывает говорящий» [Демешкина, 2015, с. 196]. При этом под автором чужой речи мы подразумеваем и самого говорящего, так как своя собственная речь, высказанная говорящим ранее, мыслится им как высказывание другого лица.

Рассмотрим виды ментальных операций с чужой речью более подробно.

1. Ментальные операции с чужой речью в ситуации непосредственного участия в диалоге

В ситуации участия в диалоге говорящий интерпретирует «пропозициональное содержание предшествующей реплики собеседника» [Кобозева, Лауфер, 1994, с. 64]. Диалектоноситель может выражать свое согласие или несогласие в ответ на утверждение собеседника.

1) Согласие с речью другого лица

Цель речевого акта согласия – продемонстрировать, что диалектоноситель разделяет точку зрения адресата. Реакция согласия выражается лаконично – конструкциями, близкими по семантическим функциям реплике «да»: *ну да, ага, угу, во-во, правда* и др., которые вносят дополнительный оттенок одобрения и подтверждения. Например: *Фигус сейчас уже, говорят, нельзя это... всю жизнь раньше держали, и старики жили дольше, чем сто лет, и ничего не было, сейчас всё придумают и про*

эти фигуса. – Во-во (Асино); Он здесь жил. И украл он у кого-то, овечек где-то заколол. Дак мясо на его навесили! Да по деревне водили. – А, вот, вот. Сами расправлялись. Никого... ни суд, и не милиция. А вот пока это, дисциплины не будет, и никакого толку не будет (ЖР, с. 100).

2) Несогласие с речью другого лица

В случае несогласия с точкой зрения другого лица аргументы диалектоносителя носят более развернутый характер, чем при выражении согласия: *Чё-то он сказал, однако, две тысячи [пенсии получает]. – Ну, две! Больше, таперь больше фронтовики получают (Том. Верш); В магазине, гыт, по 20 рублей, Катя гыт, 40 копеек, килограмм [муки]. Тожэ дорога. – Да. Будем ждать до свежего, может, свежий дешевле будет. – Ну, как же, ешо, прибавят (Том. Верш.).* Несогласие с мнением собеседника имеет оттенок категоричности, что подчеркивается экспрессивными маркерами *ну, как бы не так, как же* и др. и усиливается эмоционально-экспрессивной интонацией.

Для выражения несогласия с мнением адресата в активной речевой ситуации важную роль играет диалогическая цитация, которую относят «к случаям использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях» [Арутюнова, 1992, с. 65].

Реакция несогласия с мнением собеседника носит достаточно уверенный характер и выражается через повтор предшествующей реплики (или ее части, слова), а также посредством риторических вопросов. Реплики-повторы несут смысловую нагрузку. Предшествующее высказывание представляет собой ядро информации, которая получает эмоциональную реакцию в реплике-повторе: *... щас будет сельсовет, может... – Дак а толку-то чё! – Дак ты пошто такой-то? «Толку, толку»? (ЖР, с. 76); ... долго не было снегу. Тожэ худо. – А как, куда же хуже-то? Некуда... (Том. Верш.); Да они от щас... от эти фронтовики, на них посмотришь – они от послевоенны, от эти, юбилейны медали только носят. А у них*

боевых-то ни у кого нету. – Да пошто нету-то, ты чё? (ЖР, с. 80); *Да чё, те-то моложе, **молоды**, а я-то... А раньше-то все наряжались: и стары, и малы.* – *Ну и Гала всё равно в годах всё равно, чё там «**молоды**»* (ЖР, с. 73).
Оценочные реплики-повторы служат для выражения отрицательного отношения говорящего к высказыванию адресата.

Повтор реплики, произнесенной с определенной интонацией, может служить фигурой скромности и вежливости диалектоносителя. Так, в высказывании *Тётя Физа у нас **тудяга**. – Ага, **тудяга** [с интонацией несогласия]* (Пар. Пар.) носитель диалекта в соответствии с максимой скромности, реагируя на похвалу или комплимент, отклоняет одобрительное замечание адресанта, преуменьшая свои качества и заслуги.

3) Комментарий и оценка чужой речи

Субъект речи может комментировать чужую речь или давать ей оценочную квалификацию. Рассмотрим следующий пример: *Ну а кто имеет право снимать директора на сессии? Эти наши нещасны депутатишки? Которы они... толку не знают... – Ты пошто так дёшево говоришь – «**депутатишки**»? (ЖР, с. 75).* Диалектоноситель отвергает номинацию *депутатишки*, использованную собеседником в предыдущей реплике, осмысливает ее коннотативный аспект, реагирует на пренебрежительную форму слова, и оценивает ее соответствующим образом: *дёшево говоришь*.

2. Ментальные операции с чужой речью в ситуации «заочного» диалога

В ситуации косвенного взаимодействия с автором чужой речи диалектоноситель может представить свою точку зрения более убедительно, переходя к развернутой аргументации, свободнее варьируя эмоционально-экспрессивную окраску.

В анализируемом материале отмечены следующие ментальные операции над вводимой в коммуникацию чужой речью:

1) Комментарий или пояснение чужой речи: *А вот они говорят: «На что к ей с детьми да пошёл?»*. **Им-то её не надоть** (Шег. Бабар.); *Сейчас внучка говорит: «Поди, баба, в кино», а я нет. Стара стала, пусть молодые ходют* (Шег. Бабар.); *В семьдесят пятом году умерла, она говорит, что восемьдесят девять было ей лет. Как она считает* (Шег. Карг.); *Мне мать всё говорила: «Отдыхни, доченька», а я уж пока своё не сделаю, ни за что не присяду, и в голове у меня этого нет* (Шег. Бабар.); *Мать говорит [сыну]: «Ну что ты посуду-то не моешь, Валерий Михайлович». Как вроде ей снохе наветки даёт* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 218); *Я всё ребятам говорю: «Чё вам не жить, чё не учиться?»*. **Тогда ручков не было, палочку воткнём, тряпочку намотам и пишем** (Шег. Мельн.); *А я и говорю: «Мне бы калым надыть. Яшишк купить, махры-то куда складывать, к венцу, на платье надо купить»*. **Ничё ж не было. Вот как жили, только небо коптили** (Шег. Мельн.); Диалектоноситель апеллирует к чужой речи для убедительного толкования мнения.

Комментарий может осуществляться для выражения согласия или несогласия с чужим мнением.

а) несогласие

Конструкции со значением несогласия появляются в случае несовпадения концептуальных позиций автора и того лица, к речи которого он обращается: *Валя гыт: «Он любит её да... И детей любит, её любит, и будет жить»*. **Нет, не будет! Не будет, не будет! Если она будет так продолжать... Подумать, де-то там на именинах, ходили на день рожденья – и она [в]он чё натворила! Собралась и уехала суда, наняла такси...** (ПСДЯЛ, т. 3, с. 224); *У меня мужик хороший был. Он всё говорил: «Давай, Арина, продадим скотину каку-нибудь и купим тебе одёжки»*. **А что ж, если их попокупаешь, дак без скотины голодом сидеть, что ль. Жалко ведь её** (Шег. Батур.).

В высказываниях выражена оппозиционная точка зрения говорящего, частично или полностью не совпадающая с мнением другого лица. В этой ситуации аргументы самого говорящего представлены живо, развернуто, с подробными комментариями. Особенно ярко диалектоносите́ль выражает несогласие с мнением другого лица в ситуации «заочного» спора с представителями молодого поколения: *Я вот всё говорю, как жили мы, как в лаптях ходили внучата мне говорят: «Неправда, баба». А чё уж неправда. Я век не забуду, как отец мне чирки шил. В Сибири это заведёно было* (Шег. Мельн.) или при манифестации политической или социальной позиции: *Так даже передавали по телевизеру ли... Черномырдин пошёл в отставку – тридцать семь триллиона исчезли, да разе один Черномырдин? Чубайс от, Гайдар от – про всех говорили. Они и растаишыли всю страну* (ЖР, с. 100).

б) согласие

Комментарий диалектоносите́ля может служить для выражения согласия с чужой точкой зрения: *У нас старушка была старая, она неграмотна была, всё про эту жизнь говорила, что будет. «Придёт то время, не будет ни птицы, ни рыбы, народ будет бесстыжий, беззаконство будет, безбожество». Как могла знать? А всё и правда. Теперь народ бесстыжий, с реки голы идут. Беззаконство, безбожество, закон божий не принимают, не венчаются. Вот это пришло, всё пришло* (ЖР, с. 89); *А Таня говорят: «У нас бабушка всё... – сын-то говорит, – бабушка всё таблетки пьёшь ешо! Боится, не умереть бы». Ну, дак а как? Чё-нибудь подойдёт такое, и выпьешь. И я така же* (Том. Верш.); *Народ говорят, что пара она ему. Пара. Раз друг друга полюбили да взяли, дак конечно, пара* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 12).

Совместимость позиций автора и чужого лица проявляется в присоединении говорящего к чужому мнению, чужой аргументации или критическим замечаниям, высказанным другим лицом. Говорящий «сливает»

собственный голос с чужими словами, подкрепляет ими свое высказывание, воспринимая приводимые слова как авторитетные.

2) Эмоционально-экспрессивная оценка речи

Оценка чужой речи, как правило, связана с эмоционально-экспрессивным проявлением автора, так как те или иные явления мира осмысляются диалектоносителями через призму эмоционально-оценочного видения. Чужая позиция характеризуется с точки зрения одобрения, восхищения, иронии, удивления и других эмоциональных состояний говорящего. Объектами оценки, как правило, являются «те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются» [Ивин, 1970, с. 22]. Поскольку оценка пронизывает разнообразные сферы человеческой деятельности, ее объектами могут стать любые предметы и явления: внутренние и внешние качества человека, поступки, действия, политические и социальные события и др.: *По радио передали, три бутылки коньяка отобрали, **прямо диво*** (ПСДЯЛ, т. 3, с. 26); *Другой бы сказал [про бабушку]: «Страшна да худа да грязна да пухла», а он говорит: «Ничё, хороша». Ага, мне так чудно показалось* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 324); *А щас всё [иронически передразнивает свою жену]: «Сыночка, бедненький, не кормют там...». А у нас «закармливали» без ума!* (ЖР, с. 19); *Я говорю: «А какую жопу там делать!» – **прости ты бог! взяла да так сказала*** (ПСДЯЛ, т. 3, с. 240). Чужие слова приносят в комментарий говорящего экспрессию, определенный оценивающий тон. Говорящий стремится акцентировать внимание на своем особом отношении к чужому высказыванию (ироническом, позитивном, негативном и др.) с помощью оценочной лексики *прямо диво, чудно* и др.

3) **Обобщающий вывод**, часто сопровождаемый оценкой или пояснением говорящего: *Да у меня сыновья – «Папа, гыт, посади, мы, гыт, выполем и выкопam». Ну, а пожалуй, ничё из них не выйдет – ни выполоть, и ни выкопать, ничё. Всем некогда* (Том. Верш); *Она говорит:*

«От все смеются, а мне тогда уж плакать надо. От я проплачусь, и мне вроде легче». Вот как получается-то в жизни. От какая жисть-то прошла у нас-то. Наших родителей особенно, предков наших. Дедов, прадедов (Шег. Мельн.);

4) Конкретизация чужой информации: *Она говорит: «Ты, говорит, будешь два раза замуж выйдешь, у тебя два сына будет: один, говорит, не будет с тобой жить, а один, говорит, молодой помрёт». Молодого убили, Колю* (Пар. Пар.);

5) Развитие чужой мысли (досказывание).

Внимание говорящего концентрируется на том, что является для него более актуальным – политика, моральные принципы и др.: *А хуже русских нет, наверно. А всё по радио передают: «Россия – это мы». Ешо бы подставили: «дураки». Всю Россию продали, и всё. И куда годно это?* (ЖР, с. 102).

Таким образом, в ситуации заочного диалога с автором чужой речи диалектоносите́ль представляет свою позицию аргументированно, развернуто, в большей степени допуская оценку. Ментальные операции с чужой речью в данной ситуации отличаются большим разнообразием. В ситуации непосредственного общения автор в силу определенных факторов, индивидуальных свойств, например, скромности, вежливости, некатегоричности, интерпретирует слова собеседника сжато, кратко соглашаясь или не соглашаясь с чужим мнением.

2.2. Языковые средства выражения категории авторизации в диалектном высказывании

Категория авторизации репрезентируется комплексом лексико-грамматических средств выражения: авторизующими глаголами, вводно-модальными словами и конструкциями. К дополнительным средствам

экспликации авторизации можно отнести просодические средства, среди которых выделяются темп речи, тембр и высота голоса, тон речи и др. При цитировании речи других лиц диалектоносите́ль воспроизводит соответствующие интонации, подражает темпу речи, тембру голоса и т.д.

Перейдем к описанию средств выражения авторизации в диалектной речи (см. Приложение А).

I. Авторизующие глаголы (93%¹¹)

Авторизующие глаголы содержат в структуре своей лексической семантики сему «информация», то есть «то общее, что содержится в значении группы лексем разной семантики – речи, мысли, восприятия, чувства, оценки, бытия, обнаружения – и что находит выражение именно в синтаксической сочетаемости, т.е. способности изъясняться» [Сергеева, 1986, с. 105].

В анализируемом материале выделяются следующие лексико-семантические группы авторизующих глаголов: а) глаголы речи; б) глаголы восприятия; в) ментальные глаголы.

а) Глаголы речи (58%)

По мнению исследователей разговорной речи, «репертуар глаголов, вводящих чужую речь, достаточно разнообразен в устных текстах КЛЯ и предельно сужен в разговорной речи и просторечии» [Китайгородская, 1993, с. 71]. Наши наблюдения показывают, что круг глагольных лексем, вводящих чужую речь, в диалекте достаточно широк.

К ним относятся наиболее частотные глаголы речевой деятельности: *говорить* (830), *гыт*, *грит* (185), *сказать* (66): *Я им сколько раз говорила: «Людка, никуда эти жернова не девай, пускай они, это память молодёжи потом будет»* (Пар. Пар.); *Долгих, говорят, разбился на машине* (Пар. Пар.); *Он говорит: «Ведьма, ведьма, говорит, к нам идёт»* (Пар. Пар.); *Я говорю:*

¹¹ Приведена доля в процентах от абсолютного числа маркеров авторизации, частотность употребления лексем приводится в количественной форме.

*«Ну что, пойду домой». – А он **говорит**: «Ну а проводить Вас можно?». – Я **говорю**: «Да ты потом не придёшь, я **говорю**, я за большим ручьём живу, ты не найдёшь потом». – «Найду, **говорит**». – «Ну найдёшь – пойдём, леи с тобой, иди» (Пар. Пар.); *Когда я проверялась перво, **сказал** мне этот хирург-то, что «у тебя, **гыт**... воспаление нервов» (ПСДЯЛ, т. 3, с. 219).**

К числу наиболее частотных маркеров чужой речи относится глагол *говорить*, широко употребляющийся в высказываниях-цитированиях с определенным, неопределенным или обобщенным автором: *Она **говорит**: «Ты, **говорит**, будешь два раза замуж выйдешь, у тебя два сына будет: один, **говорит**, не будет с тобой жить, а один, **говорит**, молодой помрёт» (Пар. Пар.); *Потом она утром идёт и **говорит**: «Баба, стало стихать» (Пар. Пар.); **Наталья** всё у меня, **внучка**, **говорит**: «Баба, ты спесывай частушки» (Пар. Пар.); *Для лечения мы её [мокрицу] как-то не использовали. Хотя мне **говорили**, что она помогает при болезнях легких, печени, от грыжи (Яшк. Полон.); **Они** теперь **говорят**: «Ксения, у тебя трое детей, три ученика» (Пар. Пар.); *И в детстве, помню, всегда **говорили**: «О, скоро снег выпадет, зима. Пальчики зацвели» (СФСР, т. 1, с. 94).****

Н. В. Максимова выделяет два случая использования лексемы *говорить* при передаче чужой речи:

- «говорит» – вводящее, то есть «полнозначный глагол говорения со всеми лексико-грамматическими признаками», который подчеркивает «принадлежность речи не автору, а герою» [Максимова, 2005, с. 70–71];

- «говорит» – вводимое, представляющее собой глагольную форму, которая включается «непосредственно в прямую речь, перебивая таким образом чужую речь словами, принадлежащими рассказчику» [Там же]. Употребление маркеров *говорю*, *говорит*, а также редуцированных форм *гыт*, *грит* в функции «вводимых» компонентов является специфической чертой устно-разговорной речи. Данные глаголы принадлежат самому «событию рассказывания», то есть ситуации текущего общения. Иными

словами, наблюдается как раз то, что типично для диалектного повествования, – совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения. Например: *Она говорит: «Я их ись не люблю, они **гыт** сами рыбу едят, и Пете я её всю изрезала, изрубила, я её им хотела так зашить её в мешок так живьём и увезти»* (ЖР, с. 88); *И он говорит это: «Пойду я хоть сяду. А то буду стоять там-ка. У меня шея, **гыт**, отпадёт»* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 30); *«Чё, **гыт**, ты, Толя, всё время молчишь?» – на моёго. А он гыт: «Я, **гыт**, смерть не люблю, когда матерятся»* (ЖР, с. 25); *Я говорю: «Вы мене не высказывайте, я не работаю в милиции, законы я никакие не знаю. У меня, **говорю**, хватает и без вас»* (Пар. Пар.).

Информация, излагаемая от лица говорящего, не требует указания на источник информации по причине своей очевидности. Между тем в диалектной речи показатели того, что диалектоносите́ль излагает свою информацию, достаточно частотны. В форме первого лица в сочетании с личным местоимением лексема *говорить* употребляется при передаче своей речи в ситуации, имеющей место быть ранее: *Нынче **говорю**: «Костя, давай я пенсию половину буду вам отдавать, половину буду копить и проведём наполоам воду»* (Пар. Пар.); *Ну я и **говорю**: «Знаешь, чё, ну вот день рожденья, не смей ко мне приходить, 17 ноября. А потом дело посмотрим»* (Пар. Пар.); *Я **говорю**: «Костя, давай дома проведём воду»* (Пар. Пар.); *Нынче **говорю**: «Костя, давай я пенсию половину буду вам отдавать, половину буду копить и проведём наполоам воду»* (Пар. Пар.); *Ну я **говорю**: «Давайте кружечку»* (Пар. Пар.).

Как правило, в диалектной речи моделируется диалог с другими участниками общения, и глагол *говорить* маркирует смену реплик. В этой ситуации происходит наложение двух типов ситуаций, отмеченных В. Е. Гольдиным: 1) ситуации, которая воспроизводится говорящим в речи, и 2) ситуации непосредственного общения. Подобных примеров в анализируемом материале достаточно много: *Милиция пришла [и **говорит**]:*

«Бабушка, где у тебя было?». **Я говорю:** «Вон тама». Батюшке сказала [что лук украли]. А **он говорит:** «Сиитай, что ты его [лук] Господу Богу подарила». **Я говорю:** «Ну, ничё себе» (Том. Пар.); **Она говорит:** «Ну, баба, ну, баба». **Я говорю:** «Ну, дак баба сотый год доживает, так неужели ешо бы картошку, картошку не сделала» (Пар. Пар.); А **я говорю:** «А я не знаю, наверно, я говорю, я рожала в Чигаре, я говорю, наверно, куда-нибудь они выбросили или чё» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «Да вы чё, Абрам Тимофеевич, я говорю, да вы чё?» (Пар. Пар.); **Я говорю:** «Ради Бога, прошу Вас, что я как одинокая мать, я говорю, уберите его с оружия, сопьётся парень» (Пар. Пар.).

К глаголам речевого общения, сообщения, обращения и воздействия согласно данным «Толкового словаря русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [ТСРГ, 1999, с. 349–379] относятся глаголы *называть* (95), *передавать* (по радио, телевизору) (45), *звать* (38), *рассказывать* (32), *сказывать* (20), *отвечать* (20), *спрашивать* (15), *просить* (12), *поговаривать* (9), *говаривать* (6), *промолвиться* (4), *прозвать* (4), *подсказывать* (3), *укорять* (3), *заикаться* (3) (=сказать что-либо нерешительно, в виде намека), *посоветовать* (2), *наказывать* (2), *переговаривать* (2) (=повторять чьи-либо слова, в шутку воспроизводить чью-либо речь), *признавать* (2) (=говорить), *ругать* (2), *поругать* (2), *обзывать* (2), *советовать* (1).

Приведем ряд примеров: *Я им говорю, когда учитель спрашивает:* «Всё поняли?», а ты не понял, так скажи (Шег. Мельн.); *Вишь, ответили:* «Тут эти, староверы», – так они объяснили, что тут староверы (Шег. Мельн.); *Ну вот мене, дуре, потом-то подсказали:* «Ты куда дела её?» (Пар. Пар.); *Я вижу, что она не поминат потом... так она чё-то промолвилась:* «Ой, я прям переживаю, так переживаю! У Вити товарищиши плохи» (ПСДЯЛ, т. 3, с. 231); *Нина Васильевна тоже:* «Ой, да поешь, да поешь!» – меня *переговариват* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 24), *Всё признавали:* «Детска матка, детска матка, не рожала» (Пар. Пар.); *Раз как-то заикалась:* «Баба,

возьми» [серёжки назад] (ПСДЯЛ, т. 1, с. 308); *Сколько-то продержали с собой, отец **сказывал**, что долго продержали-то этого покойника с собой, уж пахнуть стал, хоть холод, на воде, а всё равно своё берет-то* (Шег. Мельн.); *И потом мне **рассказыват**, что «видишь, опять мы убежали, они, **говорит**, сегодня опять в кино билеты купили»* (Пар. Пар.); ***Говаривала**: «Хочешь жить долго, пей такой чай: ложку бузины ягод, пол-литра воды и мёд»* (Зыр. Сем.); *Все бабочки **поговаривают**, убил жену, бил, бил, да добил* (В.-Кет. Б. Яр); *Ох она [она] меня и **порукала**: «Да что же ты сделал, это же насадка!»* (ЖР, с. 26).

Авторизационная семантика в подобных высказываниях тесно сопряжена с метасмыслом говорения, который проявляется в случае, когда говорящему необходимо обозначить сам акт говорения, а также с дополнительными модусными смыслами названия, речевого жанра и др. Так, обнаруживается тесное «сотрудничество» авторизации с метакатегориями речевых жанров совета: *Мене **посоветовали**: «Нина, иди в военкомат, пускай его сюда, это самое, чтоб он домой ехал, раз не хочет учиться»* (Пар. Пар.); просьбы: *Так вот тоже **просит**: «Пожалуйста, подбежи вот то-то и то-то объясни, покажи»* (Шег. Карг.); наказа: *Моюсь – жар не могу терпеть... Пойду, Мишенька мне **наказывает**: «Мама, не мойся жарко, не поддавай»* (МС, т. 1, с. 140); укора: *Дак она [жена] до сих пор всё **укорят**: «С Лабугиных взял тридцать тысяч, пропил, пропил! А мы тебя будем хлебом кормить, ты пропил их!»* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 223); *Мама их **ругат**: «Язви вас, чё, говорит, делаете-то?»* (Пар. Пар.) и т.д.

Глаголы речевой деятельности *звать, называть*, дающие «словесное обозначение чему-л.: предмету, явлению, понятию» [ТСРГ, 1999, с. 373], совмещают функцию авторизации с метасмыслами названия, или номинации. «Номинативный смысл – «называю» – «проявляется случаях, осмысления используемой номинации как необычной, неточной или неподходящей для него как автора высказывания по каким-то причинам

[Шмелева, 1988б, с. 31]. Метасмыслы названия вводятся в случаях, когда у носителя диалекта возникают рефлексии по поводу названия чего-либо, по поводу своего словесного выбора: *Там вон эти, пассатижи или как зовут, в къяладовке лежат* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 15); *Низ горки болотным местом считаем или низким местом. Подошвой, нет, не зовём, может, кто и называет, мы не говорим* (В.-Кет. Б. Яр); *Для лечения мы её [мокрицу] как-то не использовали. Хотя мне говорили, что она помогает при болезнях легких, печени, от грыжи. Её ещё грыжник называют, но не знаю* (СФСР, т. 1, с. 89).

Анализируемый материал показывает, что в диалектной коммуникации чужая речь может вводиться лексемами, совмещающими функцию авторизации с модусом оценки речевого поведения автора: *кричать* (5), *реветь* (4) (=громко кричать), *рёвом реветь* (2), *причитать* (2), *жаловаться* (3), *пенять* (=жаловаться) (3), *гаркать* (3), *взъестся* (1) (=рассердившись, начать упрекать, говорить грубо, невежливо): *Она на перемене ревёт: «Девчонки, кому лепендырки [лепёшки] надо?»* (Пар. Пар.); *А она так взъелась на меня: «Осподи, а я почем знаю? Он не был тут-ка»* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 118); *Ись захочет и гаркат: «Мама, мама!»* (Шег. Бабар.); *«Вот я дедке своему скажу что-нибудь, он не слышит, я ему и кричу: «Ты что молчишь, глухомань, не слышишь, что ли?»* (В.-Кет. Б. Яр); *Потом стали косу расплетать. А я-то причитаю: «Родима ты моя, мамонька»* (Шег. Мельн.); *Та рёвом ревёт: «Это чё будет? Дак это чё будет? Они чё к осени-то нам сделают?»* (ЖР, с. 14). В данных высказываниях говорящий не только маркирует чужую речь, но и дает оценку речевому поведению автора. По замечанию исследователей диалектной речи, такая функциональная нагруженность глаголов речи оценочными смыслами является специфичной [Гынгазова, 2000, с. 234].

В ряде высказываний глагол речи пропущен в силу тенденции к экономии речевых средств и по причине своей очевидности; метасмысл

говoreния в таких высказываниях присутствует незримо, имплицитно. Пропуск глагола речи создает эффект динамического развертывания и быстроты смены событий, ощущение стремительности и энергичности действия: *Рыбоохранник **заходит** [и говорит] к нам: «Вы рыбу давали Волотаевым?»* (Пар. Пар.); *...подошли к автобусу-то, она **плачет** [и кричит]: «Тобусик, к Андрейке! Андрейке!»* (ЖР, с. 62); ***Заехали** к нам с Почтового [и говорят]: «Веди сено смотреть»* (Шег. Бабар.); *Дедушка **придёт** с работы [и говорит]: «Мать, чего же ты, жать нужно»* (Шег. Бабар.); *За руку берёт – он **упирается** [и говорит]: «Не пойду! Не пойду!»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 315); *Все четверо садим картошку. Соседи **дивуются** [и говорят]: «Вот все они у тебя, говорит, все»* (Пар. Пар.); *Все люди **завидовали** [и говорили]: «Осподи, зубы-то каки!»* (Том. Верш.); *Я испужалась, а он **скалится** [и говорит]: «Мужик твой далеко отседова»* (Шег. Бабар.).

б) Глаголы восприятия (20%)

- Семантика зрительного восприятия отражается лексемами (у)видеть (146), (у)видать (45), глядеть (36), взглянуть (25), смотреть (23), видывать (4): *А зверобой, я в численнике сама **видала** там писано: от девяносто девять болезнев, но давление подымат* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 180); *Увидала, что картошки у ей есь – взяла перебрала, крупненьки оставила, а мелкие поросяткам скормила* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 306).

Наиболее частотна в исследуемом материале глагольная лексема *видеть* – семантически нейтральное слово, «обозначающее любой акт зрительного восприятия в любых условиях» [НОСС, с. 92]: *Папа **видит**, что у нас не было такой игрушки* (Пар. Пар.); *Только домой пойдёт, **видит**, что пьяный – собрался и ушёл* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 188); *Я токо **видела** их, когда сама проводила* (ВС, т. 1, с. 193).

Лексемы *взглянуть*, *глядеть* употребляются в ситуациях неожиданного появления какого-либо объекта в поле зрения

диалектоносителя: *Только как в дверь зашел, я как **взглянула** на него – царица, мать небесная, как я за него замуж пойду – он такой здоровый, толстый* (Шег. Побед.); *А я **взглянула**: Таня с рюкзаком* (ВС, т. 1, с. 185); *Я **гляжу**: в ворота идёт* (ЖР, с. 88).

Характерной особенностью употребления глаголов *видеть*, *глядеть* в диалектной речи является их употребление в форме настоящего времени для обозначения событий, произошедших в прошлом. Таким образом создается эффект разворачивания событий как происходящих на глазах говорящего: *Уже в автобусе **гляжу** – вытирает слёзы* (ЖР, с. 62); *Сели за стол, ну **вижу**: парень, вон он у меня на фотокарточке сидит, мы с ним сидим* (Пар. Пар.); *Смотрю туды, это **гляжу**: кто-то пошёл* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 84).

Примеры подобного рода отражают одно из проявлений отмечаемого нами ранее принципа совмещения ситуации непосредственного общения, осуществляемой в настоящий момент, и ситуации, описываемой говорящим (В. Е. Гольдин).

- Глаголы, обозначающие процесс слухового восприятия, представлены лексемами *слышать* (87), *слушать* (53), *слыхать* (45), *слыхивать* (5): *Ой, чё-то застукало. Ну, я **слышу**, как думаю в сенях чё* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *Я пошла бы туды – а чё-то как вроде боюсь. **Слушаю** – стучают* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *Оттуда с лестницы **слышу**, как паровоз гудит* (ВС, т. 6, с. 288).

Глаголы *слышать*, *слыхать*, *слыхивать* чаще всего используются в неперцептивном значении «иметь какие-либо сведения, знать (по разговорам, слухам, передаваемым из уст в уста)». Например: *Вот я от сватьи **слыхала**, они [ужси] даже к им в избу заползали, они не жают ли чё ли, они спят и они спят [ужси и люди]* (В.-Кет. Б. Яр); *Сутунок – не знаю, **не слыхивала**, может, кто и говорит* (В.-Кет. Б. Яр).

Источником информации, полученной с помощью слуха, могут являться радиопередачи. В ряде высказываний глагол *слушать* употребляется в сочетании с лексемой *радио*: *А я **слыхала**, брёвна каки-то*

будут увозить куды-то, а оттэдова будут посно масло нам привозить, подсолнечно, в обмен – по радио слышала (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79).

- Информация, полученная с помощью разного рода ощущений говорящего, передается лексемой *чувствовать* (20), употребляющейся в диалектной речи как в перцептивных, так и в неперцептивных значениях: 1) испытывать какое-либо физическое ощущение: *Ну, прямо дуло – всю продуло, **чувствую**, что меня продуло* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 323); 2) воспринимать органами чувств, ощущать: *Так вот **чувствуют** вроде ба, а уже выговорить не может* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 323).

- В ситуации заблуждения, обманчивости внешнего впечатления от предмета характерно употребление глагола *показаться* (4): *Взглянул: коняга, они [лоси] мне **показались** как кони* (ВС, т. 3, с. 127). В данном контексте глагол *показаться* (*казаться*) «описывает ситуацию полного несоответствия образа, имеющегося в сознании субъекта, реальным фактам и входит в синонимический ряд с *чудиться, мерещиться*» [НООС, 2003].

в) Ментальные глаголы (15%) используются для обозначения интеллектуальной деятельности; они называют не только процесс мышления, но и другие составляющие умственной деятельности, связанные с познанием, памятью, пониманием и т. д. В отличие от глаголов восприятия, ментальные глаголы раскрывают структуру логической деятельности говорящего, вводят информацию о процессе и результате его мыслительной деятельности, дающей возможность установить причинно-следственные взаимосвязи между явлениями и т.д. Подобные глаголы реализуют в предложении «модус ментального плана» [Арутюнова, 1992, с. 120].

В анализируемом материале представлены следующие лексико-семантические группы глаголов ментального плана:

1) глаголы, выражающие мнения и оценки: *думать* (34), *считать* (35).

Глаголы *думать* и *считать*, рассматривающиеся в «Новом объяснительном словаре синонимов» под ред. Ю. Д. Апресяна как синонимы, обнаруживают при этом, по мысли авторов, отчетливые различия. Эти прагматические различия заключаются в противопоставлении глаголов по признаку «уверенность»/«предположение» [НОСС, 2003, с. 1128–1137].

Так, глагол *думать* обозначает мнение-предположение: *Моховики, я думаю, тоже народное название, а так это белый гриб* (Том. Бог.); *Недослышал он... я думаю, может, по породе: у нас мама глуха* (ВС, т. 2, с. 30).

Глагол *считать* вводит квалификацию, представленную оценочными суждениями, выражает мнение-оценку (М. А. Дмитриевская, А. Зализняк), уверенность в том, что дело обстоит именно таким образом: *Это неправильно, я считаю, они поступили* (Пар. Пар.); *Я так считаю, которая женщина растит не с родным отцом своих детей, он трижды проклятый* (Шег. Мельн.). Мнение не предполагает никакого внешнего источника информации; оно высказывается самим говорящим. То, что говорящий считает, является частью его взглядов, мировоззрения.

Однако глагол *считать* может вводить не только мнение-оценку, но и мнение-предположение: *В семьдесят пятом году умерла, она говорит, что восемьдесят девять было ей лет. Как она считает* (Шег. Кург.); *Тоже это хвощ, я считаю, что это пестики. Они расцвели, вот тебе и хвощ* (Том. Аник.).

В анализируемом материале зафиксированы случаи употребления глаголов *считать*, *считаться*, обнаруживающих коллективного носителя общественного мнения: *Ведь считается Нарым город, город считался, городски были, а там деревенски* (Пар. Нар.); *Ешио этот праздник Воскресеньем Христа шиытают* (Шег. Батур.); *Я помню, на Яру... наряжался кто-то – за грех шиытали, маски надевать* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 87).

2) глаголы с семантикой процесса и результата мыслительной деятельности *думать* (48), *додуматься* (4), *раздумывать* (2), *раздуматься* (2), *предполагать* (2), *представлять* «думать, размышлять» (1), *рассуждать* (1), *размышлять* (1), употребляющиеся в значении «рассуждать, строить умозаключение как высшую форму отражения действительности» [ТСРГ, 1999, с. 322]: *Я раз туда [в церковь] забрела из-за чего, мне надо было эти, свечи. И пошла я, церковь-то, **думаю**, всё равно одинакова, а меня не допустили туда, там старушки были, наверно, тоже монашки есть как у нас* (Шег. Мельн.); *Таракан не было. Черви были. Не промывают дежи. Я **думаю**, о боже, как люди-то ись будут* (Шег. Мельн.); *Ой, какая хорошая клюква! Вот стучало в висках. Я перебирала её и в ротик по ягодке, да в ротик. Моментом. **Думаю**, машины, что ли, остановились. Потом **додумалась**, что это клюква. Шума никакого нету* (СФСР, т. 1, с. 125); *И на работу надо, и картошки таскать надо – **размышлял** был-то: «Счас пойду, гыт, картошки таскать, гыт»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 275); *Я полежала-полежала, кажется, долго – ну не могу уснуть. Про Кольку **раздумалась** – прямо жалко!* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 272); *Я **представляю**: умерла четвёртого, хоронили её всё равно на третий день* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 272).

Наиболее частотным глаголом данной группы является лексема *думать*, которая помечает внутреннюю речь говорящего – его мысли, переживания, рефлексии по поводу определенных событий: *Я всё **думаю**: где они, артисты, эти слёзы-то берут? ... Мажут чем, ли кого ли?* (ЖР, с. 71); *Ну, а я безо всякого, **думаю**: и, правда, стерлядок почистить* (Пар. Пар.).

3) глаголы памяти/забывания: *помнить* (83), *не помнить* (55), *вспоминать* (30), *забыть* (23), *помянуть* (11), *помнится* (как *помнится*) (2), как *сечас вижу* (*гляжу*) (2), эксплицирующие образную память диалектоносителя, представлены в ряде высказываний: *Я как **помню**, был у меня дедушка, была у меня бабушка* (Пар. Пар.); *Мне **помнится**, после излому он так и не встал* (ВС, т. 5, с. 261); *А ешо, **помню**, лён сеяли, коноплё-*

то не сеяли (Яшк. Сур.); *Я всё поминаю*, Георгий Димитрич: *я садила, таперь же везде садили картошки-то раньше* (ЖР, с. 10).

4) глаголы знания: *знать* (18), отражающее опосредованное знание, являющееся отсылкой к чужому знанию или опыту. По образному выражению Т. А. Демешкиной, *знать* – это «память сознания» [Демешкина, 2000, с. 103]: *Ну я спорить не стала с ей, я знаю, что он сам перевернулся* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 350); *А у самой денег копейки нет, я знаю точно* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 350); *Ну, как я знаю, она вышла, конечно, мама замуж не за купеческого, за простого* (Пар. Пар.). Знание предполагает существование некоторого рационального источника информации: *Я не помню, в каком году они приехали. Ну, наверное, где-то в пятом. Они приехали, наверно, ещё несовершеннолетними. Потом-от мама, я знаю из её рассказов, как приехали, в Баткате жили* (Шег. Карг.). По отношению к себе говорящие чаще используют глагол *знать* с отрицательной частицей *не*: *Я не знаю, она потом замуж вышла, туда в Толмачёво* (Пар. Пар.); *А это мясо [кротов], не знаю, может, и ели они, не знаю* (Пар. Пар.); *Бабушка у меня прожила сто пятнадцать лет, это, как говорят, но, может быть, неправда. Это я точно не знаю* (Пар. Пар.).

5) глаголы понимания, использующиеся для обозначения интеллектуальной деятельности говорящего в значении «понять что-л. (какие-либо процессы, события и пр.), проникая в суть явлений на основе наблюдения и размышления, специальных логических умозаключений» [ТСРГ, 1999, с. 311]: *понимать* (15), *видеть* (4), *чувствовать* (3): *И... а тут продавец, мужчина – он уже понял, что мне надо всё-таки фрукты* (ЖР, с. 47); *Ну раз плохой [муж], дак зачем ты ворачивался? Врёт она. А я понимаю, что она така, несамостоятельна* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 138).

К глаголам данной группы можно отнести лексемы восприятия *видеть*, *чувствовать*, употребляющиеся в неперцептивном значении «понимать, осознавать сущность явлений, делать вывод из наблюдаемых фактов

действительности на основе чувства и собственной интуиции». Например: *Я вижу, что она не поминат потом... так она чё-то промолвилась: «Ой, я прям переживаю, так переживаю! У Вити товаришши плохи»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 231); *Я уж чувствовала, что она умрёт, а некому на покос было ехать* (В.- Кет. Б. Яр); *А я чувствую, что они по землянику надо потти им – чё я пойду* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 323). Речь идет не о непосредственном чувственном восприятии, а о восприятии, которое сделано на основе анализа фактов действительности.

II. Вводно-модальные компоненты (7%)

К лексико-грамматическим средствам выражения авторизации относятся вводно-модальные слова, сочетания и предложения, частицы, указывающие на источник информации: *мне кажется* (70), *по-моему* (48), *дескать (дискать)* (21), *мол* (18), *по-нашему* (5), *по-вашему* (3), *как их в народе называют* (3). Например: *Ну вот буйные припадки, как их в народе называют, я сама вылечиваю* (Шег. Мельн.); *По-нашему, горчица, сорняк* (Мол. Майк.); *А почём они [таблетки] есь, не знаю, цены нету на их. Может, по-вашему есь цена?* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 65).

Как уже отмечалось, информация, излагаемая от лица говорящего, не требует указания на источник информации по причине своей очевидности. Однако в диалектной речи присутствуют вводно-модальные компоненты, указывающие на то, что диалектоноситель излагает свою информацию – *мне кажется, по-моему*¹². *У меня дедушка был, его раскулачили. У него было, по-моему, три сына и три дочери* (Пар. Пар.); *Верётна отдавала Татьяне, по-моему, помню* (Пар. Пар.); *А радива у нас была ли в Комаровке? Вот вопрос. Правда. Нет, было, по-мойму* (Шег. Карг.); *Приехали, по-мойму, из Каргалы*

¹² Данные показатели одновременно маркируют источник информации и семантику неуверенности говорящего в достоверности излагаемой информации, поэтому будут рассмотрены также среди показателей персуазивности.

(Шег. Карг.); [*А что совхоз выращивает?*] Совхоз, даже не знаю чё выращиват. **По-моему**, подсолнух сажают и кукурузу (Пар. Нар.); [*А лён здесь у вас не растёт?*] Нет. Не знаю, может быть, счас в совхозе есть. Нет, **по-моему** (Пар. Нар.); [*Они не лечат, дымчатые коты?*] **Мне кажется**, не лечат (Пар. Пар.).

Перечисленные маркеры способны вводить квалифицирующие суждения, в которых какой-либо объект тем или иным образом оценивается, интерпретируется: *А я и крапиву без перчаток [рву]. У меня их нет. Нажгёт, сёдня вон нажгёт – хорошо! И лучше, мне кажется: руки ходют, эта маленька стала ходить* (Пар. Пар.); **Мне кажется**, хорошее кино [*«Рабыня Изаура»*]. Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и тоже повторяется перед серией (ВС, т. 1, с. 231); **Мне кажется**, грубо. Ну голова дак голова, а то башка (ВС, т. 2, с. 73). Говорящий выражает неуверенную оценку, однако не претендует на общеобязательность собственного положительного мнения об описываемых явлениях.

Основная функция частиц *мол* и *дескать* «состоит в маркировке присутствия Другого» [Арутюнова, 2000, с. 448]. Эти показатели разграничивают позиции говорящего и цитируемого лица: *Он заявился, я говорю: «Ты чё дома?» Он сфорсил, да и... взбрындил, да уехал – Серёжка, дескать, его не взял* (МС, т. 1, с. 65); *Меня один раз как-то послали родители за дядей: идите, мол, в гости, зовите* (ВС, т. 3, с. 317); *Таня всё передразниват, переговариват, мол: «Сарыни, вы не брали серянки?»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 24); *А Галя говорит нонче: это, Тамара уж – разнарядку делат, начинат она, и они за ней тода. Это, и Галя тоже – и зять не глянется, что он, если бы не Тамара, дискать, он бы и не делал. Ну чё, она всё как-то, под её руководством, делат* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 317); *Она рассказыват, Катерина эта Васильевна, дескать, рассказываю им это, сама плачу* (ПССГ, т. 1, с. 189). Высказывания с «ксенопоказателями» (Н. Д. Арутюнова) направлены не столько на передачу чужих слов, сколько

на передачу чужого смысла, так как пересказывается только общий смысл чужой речи без дословного цитирования.

Количественное соотношение средств экспликации категории авторизации отражено на рисунке 4.

Рисунок 4 – Языковые средства выражения авторизации

В диалекте используется широкий репертуар показателей авторизации. Наблюдения показывают, что маркеры авторизации, представленные в диалектном высказывании, отличаются от подобных маркеров в литературном языке в качественном и количественном отношении. Для выражения авторизационной семантики в диалекте имеется собственный круг языковых средств, представленный единицами разной системной принадлежности:

- общерусскими словами, общими для всех трех основных форм национального языка: *взглянуть, видать, видывать, вспоминать, глядеть,*

говорить, додуматься, думать, жаловаться, забыть, звать, знать, как их в народе называют, кричать, мне кажется, называть, обзывать, отвечать, пенять, передавать, по-вашему, подсказывать, показаться, поминать, помнится (как помнится), помнить, по-моему, по-нашему, понимать, посоветовать, предполагать, признавать, причитать, прозвать, промолвиться, просить, раздуматься, раздумывать, размышлять, рассказывать, рассуждать, реветь «кричать», слыхать, слыхивать, слышать, слушать, сказать, смотреть, спрашивать, считать, увидеть, укорять, чувствовать;

- диалектными вариантами общерусских слов: *представлять «думать, размышлять»;*
- диалектно-просторечными вариантами общерусских слов: *сказывать;*
- диалектно-просторечными словами, общими для диалекта и городского просторечия: *гаркнуть, дескать, мол, наказывать;*
- собственно диалектными (локально ограниченными в употреблении) словами и выражениями: *грит, гыт, как сечас вижу, рёвом реветь;*
- диалектными вариантами диалектно-просторечных слов: *взьесться, дискать.*

Выводы по главе 2

Анализ актуализации модусной категории авторизации в диалектном высказывании позволил сделать следующие обобщения и выводы.

1. Категория авторизации отражает различные способы получения информации в диалекте – чувственный, логический (ментальный) и чувственно-логический. В анализируемом материале широко представлены высказывания с семантикой непосредственного восприятия (20%). Это обусловлено тем, что восприятие играет ведущую роль во взаимодействии носителя диалекта с окружающей средой, при этом большая часть

информации о мире получена говорящим через зрение или слух. Главную роль в восприятии информации играет зрение, на него приходится 12% полученных знаний. Слуховой способ восприятия информации составляет 7%, а остальные органы чувств отвечают всего за 1% полученной информации. Часть информации о мире получена говорящим путем умозаключений на основании законов логического мышления (17%). Анализ практического материала позволяет сделать вывод о наличии взаимодействия чувственного способа получения информации с логическим в ситуации воспоминания и апелляции к чужому опыту (63%). Преобладают высказывания, содержащие ссылку на чужую речь, что обусловлено опорой говорящего на живое, непосредственное общение. Значительная часть высказываний содержит отсылку диалектоносителя к самому себе как источнику информации. Это связано с принципом антропоцентричности и эгоцентричности диалектного повествования. Высказывания с самоцитацией встречаются в ситуации диалога, а также при выражении собственного мнения по определенному поводу, при сообщении о каком-либо событии, явлении. При оформлении чужой речи преобладают конструкции с прямой речью, что обусловлено действием принципа совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения, характерного для диалекта.

2. Источник чужой информации может быть персонифицирован и конкретно назван (определенное лицо или средства массовой информации: телевидение и радиопередачи) или не персонифицирован и представлен максимально обобщенно и определенно (речь неизвестных или обобщенных лиц). В диалекте преобладает живое, непосредственное общение между людьми, хорошо знакомыми между собой; говорящий ссылается на речь односельчан, знакомых, соседей, родственников – 93% высказываний (*внуки говорят, тятенька говорил, Тамара говорит*). Часть сведений диалектоноситель получает от других людей, представленных в высказывании как неопределенное или обобщенное лицо (*говорят, говорили,*

гит, кто-то сказал). Думается, что опора говорящего на живую речь других людей не только свидетельствует об особом характере авторизации в диалекте, отражающем традиции устного разговорного общения, но и препятствует разрушению диалекта как особой формы коммуникации.

Ссылка на конкретный источник чужой информации в диалектном высказывании используется диалектоносителем как средство подтверждения истинности сообщаемых сведений, связана с необходимостью соблюдать коммуникативную норму – сообщать правдивую, истинную информацию. В высказываниях с неопределенным автором важен не источник информации, а сама информация. Автор речи намеренно устраняется или не известен говорящему. Аппелляция к обобщенному источнику информации обусловлена включенностью диалектоносителя в коллективный опыт поколений (свод правил, устоев и т.д.), а также связана с осознанием говорящим самого себя как части традиции (*старики говорили, в старину говорили* и т.д.).

3. В диалектной коммуникации происходит совмещение двух реальных субъектов речи – автора речи и говорящего, единство двух планов сообщения – своего и чужого. «Чужое» слово органично вплетается в собственную речь диалектоносителя, тем самым создается своеобразное взаимодействие между «чужим» и «своим», «чужое» является «продуктом» ментальной переработки говорящего в процессе уточнения, комментирования, оценивания, обобщения и т.д. Как субъект-пользователь чужой информацией, диалектоноситель может преобразовывать ее в своих коммуникативных целях: сопровождать комментариями, уточнять, конкретизировать, оценивать, добавлять собственную информацию.

4. План выражения модусной категории авторизации включает широкий набор лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности, маркирующих способ и источник получения информации. Наиболее частотным маркером авторской информации является глагол *говорить*, употребляемый как для передачи своей речи в ситуации, имеющей

место быть ранее, так и для передачи речи других лиц. На втором месте по частотности находится группа ментальных глаголов, отражающих информацию, полученную «по памяти» и глаголы восприятия, маркирующие чувственный способ получения информации.

ГЛАВА 3. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

План содержания категории персуазивности, выражающей авторскую точку зрения на истинность сообщаемого, составляет семантическая оппозиция уверенности/неуверенности говорящего в достоверности информации. Кроме того, на языковом уровне находит отражение способ восприятия окружающего мира носителем диалекта.

Обратимся к описанию перечисленных аспектов персуазивности в диалектном высказывании.

3.1. Семантика уверенности и ее экспликация в диалектном высказывании

Согласно данным толковых словарей, уверенность трактуется как «убежденность в чем-л., твердая вера в кого-л., во что-л.» [МАС, 1999, т. 4, с. 449], «мнение, основанное на убежденности, твердой вере в кого-л., что-л.» [СРС, 2005, с. 166]. По замечанию исследователей, семантика уверенности представляет собой «особый тип интеллектуальной оценки, когда говорящий строит умозаключение и высказывает обоснованные выводы, опираясь на имеющийся у него значительный объем информации» [Орехова, 2015, с. 199]. В данной ситуации можно говорить о высокой степени обоснованности знания, достаточно хорошей информированности о том факте или явлении, о котором сообщает носитель языка, о проверенном характере информации, которой оперирует говорящий. Степень уверенности говорящего в достоверности информации «зависит, прежде всего, от степени полноты знания говорящего о действительности» [Беляева, 1985, с. 126].

В диалектной коммуникации показатели уверенности говорящего в достоверности информации составляют 15% от общего числа персуазивных маркеров.

Семантика уверенности передается лексико-грамматическими средствами: вводно-модальными словами и выражениями, модальными частицами, наречиями, фразеологическими сочетаниями. При этом значение уверенности сопровождается восклицательной интонацией, утвердительными и усилительными частицами, экспрессивными повторами, осложняется различными эмоциональными оттенками, что указывает на сопряженность семантики уверенности с категориями эмотивности и экспрессивности.

Обратимся к описанию средств выражения семантики уверенности более подробно (см. Приложение Б, Таблица Б. 1).

а) Вводно-модальные слова и частицы (11%)¹³

Основными средствами выражения семантики уверенности являются вводно-модальные слова и частицы, относимые традицией к разряду показателей, выражающих высокую степень достоверности говорящего [Бондаренко, 1977; Панфилов, 1977; Буглак, 1987 и др.]. В лингвистической литературе существуют различные наименования данной группы слов – «модальные слова, выражающие утверждение» [Смушкевич, 1968], «модальные слова категорической достоверности» [Бондаренко, 1977; Панфилов, 1977], «модальные слова, выражающие уверенность в реальности сообщаемой информации» [Анисимова, 1982]. Словари обычно выстраивают лексемы с семантикой уверенности в один синонимический ряд (см. [ССЕ, 1970; ССА, 2001]).

К экспликам уверенности в диалекте относятся вводно-модальные слова и частицы *конечно* (175), *правда* (75), *правильно (праильно)* (30),

¹³ Доля в процентах от общего числа маркеров с семантикой персуазивности; частотность лексем будет приведена в количественной форме.

обязательно (10), действительно (двестительно) (9), честно (7), знамо (5), известно (5), всяко (всяко-разно) (3).

Например: *[А раньше у вас не было пьянства?] Ну, было тоже, конечно, выпивали тут, но такого не было* (Пар. Пар.); *Ну, дѣк, как не сразу? Знамо, сразу* (СРСГД, т. 1, с. 168); *Дети мои выросли здесь. Ну, как замуж повышли две дочери, уехали, известно* (ВС, т. 3, с. 31); *[- На свадьбе был обряд «блины»?] Обязательно. Это ранешно поверье* (ВС, т. 4, с. 214); *А потом из городу [свет] провели, ага, ну правильно, из городу* (ВС, т. 5, с. 344); *Люда-то така чистоплотна, така хороша женишына – и вы не подумайте, что свою хвалю – честно, честно так [говорю]!* (ВС, т. 7, с. 271).

В роли модального слова и в роли частицы выступает слово *конечно*, что говорит о зыбкости границ между данными классами слов: 1) модальное слово; само собой разумеется, без сомнения: *Я не знаю, почему его не поощрили, конечно, он помер давно уже* (Пар. Пар.); *Но, конечно, всё... огород был, скотина, всё это, сметанка, творожок – всё своё было* (Пар. Пар.); 2) частица; выражает согласие, употребляясь для подтверждения слов, мыслей своих и собеседника; да, разумеется: *[Не богато жил?] Нет, конечно. Какое его богатчина? Ничё такого не было* (ВС, т. 1, с. 96); *[А раньше Иван Купала как-то отмечался?] Ну, конечно, бегали, справляли, у нас же и церковь была, и всё* (Пар. Пар.) – частица.

б) Наречия (1%)

Меньшей частотностью характеризуются наречия: *точно* (17), *наверняка* (1): *Ниной её звали, а Анисья писалась она, точно-то* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 197); *У их мясо баранина была, это точно* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 197); *А у самой денег копейки нет, я уж знаю точно* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 350); *Кубометров шесь [дров] наверняка будет* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 196).

в) Фразеологические сочетания (3%)

В диалектной коммуникации персуазивные единицы *(а)* как же (32), как (же) не (17), <да> чё <будешь там (тут)> говорить (10), честно(е) слово (5), <и> говорить нечего (неча) (5), истинный Бог (Господь) (4), как Богу (4), (вот) ей-богу (4), что говорить (3), кого тут-ка говорить (2), неужели нет (3), правда что (3), Боже мой (1) (= конечно, бесспорно [ВС, т. 1, с. 98]), в (на) самом деле (1) употребляются с целью подчеркнуть твердую уверенность или убежденность говорящего в чем-либо: «Ты ходишь, ногами топчешь лекарства, а ко мне пришла». Оно и **в самом деле** (ВС, т. 2, с. 112); Она шибко любит врать. Мне даже жалко, я про её вот говорю, **вот честно слово**, вот говорю про её и жылею (ПСДЯЛ, т. 4, с. 77); Хорошо жили, **чё будешь говорить**, хоть и работали да жили. Ну и счас делают, конечно, **чё там говорить** (ВС, т. 2, с. 36).

В отличие от вводных компонентов и наречий, фразеологические единицы эксплицируют значение уверенности в осложненном виде, включающем добавочные экспрессивные оттенки: [А Вы не помните, в церкви была служба?] Служба была, я на хорах пела, всё время в церковь ходили, всё время, **как же** (Пар. Нар.); Да, я помню, как война начиналась, девочки, **истинный Бог**, помню (Пар. Новос.); Ну, **Боже мой**, старенько [полотенце] (ВС, т. 1, с. 98); А он посмотрел – ну он грамотный, всё равно, в техникуме учился... в один-то больничный лист написано «левая нога», у его права болит-то, а там леву написали – в другим. **Вот ей-богу!** (МС, т. 1, с. 68).

Экспрессивно-эмоциональная составляющая высказываний может усиливаться интонацией восклицания, частицами уж, уже, устойчивыми сочетаниями *да вы что*, *да что ты*, словами и выражениями *поверь*, *вы чё хотели*, *точно знаю*, *не вру*, *клянусь* и др., употребляющимися для подтверждения достоверности сказанного: *Вот уж мне-то поверь, я не вруша, никогда не вру ничё... Да вот, Катя, вот ей-богу, как вот богу, так*

от... (ПСДЯЛ, т. 1, с. 66); *Девочки, у меня уже, и, конечно, память не та, вы чё хотели!* Ну-ка поживи столько, и всё это знать-помнить! (Пар. Пар.); *Картошку ещё все садят. Это уж конечно. Куда ж без неё!* (Шег. Мельн.); *Растёт, конечно же, берёза, вы, поди, знаете, какая она, красавица просто. Весной как невестушка* (Том. Канд.); *Ей-богу не вру!* Уж на моих памятях было (ВС, т. 2, с. 179).

Устойчивое выражение *неужели нет* употребляется в риторическом вопросе или ответе, содержащем подтверждение реплики адресата: «*Ну, я тебя, помнишь, конфетами-то угощал?*» Я говорю: «**Неужели нет? Помню**» (ПСДЯЛ, т. 2, с. 253); «*А ты бы спросила?*» А я говорю: «**Неужели нет? Спросила бы**» (ПСДЯЛ, т. 2, с. 253).

Как видно из приведенных примеров, показатели уверенности в диалектном высказывании отличаются в количественном и качественном отношении от подобного класса слов в литературном языке. Так, в среднеобских говорах не отмечены модальные слова *безусловно, бесспорно, несомненно, явно*, традиционно относящиеся к показателям, выражающим категорическую уверенность говорящего. Для выражения этого смысла в диалекте имеется собственный круг языковых средств, представленный единицами разной системной принадлежности:

- общерусскими словами: (а) *как же, Боже мой, действительно, ей-богу, как (же) не, конечно, на (в) самом деле, обязательно, правда, правильно, точно, честно(е) слово, что говорить*;

- собственно диалектными словами и выражениями: *всяко, говорить нечего, и говорить неча, знамо, истинный Господь (Бог), как Богу, кого тут-ка говорить, на правду сказать, неужели нет, правда что*;

- диалектными и диалектно-просторечными вариантами общерусских слов: *известно, (да) чё там (тут) говорить, чё будешь там говорить*.

В синтаксической науке принято считать, что обязательными для эксплицитного выражения являются значения «неуверенности в

достоверности» и «уверенности в недостоверности» сообщаемого факта [Всеволодова, 2000, с. 308]. Напротив, «уверенность в достоверности информации в обычных условиях не выражается» [Всеволодова, 2000, с. 308] и традиционно имеет нулевой способ экспликации. Представляется обоснованным утверждение исследователей о том, что эксплицитное выражение уверенности в истинности сообщаемого обусловлено коммуникативно-прагматическими факторами (см. работы [Шмелева, 1988а; Яковлева, 1994; Стексова, 1992; Апресян, 1995; Белошапкова, 2003]). В частности, в литературной речи показатели уверенности появляются в ситуациях спора, дискуссии, при необходимости воздействовать на слушателя, навязать свою точку зрения, разрешить возможные сомнения адресата и подтвердить истинность сообщения в диктуме [Шмелева, 1988а, с. 37].

Наблюдения над языковым материалом показывают, что в диалектной коммуникации анализируемые слова обогащаются прагматическими смыслами, указывают на то, что диалектоносите́ль «по каким-то причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем ему сообщается) настаивает на своей оценке информации» [Белошапкова, 2003, с. 773]. Данное свойство маркеров уверенности отмечено в монографии Т. А. Демешкиной, исследовавшей способы выражения достоверности в диалектном высказывании [Демешкина, 2000].

В диалектной речи маркеры уверенности употребляются для экспрессивного подтверждения собственных слов или слов собеседника: *Девчончишки все замуж повышли – молоденьки други... Правда, ить сколько их! Пять человек* (ВС, т. 5, с. 343); [*С: Я не стал ей окучивать. Картошка не полона, окучу, потом виноватый будешь.*] *Не-ет, не надо, зачем, правильно* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 179); *Ты бы от ничё не покупала, а приехала бы так. Правда. А то за дорогу заплатить надо...* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 179); *Из-за*

пустяка поссорились? Ну **конешно**. Из-за чё? Прям ни из-за чё (ПСДЯЛ, т. 2, с. 76). В данной ситуации модусные показатели сближаются по смыслу и функциям с частицей *да*, выражающей согласие («Да, я подтверждаю, что это так, я согласен с этим»), однако отличаются от нее экспрессивностью и указанием на большую убежденность.

Безапелляционность суждений диалектоносителя передают маркеры уверенности, употребляющиеся для выражения согласия с фактом, который воспринимается диалектоносителем как нечто закономерное, само собой разумеющееся: Ну, **конечно**, я была пионеркой, потом комсомолкой (Пар. Новос.); [А Вы раньше косили, да?] Ну раньше, **конечно**, косили, мы сена много ставили (Пар. Нар.); [А как война закончилась помните?] Ну, наверно, помню, **как не помню-то** (Ал. Юрг.); А у нас, **конечно**, справляли очень хорошо свадьбы (Пар. Пар.); Мой муж, я вышла за его взамуж и он, значит, был учителем. Но потом, значит, стали учителей брать в армию, ну и его, **конечно**, взяли (Пар. Пар.); [Вы детей крестили?] **Конечно**, крестили (Пар. Нар.); А вначале мы работали, веяли хлеб, молотили хлеб, молотили молотилками. Работа, **конечно**, тяжёлая (Пар. Пар.); А это, мастера-то они каки были! Уж **говорить-то нечего** (ПСДЯЛ, т. 1, с. 188).

Модусные компоненты с семантикой уверенности эксплицируют представление носителя диалекта о стереотипной ситуации. Под стереотипом в данном случае понимаются представления, существующие в ценностной картине мира говорящего, сложившиеся не столько на основе собственного жизненного опыта, сколько под воздействием нравственных, этических, моральных принципов коллектива. Принципы поведения диалектоносителей ориентированы на общепринятые нормы, жители села старшего возраста находятся в рамках ценностей коллективистской культуры, предполагающих приверженность традициям и устоям.

Обратимся к примерам, в которых автор апеллирует к традиционному укладу жизни, ритуалам, которые представители крестьянского социума не

могут не соблюдать: *Конечно, работать приходилось много* (Пар. Пар.) = не могло быть иначе, так как всем приходилось много работать; *И у попа крестилась, тогда, моя милая, все у его крестились. А как же, раньше так вот и было* (Шег. Бабар.) = то есть все крестились, так было принято; [*А раньше коров держали?*] *Ну как, конечно держали, лошадей, и всё* (Пар. Нар.) = не могли не держать домашнее хозяйство, так как все (большинство) держали; *Мы, знаете, мы никогда против отца, матери мы не имели права слова сказать. И я, конечно, своих детей также воспитываю* (Пар. Пар.) = я считаю, что нельзя воспитывать по-другому, нужно воспитывать у детей уважение к родителям, так как это диктуется нормами поведения.

Описанные в высказываниях события в силу своей типичности для сельского социума получают однозначную трактовку с моральных, нравственных, этических позиций. У говорящего нет оснований сомневаться в истинности информации, в которой выражена ориентация на стереотипы коллективного сознания, жизненные сценарии предков. Экспрессивное утверждение говорящего, что должно быть именно так, что иначе быть не может, основывается на существующих у него представлениях о норме, сложившихся под воздействием различных факторов (жизненного опыта, традиционных норм поведения, сельского уклада жизни, ритуалов).

3.2. Семантика неуверенности и ее экспликация в диалектном высказывании

3.2.1. Виды значений неуверенности, представленные в диалектном высказывании

Показатели персуазивности со значением неуверенности обычно рассматриваются исследователями как семантически однородные, анализируется их обобщенное значение и синтаксическая роль. Данная

традиция поддерживается лексикографической практикой. Словари обычно трактуют вводно-модальные слова и частицы со значением персуазивности как синонимы, толкуют их одно через другое (см. [Ожегов, Шведова, 1999; БАС, 1950-1965; МАС, 1999 и др.]). Например, в «Словаре русского языка» в 4-х тт. под ред. А. П. Евгеньевой вводно-модальное слово *может* толкуется через *может быть*, а *может быть* – через *возможно, вероятно* [МАС, 1999, т. 2, с. 201, с. 305] и т.д. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт. [БАС, 1950-1965] и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999] толкуют маркеры персуазивности аналогичным образом. Подобный подход к толкованию лексического значения персуазивных единиц порождает замкнутый круг в их определении.

Между тем, показатели персуазивности реализуют в высказывании комплекс разнообразных смыслов, образующих область неуверенности говорящего в достоверности информации. В круг частных значений неуверенности включается значение предположения, сомнения, кажимости, гипотетичности, допущения, мнения и т.д. Данные смыслы проанализированы в ряде исследований [Комм, 1990; Арутюнова, 1999; Топтыгина, 2003; Винокурова 2004; Семенова, 2007; Ревякина, 2008; Нагорный, 2008, 2011, 2012; Никольская 2009]. Градация оттенков неуверенности, выражающихся вводно-модальными словами и частицами, проявляется от «достаточно высокой степени уверенности в сказанном через значения нейтрального, «чистого» предположения до глубокого сомнения в достоверности фактов действительности, в семантическом плане граничащего с отрицанием» [Нагорный, 1991, с. 4].

Семантика неуверенности в анализируемом материале представлена двумя основными разновидностями – значением сомнения и предположения, образующими соответствующие смысловые полюсы. Рассмотрим их более подробно.

а) семантика предположения

По замечанию И. А. Нагорного, «ядерным смыслом сферы персуазивной квалификации события» [Нагорный, 2013, с. 260] является значение предположения. Суть предположения можно свести к следующим понятиям:

- «предварительное суждение о чем-л., догадка» [МАС, 1999, т. 3, с. 369];
- «мысленное допущение; догадка, соображение о возможности, вероятности чего-либо» [БАС, 1961, т. 11, с. 153].

В качестве речевого и ментального акта предположение (гипотеза) рассматривается в работе [Булыгина, Шмелев, 1993]. Отмечая распространенность высказываний-предположений в русском языке, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев предлагают выделять гипотетические высказывания наряду с повествовательными, восклицательными и побудительными предложениями. Анализ нашего языкового материала показывает, что высказывания-гипотезы достаточно частотны в речи сибирских старожилов.

Маркеры предположения регулярно используются в речевых жанрах:

- предположения¹⁴: *У меня племянница ездила в Аскитим, ну вот вчера приехала. Я говорю: «Галя, а в Аскитиме, в Новосибирском нету дожжа?».* *И тут нету и там нету. Ну, счас, **наверно**, повсеместно* (Пар. Пар.); *Здесь я родилась, в Старой Шегарке. Она бы щас была, так вот это наводнение-то, топило водой, вот и перенесли. Это, **наверно**, в тридцать шестом годе вода была* (Шег. Мельн.);
- прогноза: *Уж скоко лет-то ему? Тринадцать? Ничего не вырос, такой, **наверно**, и останется* (ВС, т. 1, с. 283); *Разрыв сердца, думаю, изделатся, **наверно*** (ЖР, с. 65); *Работы-ы... не знаю, завтра, **наверно**, дож*

¹⁴ Речевой жанр предположения подробно анализируется в работах [Казакова, 2005; Воронова, 2014, 2015, 2016].

утром будет (ЖР, с. 18). Основная характеристика жанра прогноза – гипотетичность. Временная отнесенность прогноза – будущее, о чем свидетельствуют глаголы в форме будущего времени;

- мягкой, некатегоричной просьбы: *Вы, **может**, кушать будете?* *Давай чай* (Пар. Пар.); *Мама, ты, **может**, дома останешься, с Ольгой, а я поеду садить* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 170); *Маруся, **может**, ешо, выпьешь?* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 170); *Гутя, **может**, где увидишь, купи мне столовый нож, нету ножа* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 170); ***Може быть**, закрыть избну дверь?* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 96).

Вслед за Е. Н. Топтыгиной выделяются следующие основные разновидности предположения [Топтыгина, 2003, с. 18–19]:

- **обоснованное предположение**: *Ну-ка попиши это пальцы-то, они уж, **поди**, идереვენют* (В.-Кет. Б. Яр); *Ноготки от кашля зимой хорошо. Семянки как ноготки у кошки или ещё какой живности, потому, **наверно**, так и зовут* (Юрг. Юрг.); *Этот деколон так, **наверно**, не достать мне. Всё с гумажками надо идти* (ВС, т. 1, с. 135); *Ой, кака шишка у тебя! А это рахит, **наверно**, изломал, голова неаккуратна* (ВС, т. 4, с. 112).

Обоснованное предположение основывается на частичном владении диалектоносителем информацией, достаточной для того, чтобы предположение выглядело вполне аргументированным. Показатели персуазивности в подобных высказываниях близки предикату мнения «считаю», а само основание выдвинутой гипотезы, как правило, вводится причинными союзами *потому что, оттого, что*: *Алименты она получают. Отец хотел его [ребёнка] забрать, но она его не отдает, **видимо**, из-за алиментов, потому что ребенка-то ей не надо* (ВС, т. 1, с. 34); *А сейчас и в совхозе хорошо работать, денег много плотют, одёжа красивая, не холишсовая, тухли вон таперь какие, а я ведь с шахтёрок не вылазила всю жизнь. **Видно**, ешио где лучшие жизнь какая есть, что бегут отцедова* (Шег. Бабар.). Основание вывода может не выражаться вербально в том случае,

если оно ситуативно и/или очевидно для диалектоносителя: *Платье, **однако**, коротковато* (ПССГ, т. 4, с. 125) (так как недостаточной длины); *Ой, **однако**, сёдня жара будет престрашна* (ПССГ, т. 2, с. 241) (так как жарко, безоблачно, ничто не предвещает плохой погоды).

Точкой отчета для выдвижения предположения может являться не только событие, но и мотивированное слово. В таких случаях диалектоноситель стремится прояснить внутреннюю форму слова: *Её [пучку] ещё иной раз называют борщевиком, потому что, **наверное**, суп из его варили, а ещё начинку для пирогов* (Яйск. Арыш.); *Бывают беленькие, бывают голубенькие, светленькие ветреницы. Незатейливые такие, а **может**, оттого, что на ветру растут, их так зовут ветреницы* (Мар. Благ.); *Соседка дала цветок, называется ванька мокрый, **наверно**, потому, что воды много пьёт, а **может**, что на листочках кабы пот* (Том. Корн.); *Кукушкины слёзки тоже синенькие. Почему называют? Ну, **наверно**, как кукушка кукует, тогда они вроде вырастают, так раньше думали* (Мар. Благ.); *Шапки – картуз да и картуз. Сейчас бескозырка называют, а почему бескозырка, видно, без козура* (ВС, т. 1, с. 80);

- **необоснованное предположение (предположение-догадка)**: *А в яму сюда, в подполье, кладём этот «идеал». Эту, **что ли**, скороспелку* (Пар. Нар.); *Щас от этот [сын], на неделе опетъ ездил. Мать его там... дом, **чё ли**, покрыть, **что ли*** (ЖР, с. 13). В ситуации недостаточности имеющейся информации или в условиях ее отсутствия, невозможности наблюдать явления действительности вывод говорящего носит характер **догадки**, возникающей в сознании интуитивно, неосознанно [Топтыгина, 2003, с. 175]. Наиболее точно значение предположения-догадки, основанной на внутренних ощущениях, интуиции передают вводно-модальные слова и частицы *что ли*, *чё ли*: *Я лежу [в больнице], а уж снег пробрызнул, шешнадцатого **что ли** сентября* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 130.); *Залезли в дачу – им присудили платить девятьсот рублей, по девятьсот, **что ли*** (ЖР, с. 62).

Носитель диалекта лишен уверенности в истинности предположения, он лишь указывает на его возможность, но не имеет видимых или логических доказательств этой возможности. Такая неуверенность «опирается на нечеткость самой информации, ее отсутствие, невозможность прогнозирования развития ситуации, невозможность прямого восприятия объекта» [Нагорный, 2014, с. 17];

Предположение говорящего может строиться на основе чувственного восприятия мира. В ситуации непосредственного чувственного (чаще всего зрительного) восприятия действительности предположение говорящего, как правило, носит уверенный характер и вводится словами *видимо, видно/как видно, по-видимому, похоже*, близкими оборотам «судя по всему», «насколько мне известно»: *Однако не будет [грозы], всё прояснело тут-ка* (ПССГ, т. 2, с. 241); *Чё-то мешат, однако, там. Банка вроде мешат* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 293); *Черноголовник – этот знакомый, красный и желтый. Так жёлтый – это, однако, череда* (ВС, т. 2, с. 310); *Вон, смотри, у кузницы, однако, наша корова. Нет, телятишки* (ПССГ, т. 4, с. 125); *Костянижник, однако, это* (Зыр. Черд.); *Меня, видно, продуло, между лопаток* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 122); *У кислянки лист как так зубчатый. Ух, её полно там. Невысока она, цветёт, однако, белым* (Том. Меж.); *Похуже, такой, но это... может и от пучки, может, ещё пучка пойдёт [рассматривает лист]* (ВС, т. 5, с. 333); *Наверно, похоже, вьюн, потому что вьется* (ВС, т. 5, с. 333).

Семная структура предположения может осложняться дополнительными оттенками желательности, допущения и др., которые вносят в высказывание свои нюансы, актуальные для говорящего на момент речи.

Вводно-модальные слова со значением предположения употребляются в комплексе со словами, имеющими семантику незнания чего-либо, неизвестности, неясности и т.п.: *кто его знает, Бог его знает, не знаю* и др.: *А нынче, наверно, будет – не будет [клюква], кто его знает* (Пар. Нест.);

Клевер, может быть? Кто его знат, всяких-разных трав в огороде полно (ВС, т. 1, с. 246); *Потом боялись ехать в Сибирь-то. Бродягами называли. Может, и политически были, кто их знат* (ВС, т. 1, с. 124); *Говорят, к худому, что она кукует кукушка, а чёрт ё знат, где к худому, может, правда, где, а может, так* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 351); *[А Горёвка почему?] А Бог её знат! Наверно, там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю* (ВС, т. 1, с. 95).

В случае, когда говорящий не обладает достаточной информацией для точной оценки, значение предположения осложняется дополнительной семой неопределенности, неясности, приблизительности, неточности.

Значительной степенью неопределенности характеризуются высказывания с повторяющимися союзами *то ли... то ли..., то ли...ли чё (цё) ли, то ли... то ли чё ли, то ли...чё ли*¹⁵ и др., широко представленные в диалектной речи: *Я их не могу различать – то ли самка, то ли самец* (В.-Кет. Б. Яр); *Это нимы. А нимов тоже было мало, этих нимов. Большинство их как-то, вообще плохо. То ли негде было катать, то ли некому* (Шег. Мельн.); *То ли он на войне погиб, то ли разошлись, я уж не знаю* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 183); *А потом то ли он удушился, то ли зарезался, то ли его кто зарезал – чё-то так* (ПСДЯЛ, т.4, с. 316). В структуре перечислительного ряда союз может быть одиночным: *У меня прямо разом зрение потерялось, то ли, что я вязала, огонь не зажигала, я могла вечером поздно вязать* (Пар. Пар.); *А я уже чё-то не помню, то ли нам платили за это – не платили* (Пар. Пар.); *Чей-то бык большой и это... с гвоздями, ремень сшит. То ли корову сосёт* (ЖР, с. 30).

Повторяющиеся разделительные союзы имеют комбинированный характер. В сочетании с частицами и местоимениями *то ли... то ли чё ли, то ли... то ли чё, то ли... то ли кто ли, то ли... то ли как ли, то ли... то ли...ли* и др. употребляются при перечислении предполагаемых «фактов или явлений,

¹⁵ Подобные конструкции подробно проанализированы С. П. Петруниной [Петрунина, 2007, 2012б].

при неопределенности, неясности того, какой из них является действительным и какой – мнимым» [МАС, 1999, т. 4, с. 370]: *Тожe не помню сколько: **то ли** три семьдесят, **то ли чё ли**, за серёжки дала я* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 183); ***То ли** мне надсада, **то ли чё** там [о болях в желудке]* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 183); *И чё-то кака-то болесь там [в армии] его схватила. **То ли** отравился чё-то **ли чё ли**, и умер там* (ВС, т. 6, с. 435); *Я все говорю, **то ли** начальство тако было **или чё ли** не признавали* (ВС, т. 3, с. 45); ***То ли**, может, земля така, **ли кого ли** – де он подбивал, там картошки лучше были* (ЖР, с. 11).

Семантика неопределенности характерна для синтаксических конструкций с однородными членами, в которых выражается «предположение, исключающее сказанное в предыдущем члене предложения» [СРСГ, т. 1, с. 16]: *ли чё ли, ли как ли, или как ли, или где ли, или что ли, или чё ли, али как ли, али что ли* и др. В подобных специфичных для диалектной речи комплексных построениях, имеющих смысл неисчерпанности информации, последний член перечислительного ряда представлен относительным местоимением (часто в сочетании с частицей *ли*), которое повторяет синтаксическую позицию предыдущих членов (члена) ряда и связано с ним с помощью разделительных союзов *или (иль)*, *али (аль)*, *ли*: *Модистки были, ну, а сейчас таких модистков-то я не знаю, их щас не зовут, щас же всё это шьют же КБО **ли чё ли*** (В.-Кет. Б. Яр); *[Зачем его забрали?]. Ну, тогда всех забирали. Как тебе сказать, по пятьдесят восьмой статье, как бы. Как бы считали, враги народа, **или как ли*** (Пар. Пар.); *Вот была бы я, конечно, так, как сказать, как бы сказать побогаче, **или как ли*** (Пар. Пар.); *Памятна гора **или как ли**... под Москвой-то... [о Поклонной горе]* (ЖР, с. 79); *Можя, колдун **или чё*** (СРСГД, ч. 1, с. 245); *Сёдня Петров день **ли кто ли*** (СРСГД, ч. 1, с. 245); *А он говорит: «Вы где это стерлядок взяли и этих, забыла, максунов, **ли чё ли**»* (Пар. Пар.); *А он и говорит ей, цыган **ли кто ли**: «Русски бабы, гыт, кажный день голову*

чешут, не плачут, а ты в год раз, да плачешь» (ПСДЯЛ, т. 3, с. 317); *Плотники вырезают наличники **ли** кого **ли*** (СРСГД, ч. 1, с. 245). В аналогичной функции употребляются сочетания *ли нет ли*, *или нет ли*, *ли сколько ли*: *Там соток пять **ли** сколь было, не знаю, не помню. Может, три было* (ЖР, с. 10); *Она уехала, ну ешо, однако, приезжала **ли** нет **ли**, однако, нет* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 293).

В комбинированных сочетаниях *ли кто ли + там*, *ли как ли + там*, *там+ли чё ли* и др. с помощью указателя *там* эксплицируется семантика неточности, отчуждения, некоторого безразличия, пренебрежения: *А он говорит: «дядя Толя», **ли** как **ли** его там назвал, как он зовёт его?* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 129); *А етому, который помер, какой-то лейтенант **ли** кто **ли** там, убили-то хоронили-то от, недавно-то?* (ЖР, с. 84); *Она мне говорит: Вот сусло изделают из муки, какой солод был там **ли** чё **ли**, это я уж не знаю, и вот она это сусло там это изделат* (ВС, т. 7, с. 27); *А если походишь, побольше я стала – может, лет пятнадцать **ли** сколько там, де маленько побегашь, – а тятя сердитый у нас был, не пускал...* (ЖР, с. 15).

В высказываниях, включающих упоминание каких-либо количественных данных, в точности которых диалектоносите́ль не уверен, возраста, проявляется семантика приблизительности: *Тоже, **однако**, двенадцать ведер. Не соврать бы, сколько* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 293); *А тому, который там работает, тому тоже пятьдесят, нет... ой, **наверно**, сорок девять, вот так **как-то** ему* (Пар. Пар.); *Теперича кругом ходили, вот за руки возьмутся все, человек, **наверно**, **поди**, сколько, до полста* (ВС, т. 1, с. 190); *Ей **либо** двадцать шесть-двадцать семь [лет]* (ВС, т. 3, с. 229); *Я во сне вижу: гряда вот така, така вот метру, **наверно** бы, шириной* (ВС, т. 1, с. 141); *Ну и лопаты наточил, всё, с ними поехали – ведра, **наверно**, три взяли картошки, **может**, четыре* (ЖР, с. 11); *Колхоз, **однако**, в тридцать вторым году **ли** что **ли** образовался* (СРСГД, ч. 1, с. 246) *Сколько-то уж,*

много **чѐ-то**, ну вообще, человек десять, **чѐ ли**, было. Перезабыла уже, сколько их тут было [сестер] (Пар. Пар.).

В контекстах, проецируемых на будущее, предположение говорящего имеет оттенок желательности, некоторой уверенности в возможности осуществления события. В силу этого вводно-модальные слова *авось-небось, может, небось, поди*, выражающие надежду на возможность благоприятного исхода событий, могут сочетаться с формами будущего времени глагола: *Вы же с Ниной не родня? – Нет. Авось-небось, да породнимся: у ей сын, у мене – дочь* (СС, т. 1, с. 14); *У меня внучка в Томском работает. Может, женишишко найдётся* (Пар. Пар.); *Сильно красивый был собор – поломали. Может, восстановят постепенно* (ВС, т. 1, с. 228); *Поди, постоит тепло* (В.- Кет. Б. Яр); *Хоть дожжык сѣдня не пойдѣт, дак, может, засохнет, трава-то маленько* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 170). В данных примерах представлено потенциальное действие, поскольку неясно, реализуется оно в действительности или нет, говорящий только сообщает о желательности его осуществления.

Употребление вводно-модальных компонентов способно вносить в высказывание оттенок гадательности: *Сталин был сослан сюды вот в Нарым, он как-то был. У его здесь и ребѣнок остался. Теперь он тоже как бы не постарей меня. Наверно, постарше меня. А может быть, его уж нету* (Пар. Пар.); *Я уже, наверно, была или, может, меня не было* (Пар. Пар.); *Ну это, Нина Васильевна, может быть, и не из-за этого, может, сама так* (ЖР, с. 16); *У ей, наверно, шерсти – может, кулей пять ли десять ли, ли один ли – ничѐ не знаю* (МС, т. 1, с. 67). Маркеры персуазивности выражают такое предположение, которое, по мнению диалектоносителя, с одинаковой степенью вероятности можно подтвердить или опровергнуть. У говорящего нет точных сведений о ситуации, поэтому не исключаются разные ее исходы. Иными словами, существует свободный выбор вариантов

результата ситуации: «возможно или А, или Б, или оба сразу, я точно не знаю».

Оценка ситуации как возможной не исключает наличия противоположной ситуации, вводящейся компонентами *может... может, может (быть)...* а *может (быть)*, которые выступают в функции альтернативных союзов или употребляются при таких союзах (о «союзных функциях» слова *может быть* см. [Санников, 1989]): *Горбата она, кость-то, позвоночник. Вот это, **может быть**, она убилаь когда-нибудь, **может быть**, упала, а **может быть**, и тут, **может**, рахит изломал так* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 296); ***Може быть**, здешни они были. А **может быть**, и с детдома. У них долго не было детей* (ВС, т. 3, с. 335).

В ряде высказываний значение предположения осложняется семой допущения, выражающего согласие в случае, «когда говорящей считает что-либо возможным или только внешне, вынужденно соглашается с существованием какого-либо предмета, явления, признака»; «допущение также имеет место, когда говорящий предлагает собеседнику встать на какую-либо точку зрения, согласиться с каким-либо мнением» [Топтыгина, 2003, с. 118]. Например, *Листики у неё [крапивы] крупные, резные, с ладошку бывают. На макушке цвет у неё, ниточки жёлтые. Да, **пожалуй**, она покрасивей этой жалючки будет* (Том. Канд.); ***Пожалуй**, мало таких вертячив [детей]* (ВС, т. 5, с. 204).

К высказываниям со значением предположения близки контексты, эксплицирующие мнение говорящего, то есть «суждение, выражающее оценку кого-, чего-л., отношение к кому-, чему-л., взгляд на кого-, что-л.» [МАС, 1999, т. 3, с. 279]. Высказывания с семантикой мнения охватывают те же темы, временные пласты (события давно прошедшие), что и вывод-предположение, оформляя особый речевой жанр сообщения о мнении: *И вот я ешиш_о замечала: как усядутся вот на провода – птицы, вот уж **мне кажется**: хороша погода направится* (ВС, т. 4, с. 85); *Большой [сын]. Ну*

*больше отца-то он, **однако**. Поди больше, Аксинья?* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 293); *Ну а мы-то... девяносто восемь, **однако**, процентов проголосовало [неразб.]... ну, кака-то облась из Казахстана, вся за него* (ЖР, с. 83); ***Мне кажется**, это названия просто остяцкие [Пара и Бель]* (Пар. Пар.); *Ветреники. В Рождественке их, **по-моему**, нет. Они токо в Мазалово* (Том. Н.-Рожд.); *Двадцать с утра, а щас мать говорит, пятнадцать, ну там солнышко выглянуло... **По-моему, мне кажется**, так же двадцать осталось* (ЖР, с. 33).

Мнение сопровождается более категоричной интонацией, чем предположение. Диалектоноситель уверенно излагает свою точку зрения по какому-либо вопросу, поэтому высказывания данного типа, как отмечает О. А. Казакова, «характеризуются модусной рамкой уверенности: я считаю, я уверен» [Казакова, 2007, с. 48]. В свою очередь, модусные показатели характеризуются разной степенью категоричности. Говорящий менее категоричен при употреблении маркеров *мне кажется, однако*, чем при использовании в своей речи ментального предиката *(я) считаю* (ср.: «Дательный субъекта в безличной конструкции «мягче» подлежащего «я». «Кажется» из-за семы предположительности – мягче «считаю» [Петрунина, 1993, с. 133]). В то же время введение в контекст слов *мне кажется, по-моему, однако* могут служить сигналом некатегоричности. Диалектоноситель выражает так называемую «синтаксическую дипломатичность», принцип вежливости речевого общения, проявляющиеся в смягчении резкой характеристики, в этикетной осторожности, в стремлении избежать излишней прямолинейности, настойчивости. Автор указывает на то, что данное мнение принадлежит ему самому, но не настаивает на своей позиции как на единственно возможной, не навязывает свою точку зрения. Некатегоричный тон повествования, очевидно, связан с неавторитарным характером диалектоносителя и является результатом общей прагматической установки – избежать коммуникативного давления на собеседника.

Некатегоричность повествования усиливается многочисленными показателями с семантикой неуверенности: *[А лён здесь у вас не растёт?] Нет. Не знаю, может быть, сейчас в совхозе есть. Нет, по-моему. Нет, не знаю даже сейчас* (Пар. Нар.); *Ну, нонче-то, по-моему, с мешок, что ли, ли полтора ли брали, ли два ли. Да он от матери привозил – ездит часто туда* (ЖР, с. 13).

б) семантика сомнения

В круг значений персуазивности входит не только предположение, но и семантика сомнения. Сомнение основывается на субъективно-авторском мнении говорящего и содержит «неуверенность в истинности, возможности чего-л., мысль о возможном его несоответствии чего-л. действительности» [МАС, 1999, т. 4, с. 193]. Сомнение традиционно изучается в рамках семантики неуверенности [Коковина, 2013] или как микрополе в функционально-семантическом поле достоверности [ТФГ, 1990]. В то же время некоторые исследователи рассматривают сомнение как интеллектуальную эмоцию, возникающую в процессе мыслительной деятельности, психическое состояние, в котором выделяют рациональный, эмоциональный и волевой компоненты [Арутюнова, 1992; Никольская, 2009 и др.]. Полисемантический характер персуазивных частиц позволяет им осложнять значение сомнения дополнительными оттенками опасения, сравнения, ограничения и др.

Значение сомнения основывается на предположении, однако главная задача диалектоносителя заключается не столько в том, чтобы выстроить предположение относительно какой-либо ситуации, сколько в том, чтобы актуализировать состояние неуверенности, нерешительность, колебание в том, что́ следует считать истинным или правильным: *Но потом другой замок повесили [на погреб], так вот не знаю теперь, вроде пока не ходили [воры], чё будет* (Пар. Нест.); *Раньше разве так работали, как нонче?* (Шег. Бабар.); *И там записываются тридцать девятого году. Неужель тридцать*

девятого? (ПСДЯЛ, т. 2, с. 253); *Ну её [ягоды черники] много было. Ну счас-то **едва ли** наберёшь* (ВС, т. 2, с. 17); *У их свадьба была в пятницу – **ли** в субботу **ли** была свадьба* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 129).

Наиболее частотна семантика сомнения в высказываниях с маркерами *кажется, вроде, как будто, точно не помню* и др., использующихся в ситуациях, когда говорящий располагает непосредственной информацией о предмете речи, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 299]. Так, описывая события прошлого, припоминая те или иные детали, диалектоноситель сомневается в их достоверности: [*Уполномоченный – это должность такая? Чем он занимался?*] *Ездили по колхозам, **вроде** следил, чтобы где посевная как идёт, где уборочная* (Ал. Юрг.); *Война началась, мне было четырнадцать лет, **вроде** так* (Шег. Карг.); ***Как вроде, они как вроде** корешки ели, подъедали-то* (ЖР, с. 14).

На неоднозначность трактовки ситуации в высказываниях с семантикой сомнения указывают операторы неуверенности *вроде ... а, будто как вроде ... но, ровно... но* и др., которые вводят противоположную информацию или демонстрируют нежелание диалектоносителя комментировать ситуацию: *Ну, **вроде** так всё было спокойно и всё хорошо, **а** не спалось* (ВС, т. 4, с. 172); *Серёжка уже два письма прислал. Сначала **вроде** жаловался, **а** второ**ро** **вроде** утих* (ЖР, с. 84); *Почему-то вот как эпизоды какие-то. **Вроде** жизнь была это и ... **А** всё равно быстро пролетела* (ВС, т. 7, с. 343). *Наводники были. Ничё, **вродь**, не делали, **а** девку одну в могилу загнали* (СРСГД, т. 2, с. 4); *А где же эта болесть на её взялась? К бабкам бегала, они говорят, что это от стоячей воды бывает. Шептали ешио что-то, **вроде** лехие, **а** потом ешо сильней разболелась, к дохтору возили, в Шегарку тоже возили* (Шег. Бабар.); *Годы бы так **ровно** ничё, **но** болела* (ВС, т. 6, с. 107).

С семантикой сомнения пересекается значение кажимости, восходящее, по мнению Н. Д. Арутюновой, к недостоверному сравнению [Арутюнова, 1999, с. 833]. В высказываниях с семантикой кажимости наблюдается расхождение между реальной ситуацией и ее обозначением как вымышленного, кажущегося, мнимого, гипотетического события. В качестве маркеров кажимости выступают модальные слова и частицы *будто, будто бы, как будто, вроде, вроде бы, как вроде, как вроде бы, вроде бы как, как-то вроде, как (бы)*. Например: **Вроде** приотдаст – усну, а потом опять заболит [нога] (ВС, т. 5, с. 388); Раньше волосы платком покрывали, катеточкой. Новая катетка, **вроде** и новый наряд. Хорошо было. Очень я любила катетки кашемировы. Кофточка у меня была беленька и юбка чёрная. Ещё мама моя носила. По-разному это всё наденешь, катетку на плечи бросишь – новое **вроде как**. Так и бегали, гуляли (Шег. Мельн.); Возьмём вот нашу русскую берёзу. Сколько песен про неё спето! Это же красавица! Жарко – под берёзу лёг, свежий ветерок, листья шелестят, **вроде как** музыка какая-то играет (СФСР, т. 1, с. 34).

В высказываниях с маркерами *разве, неужели, неужто* семантика сомнения осложняется дополнительными оттенками недоверия к чему-либо, удивления, изумления: Ну если бы вор – **разе** бы стал так-то ломиться, не стал бы? (ПДСЯЛ, т. 3, с. 272); А она **неужто** нет? Конечно, нравится (ВС, т. 4, с. 145); Да садись, чашечку-то выпей! **Неужели** чашечку не выпьешь? (ПДСЯЛ, т. 2, с. 253); «Сильно, гыт, постарела». Я говорю: «**Неужели**? А я всё думаю, что я всё така» (ПДСЯЛ, т. 2, с. 253).

На «отрезке между смысловыми полюсами утверждения и отрицания, значительно приближаясь к последнему» [Нагорный, 1993, с. 95] находятся маркеры *вряд ли, едва ли*: А у нас одна девушка счас позвоночник изломала. Ну. Говорят, ходить **вряд ли** будет (ВС, т. 1, с. 240); Молодежь **едва ли** поют [частушки] (ВС, т. 2, с. 176). Данные высказывания легко трансформировать в отрицательные предложения, включающие показатели

предположительности: Ср.: *А у нас одна девушка счас позвоночник изломала. Ну. Говорят, ходить **вряд ли** будет* (*наверное, ходить не будет) (ВС, т. 1, с. 240); *Всё так, ерунда, всё мелочь, что ни вспомнишь, и то **едва ли** вспомню* (*скорее всего, не вспомню) (ВС, т. 2, с. 176). Диалектоноситель почти не сомневается в правильности своего вывода, однако у него еще присутствует некоторая доля сомнения для утверждения факта как отрицательного.

Таким образом, семантика неуверенности носителя диалекта представлена двумя основными разновидностями – значением сомнения и предположения, образующими соответствующие смысловые полюсы. Указанные значения осложняются дополнительными оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения, кажимости и др. Кроме того, как демонстрирует языковой материал, категория персуазивности тесно соприкасается с оценочными смыслами.

3.2.2. Экспликация типов знания в диалекте

Категория персуазивности отражает не только степень полноты информации о мире, но и характер знания говорящего о событии. С позиций «качественного» аспекта – типа информации (или характера знаний говорящего) (Е. С. Яковлева, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) маркеры персуазивности, актуализирующие значение неуверенности, можно разделить на несколько семантических групп, имеющие некоторые зоны пересечения.

Анализ персуазивных единиц, отражающих характер знания говорящего, содержится в работах Е. Р. Иоанесян [Иоанесян, 1993], Е. С. Яковлевой [Яковлева, 1994], Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1997], Е. Э. Разлоговой [Разлогова, 2005] и др. Так, Е. С. Яковлева выделяет два класса маркеров: 1) модальные слова типа

кажется, вроде, будто, показывающие, что суждение сформировано на основе непосредственного контакта с предметом речи; 2) модальные слова типа *наверно, видимо, может быть*, показывающие, что суждение сформировано на основе логического вывода [Яковлева, 1994]. В рамках глаголов мнения аналогичное деление проведено в работе [Дмитровская, 2003], в которой различаются глаголы, вводящие собственно оценочные суждения (*считать, мне кажется*), и глаголы, вводящие оценки-предположения (*думать*). Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев различают показатели гипотетичности *наверно, может быть* и др., предназначенные для выражения особого речевого акта – гипотезы, и модальные слова с семантикой неуверенности *кажется, как будто, вроде бы*, употребляющиеся в ситуации припоминания, при получении информации из чужих рук и т.д. [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 294–298].

Вслед за исследователями разделим показатели персуазивности на группы в соответствии с типом информации, который эти показатели отражают. Следует признать, однако, что деление это весьма условно в связи с полифункциональностью показателей неуверенности.

Группа показателей персуазивности *будто/будто бы, бышно, будто как, как будто, ровно, как бы, вроде/как вроде, вроде бы как, однако, похоже* и др. наряду с глаголами восприятия *видеть, слышать, чувствовать* отражает чувственный способ восприятия действительности.

Данные маркеры употребляются в ситуациях, когда диалектоноситель:

- основывается на непосредственной, перцептуальной информации о предмете речи: *А эта похожа на белену. А цветёт она белыми такими цветами, а когда отцветает, то коробочки получаются. Ядовита она только. А на вид **будто** и **как** мак (Шег. Мон.); Приточная трава на полях, свет **как** головочки. Листик **вроде** крапинки белёсовы (Шег. Карг.); Мотовцѝло – два сучка, а тут **вроде как** рогулька (ПСДЯЛ, т. 1, с. 143);*

- строит высказывание, основываясь на собственной неуверенной оценке: *Нет, ну Тулеев... он тоже мужик-то ничё **вроде** так* (ЖР, с. 83); *А она **вроде** скуповата. Чтоб она мёду стаканчик дала – Бо-же* (ВС, т. 1, с. 98); *И Юра хорошо живёт **вроде бы** так* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 143); *Красивей его [подснежника], **кажется**, и нету* (СФСП, т. 1, с. 50).

К этой группе близки ситуации припоминания и апелляции к чужому опыту: *У нас мама, **быино**, не нашивала* (ВС, т. 1, с. 146); *А потом уж этому сорок дней прошло, **однако*** (Пар. Пар.); *У ней вот как на берег спускаться, на берег спускаться, и они тут вот первый Придин, **однако**, дом. Придин, **однако**, туда маленько, а ихний так вот сразу дом* (Пар. Пар.); *От передавали – **однако**, с сёдняшнего дня – будет идти картина «Тихие зори»* (ЖР, с. 70).

Вторая группа показателей персуазивности *видимо, по-видимому, видно, наверно, поди, может быть, может стать, наверно, верно, возможно, должно быть, однако (=навечно), авось-небось, допустим* и др. семантически соотносится с глаголами *думать, считать, допускать* и маркирует предположение, связанное с интеллектуально-познавательной деятельностью человека. Семантика предположения основана не на точном, достоверном знании, а на выводе говорящего, полученном в результате логической обработки информации.

В высказываниях со значением предположения диалектоноситель:

- выдвигает гадательные предположения, цель которых заключается в том, чтобы предложить адресату рассмотреть возможность, соответствующую высказанной гипотезе: *Браньё» не слышала такого. **Может**, кто и говорит. Ну, **может**, и говорят «браньё». «Хорошее браньё в этом году». Или на стол ставят и говорят «браньё». Берут ведь её* (В.-Кет. Б. Яр); *А я говорю: «Пойдём, Аня, как она там чувствоват, **может**, умерла»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 324); *А к этой бабёнке-то они заехали, **может**, она каку-нибудь отраву ему подала?* (ВС, т. 1, с. 47);

- допускает возможность осуществления каких-либо событий: *Да, возможно, сны сбываются* (ВС, т. 1, с. 213); *Ну, постоит мороз, допустим, неделю постоит, две ли как – а тут день холод большой, наавтра уж опять [тепло]* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 254);

- устанавливает между явлениями причинно-следственные связи: *Они водички этой пивнули, у них желудок – понос и понос. Если бы они этой водички не попили, может быть, они бы и подоле пожили* (Пар. Пар.); *Вишня у меня растёт, но мало ягоды дает. Мне дочка говорит, что мужское, наверно, посадила, одни побеги от неё по всему огороду, вырвать хочу, толку нет* (Яйск. Арыш.); *Картошку-то позже всех содют если, так она, может, и потому жуком не пожрата осталась* (Яшк. У.-С.); *Горицвет или коровий напор в простонародье раньше называли его [...]. Может, то, что он раньше всех поспекает цветок* (Яйск. Арыш.); *Рематизма, видно: ноги не ходят. Болеют* (ВС, т. 1, с. 193);

- называет свою версию причины каких-либо событий: *У нас здесь чё: газ, нефть. Это ведь, наверно, всё влияет [на здоровье], мне так кажется* (Пар. Пар.); *Садил викторию, она чё-то у меня пропала. Садил – хороша поляночка была, так она у меня вся пропала. Не знаю, чё с ней сделалось, замёрзла, наверное. Вся почернела* (Том. Верш.); *Ну вот эта трава и есть вьюнок. Она как прилепится вокруг дерева, кустика или травинки. У нас вот в палисаднике откудова взялась? Вот на смородину. Я её оборву, оборву, а она в земле де-нить [где-нибудь] корень – опять нарастёт. Оборву, оборву, чтоб это, она не сплетала смородину. И вот так это. Ет, наверно, птица занесла. А так-то откуда?* (Том. Н.-Рожд);

- рассуждает о дальнейшем течении, развитии событий: *Такой жар, не знаю, наверно, ничё нынче не будет* (Пар. Нест.); *Я посадила нонче арбуз да дыню, но не знаю, вызреть уже не успеет, наверно, погода портится* (Яйск. Арыш.); *Я родился здесь и, наверно, здесь и помру* (ВС, т. 1, 73); *Эту Вальку-*

то увезли в город. Слышала, она, **наверно**, помрёт: приступ с ей сделался (ВС, т. 6, с. 203).

Как представляется, способ получения информации может коррелировать с определенными типами персуазивных смыслов, представленных в диалектном высказывании.

Так, информация, полученная говорящим с помощью органов чувств, проецирует: 1) семантику сомнения, возникающую на основе чувственного (как правило, зрительного) способа получения информации: *Бор тёмный, ёлки и сосны до неба. У ёлки ветки как будто перехватами такими схвачены* (Яйск. Мальц.); *Вот чёрные кусты, похожие на черёмуху, кругленькие ягодки, только пожирнее черёмухи, волчья ягода, что ли* (Мар. М.-Песч.); *Вроде как-то этот, свет-то, скрадывало, как в темноту* (ЖР, с. 51); 2) семантику кажимости, отражающую перцептивное основание восприятия действительности: *Какой левень! А нонеча их левней. Пройдёт – **быдто бы** вёдро станет, да нет* (ВС, т. 4, с. 165).

Информация, полученная автором текста с помощью ментальных операций, соотносится с персуазивным смыслом предположения (обоснованного и необоснованного), осложненного семантикой гадательности, допущения, возможности, желательности: *А потом утром встала, [стала] ставать [на ногу] – мне больно. Ну ходила, болталась. Может, **пройдёт**? (ВС, т. 1, с. 103); **Поди... поди**, Марину [осиротевшую девочку] – Люда возьмёт, **поди**? (ЖР, с. 48).*

Один и тот же модусный показатель может маркировать припоминание, ссылку на другой источник, а также неуверенную оценку диалектоносителя и т.д.: *Так **будто бы** ничё они [пирог], по моёму вкусу* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 87) – неуверенная оценка; *Говорили, не знаю, правда неправда там-ка, **будто бы** она первого как аборт издала, оттого и детей нету* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 248) – информация передана по слухам; *Полила [лук], **кажется**, маленько получше стал* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 31) – неуверенное

мнение; *А как раз умер Сталин. В пятьдесят третьем году, **кажется*** (Пар. Новос.) – неточное знание (например, когда человек знал что-либо, но забыл).

3.2.3. Языковые средства выражения семантики неуверенности в диалектном высказывании

В диалектной коммуникации языковые средства выражения семантики неуверенности представлены более разнообразно и частотно, чем экспликативы уверенности (см. Приложение Б, Таблица Б. 2).

Семантика неуверенности говорящего в достоверности/недостоверности информации передается вводно-модальными словами и выражениями, модальными частицами, союзами, глаголами, наречиями, занимающими 85% от общего числа маркеров персуазивности. Значение неуверенности в значительной степени усиливается интонационными средствами, служащими для выражения различных оттенков неточности говорящего, сомнения, предположения и т.д.

1. Вводно-модальные слова и выражения (35%)

Ядерными репрезентантами неуверенности в диалекте, наряду с частицами, являются модальные слова и выражения, выступающие в функции вводных слов, словосочетаний и предложений.

Значение неуверенности реализуется в диалектном высказывании с помощью вводно-модальных слов и словосочетаний, сохранивших «в живой устной речи, в ее областных разветвлениях <...> всю свою экспрессивную остроту и свежесть» [Виноградов, 1972, с. 582]: *наверно* (202), *может* (*может, можат, мож, може, можа, можечки*) (145), *может быть* (*может быть, може быть, можа быть, мобыть*) (93), *однако* (84), *мне кажется* (70), *видно* (65), *не знаю* (65), *поди (поди-ка)* (65), *по-моему* (48), *кажется* (*каже, кажись*) (45), *видать* (32), *видимо* (20), *бышно* (15), *по-*

видимому (12), почём знать (12), пожалуй (10), допустим (5), похоже (6), верно (5), глядишь (5), должно быть (4), как видно (5), никак (5), ровно (5), авось-небось (1), возможно (1), может статься (1), скорее всего (1).

Например: *Я девчонкой была. Сколько мне было, ну, **может быть**, мне лет восемь было* (Шег. Карг.); ***Может**, так нагуляла ребенка, **почём знать?*** (ВС, т. 2, с. 312); *Метров сто, **верно**, вобласок [небольшая лодка] ташишл на себе, тянул* (ВС, т. 6, с. 205); *Прямо маленько, **ровно**, оправлюсь, день-два – опять сводит меня* (ВС, т. 6, с. 109); *Собаки вытащили, у вас, **должно быть**, кладбище скотское* (ВС, т. 2, с. 145); *[Когда у вас паспорта стали давать?] В пиисят седьмом, **однако**. В пиисят седьмом, **кажется мне**, у меня-то есь. **Мне кажется**, в пиисят седьмом* (ЖР, с. 96); *А я говорю: «А это... у Гали кака шапка?» А он сказал, **бышно** беличья... Беличья, **наверно*** (ПСДЯЛ, т. 1, с. 97); *Вон видишь, сегодня руку перевязала шерстинкой – разламываются, а это уж не к погоде, **никак**. Развиватся всё время* (ВС, т. 6, с. 32); ***Похоже**, такой, но это... **может** и от пучки, **может**, ещё пучка пойдёт [рассматривает лист]* (ВС, т. 5, с. 333).

2. Служебные слова и их сочетания: модальные частицы и союзы (41%)

Как и вводно-модальные слова, частицы и союзы являются специализированным средством репрезентации модальности неуверенности. Примеры с модальными частицами и союзами, выражающими значение неуверенности, занимают в анализируемом материале достаточно большой объем: *вроде (бы)* (175), *разве (разе)* (64), *что ли* (54), *ли как (ли)* (50), *будто (быдто) бы* (48), *чё ли* (45), *ли что (ли)* (42), *как ли* (35), *ли чё (ли)* (35), *али (аль)* (32), *то ли* (31), *ли* (29), *как вроде (бы)* (29), *неужели (неужель, неужли)* (28), *или* (26), *ли нет ли* (25), *или нет (ли)* (23), *или как (ли)* (21), *ли где ли* (19), *или чё (ли)* (18), *как... ли...ли* (17), *вроде бы как* (16), *или что (ли)* (15), *ли...ли* (15), *будто как (вроде)* (15), *или где (ли)* (15), *либо* (15), *то ли... то ли...* (14), *как (бы)* (14), *то ли... то ли как ли* (13), *или...ли* (12), *то ли...ли чё (цё) ли*

(11), *либо как* (11), *али как (ли)* (10), *ли когда ли* (9), *небось* (9), *как-то* (8), *али что (ли)* (8), *ли кого ли* (6), *то ли...или (аль)* (6), *ли куды ли* (6), *али чё (ли)* (6), *чай (чать)* (5), *едва ли* (5), *ли кто (хто) ли* (5), *али чего (ли)* (5), *как будто (быдто) бы* (5), *то ли... то ли... ли* (5), *то ли... то ли кто ли* (5), *то ли... то ли чё ли* (5), *или ... или чё (ли)* (5), *то либо...то либо* (4), *ли чего ли* (4), *то ли...ли* (4), *быино* (3), *как-то вроде* (3), *нешто* (3), *то ли...чё ли* (3), *неужто* (3), *ли какой ли* (3), *либо чё* (3), *вряд ли* (3), *где-то (де-то)* (2), *либо что* (2), *либо ча* (1), *чу ли что* (1).

Обладая более абстрактной семантикой, чем вводно-модальные слова, служебные слова изолированно или в комплексе друг с другом придают высказыванию тонкие модусные оттенки неуверенности (приблизительности, неточности, сомнения диалектоносителя в истинности сообщаемой информации, предположительности), способствуют диалогичности, непринужденности коммуникации.

Например: *Ну, а там, в тюрьме, наверно, уже это, в начале тридцатых, или как ли, вот так папа написал письмо Калинину из тюрьмы* (Пар. Пар.); *Телевизор Вале пришёл, ну как вроде по талонам ли по чему ли* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 129); *Свой али как ли провёз ли что ли* (СРСГ, т. 2, с. 17); *Ну разбил парнишка два-три стекла, беда, убыток! Чать, не нарочно* (СС, т. 2, с. 190); *Вот была бы я, конечно, так, как сказать, как бы сказать побогаче, или как ли* (Пар. Пар.); *Коренных-то нет, чу ли что, поудрали* (СРСГД, т. 2, с. 116); *Там чашечка на печке беленька... дак чё-то то ли по пятёрке ли чё ли* (ВС, т. 7, с. 53).

3. Ментальные глаголы (2%)

В качестве экспликаторов значений неуверенности, сомнения говорящего в истинности информации зафиксированы ментальные глаголы (я) *думаю* (34), (я) *считаю* (35), выражающие мнение-оценку и мнение-предположение [Дмитровская, 2003] и указывающие одновременно на то, что источником информации является сам говорящий: *Я шииитаю, что кому не*

нравится эта жизнь, это недоразумение у людей, боле я ничё не признаю (ВС, т. 6, с. 441); *Ну, вот я думаю, може быть, разве поманит его, что как к ребёнку, – да и то, наверно... [нет]* (ПДСЯЛ, т. 3, с. 272).

4. Наречия (2%): *чё-то (чё-т) (35), что-то (30): Ну, из пшеничной же пекли булочки, а белой я чё-то тогда не помню* (ВС, т. 7, с. 273); *У его хозяйка чё-то испортилась, стала заговариваться* (ВС, т. 7, с. 273); *Чё-то писала, как быдто в ясляв работала* (ВС, т. 7, с. 273); *А эта мазь чё-то не така, однако* (ВС, т. 7, с. 273); *Я не знаю, что-то не помню, не скажу ничё: всё-то в голове уж...* (ВС, т. 7, с. 294); *Поди, рано ешо. Его [табак] как-то позже всегда содют-то* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 38).

5. Устойчивые сочетания (3%):

Сема неуверенного знания акцентируется в значении устойчивых сочетаний *правда (ли) нет* (20), *правда ли неправда* (24), *кто (его, её) знает* (31), *чёрт (его, её) знат* (10), *Бог (его, её) знает* (15), *скорее всего* (1).

Например: *Он и не краснопрутник, а я вот как объясню, правда ли неправда* (ВС, т. 5, с. 344); *Раньше-то была хорошая рыба. Но где-то и сейчас, говорят, только перекрыли, не знаю, правда-нет* (Пар. Новос.); *А там кедрач, там деревня была, Мельниково, там стары люди живут, там больша деревня. Бог их знает, откуда они приезжали* (Шег. Мельн.); *Вот мы жуём, жуём [вербу], а там, может, и черви есть, а кто его знат, есть черви или нет ли. Мы же этого не знали, что червяк там есть. Высосам её всё на свете, а там, может, кто его знат, какой* (Шег. Мельн.).

6. Для экспликации значения неуверенности используются разнообразные **модусные выражения** (2%), через призму которых отражается речевая культура говорящего, – некатегоричность, стремление говорить правдивую, истинную информацию: *токо слыхала так* (6), *не соврать бы* (8), *врать не буду* (11), *точно не буду говорить* (15), *не хочу зря говорить* (8), *я не верю* (5). Например: *А там две организации, я, правда, не знаю, не буду врать, каки там организации* (ВС, т. 5, с. 343); *Это*

колокольчик сборный, или как у нас называют примочная трава. Видать, имеет такие лечебные свойства, что из него примочки делают в простонародье. *Я точно не буду говорить*, только что говорят, что слышала (Яшк. Полон.).

В отдельных случаях в пределах одного или нескольких высказываний встречаются несколько экспликаторов, актуализирующих значение неуверенности: *А почему эту церковь ликвидировали со старой Шегарки, эту Богородскую, я прямо не знаю чё-то, не помню чё-то и не хочу зря говорить. То ли после войны её, мне кажется, ли как ли. Эти полы пошли, эти, которы иконы длинные, с этих плах, значит, сделали пол. То ли лесу не хватало, или чё ли* (Шег. Мельн.); [Вы знаете, как ее зовут?] У ней Новосельцева Людмила Николаевна, *однако, ли чё ли, не соврать бы* (Пар. Пар.). Очевидно, это обусловлено незнанием, невладением информацией или причинами лингвоперсонологического характера – индивидуальными свойствами личности диалектоносителя: его неуверенностью, некатегоричностью, осторожностью в оценках и т.д.

Показатели персуазивности неоднородны по своей системной принадлежности и представлены несколькими разновидностями:

1) общерусскими лексемами, общими для всех основных форм национального языка: *Бог его знает, будто (бы), как будто (бы), верно, видать, видимо, видно, возможно, вроде (бы), вряд ли, должно быть, допустим, думать, едва ли, кажется, как-то, кто его знает, ли... ли, может, может быть, может стать, наверно(е), не знаю, неужели, по-видимому, пожалуй, по-моему, похоже, разве, считать, то ли...то ли, что ли, что-то;*

2) диалектно-просторечными словами *кажись, почём знать, как вроде (бы), вроде бы как, небось, неужли, неужто, нешто, никак, поди (поди-ка), чай (чать), чёрт его знает, холера (её, его) знает;*

3) собственно диалектными словами, преимущественно частицами и устойчивыми сочетаниями *али чего ли, али как ли, али что ли, быино, как ли, как... ли...ли, ли как (ли), ли нет ли, ли чё (ли), ли кто (хто) ли, ли кого ли, ли чего ли, ли куды ли, ли когда ли, ли какой ли, ли где ли, правда (ли) нет, правда ли неправда, то ли... то ли... ли, то ли... то ли как ли, то ли... то ли кто ли, то либо...то либо, то ли...ли чё (цё) ли, то ли... то ли чё ли, то ли...чё ли, чё-то, чу ли что;*

4) диалектными и диалектно-просторечными вариантами общерусских слов: *глядишь, де-то, каже, кто (хто) его (ё) знат, ли, может, можат, мож, можа, може, можечки, может быть, може быть, мож быть, можа быть, мобыть, однако, скоре всего, быдто, как быдто бы, будто как вроде, как-то вроде, либо, либо как, либо чё, либо что, либо ча, неужель, разе, ровно, то ли...или (аль), то ли...ли.*

Например, вводно-модальное слово *однако* и модальная частица *либо*, совпадают с литературными словами только по форме. В говорах Среднего Приобья данные слова употребляются как показатели неуверенности говорящего, предположительности, неточности передачи информации: *Пальто либо помешало чем* (ВС, т. 3, с. 229); *Лет восемь либо как они живут* (СРСГД, ч. 1, с. 246); *У меня тоже чё-то мешок тут, однако, припухло [под глазом]* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 316). Большая часть лексем представляют собой фонетические, лексико-морфологические (словообразовательные) и грамматические варианты общерусских лексем. Так, модальное слово *может* в среднеобских говорах имеет фонетические (*мож, можа, може, можат*) и лексико-морфологические (*можечки*) варианты; вводно-модальное слово *кажется* – фонетический вариант *каже*. Большая часть диалектных вариантов общерусских слов «являются дублетными, функционально не нагруженными», демонстрируют «избыточность, а следовательно, надёжность языковой системы» [Петрунина, 2012, с. 271].

Количественное соотношение средств выражения персуазивности отражено на рисунке 5.

Рисунок 5 – Языковые средства выражения персуазивности

Количественное соотношение показателей уверенности и неуверенности представлено на рисунке 6.

Соотношение маркеров уверенности и неуверенности

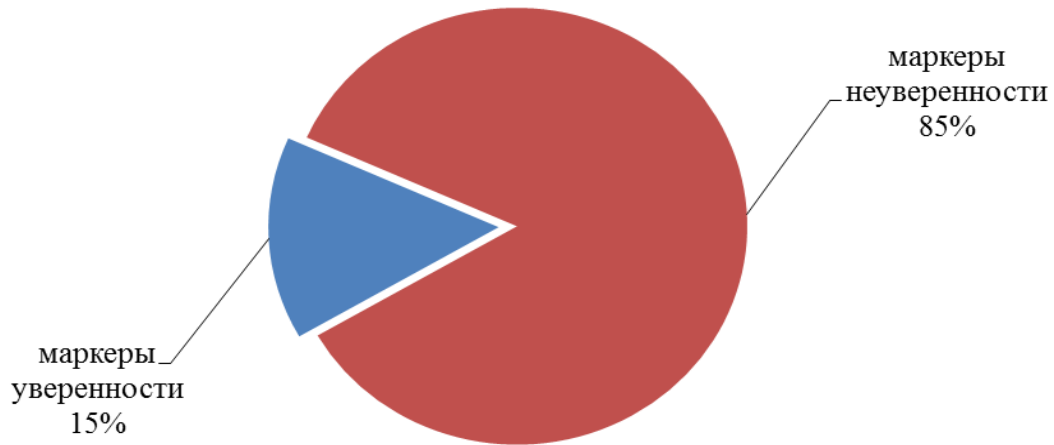

Рисунок 6 – Соотношение маркеров уверенности и неуверенности

Выводы по главе 3

1. Языковой материал демонстрирует, что маркеры персуазивности реализуют в диалектном высказывании комплекс разнообразных смыслов. В круг значений неуверенности входят две ключевые семантические области – предположение и сомнение, осложняющиеся дополнительными оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения, кажимости, гадательности и др. Семантика предположения основана на выводе говорящего, полученном в результате логической обработки информации, и представлена показателями гипотетичности, регулярно встречающимися при выдвижении гипотезы, установлении причинно-следственных связей, осуществлении прогноза и т.д. Значение сомнения выражается модальными словами и частицами, употребляющимися в ситуации, когда диалектоносите́ль располагает непосредственной чувственной информацией о положении дел, – припоминает что-либо, выражает неуверенную оценку и т.д. В то же время анализ употребления

показателей персуазивности позволяет сделать вывод о полифункциональности единиц данной группы. Четко разграничить анализируемые модусные компоненты не представляется возможным, поскольку один и тот же показатель может служить для выражения различных персуазивных смыслов.

2. Перечень маркеров неуверенности в диалектной речи отличается от подобных лексем в кодифицированном литературном языке в качественном и количественном отношении. Репертуар используемых диалектоносителем модальных экспликаторов расширяется за счет функционирования единиц разной системной принадлежности: общерусских, просторечных, собственно диалектных, диалектных и просторечных вариантов общерусских слов. В целом, обилие операторов неуверенности в речи диалектоносителя – 85% (в сравнении с показателями с противоположной семантикой – 15%) может быть обусловлено недостаточной информированностью говорящего по поводу того или иного факта, детерминировано тем, что диалектоноситель вспоминает давно прошедшие события, стершиеся в памяти, а также особенностью речевой культуры говорящего, общей установкой на некатегоричность диалектного повествования.

3. Маркеры уверенности относятся к способам экспрессивного утверждения с опорой на традиции, нормы, стандарты поведения. Модусные показатели с семантикой уверенности эксплицируют представление носителя диалекта о стереотипной ситуации, существующей в его сознании, выражают традиционные представления о том, каким должно быть «правильное» положение дел в соответствии с установленными в обществе нормами. Для диалектоносителя важно не столько описать фрагмент мира, сколько соотнести его с собственной ценностной картиной мира.

ГЛАВА 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ АВТОРИЗАЦИИ И ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Кваликативный аспект модуса характеризуется взаимодействием всех его категорий – авторизации, персуазивности и оценочности. Предметом нашего анализа является взаимодействие анализируемых нами категорий авторизации и персуазивности. Связь между данными категориями, по мысли исследователей, детерминирована тем, что «разные способы получения информации по-разному оцениваются в отношении их надежности» [Шмелева, 1984, с. 91–92].

Как видится, проблема взаимодействия авторизации и персуазивности, весьма актуальна, поскольку исходит из самого языкового материала, образующего сложные комплексы и сочетания смыслов. Ограничиваясь исследованием авторизации и персуазивности, отметим, что «чистых» модусных значений, «свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет» [Бондарко, 1996, с. 3]. В связи с этим при описании характера реализации авторизации и персуазивности в диалектном высказывании в той или иной степени неизбежно обращение к другим аспектам модуса. Так, авторизация и персуазивность влекут за собой «аккордную» актуализацию целого ряда модусных смыслов. Взаимодействие данных категорий становится основой для возникновения в высказывании оценочных смыслов [Савицкая, 2011], категорий чуждости и неопределенности [Курикова, 2008] и др. Анализируемые категории тесно переплетаются с метакатегориями речевых жанров неуверенного («гадательного») предположения [Воронова, 2014], воспоминания [Демешкина, 2000; Лагута, 2005; Кормазина, 2016], автобиографического рассказа [Волошина, Демешкина, 2012] и др., что неоднократно подчеркивалось в трудах современных диалектологов.

Отдельные наблюдения над взаимодействием авторизационных и персуазивных смыслов осуществлялись на разнообразном дискурсивном материале [Етко, 2008, 2011; Шацкая, 2008, 2011; 2014; Кормазина, 2016]. Описание особенностей взаимодействия авторизации и персуазивности носит в основном фрагментарный характер и проводится на материале художественных [Етко, 2008, 2011; Шацкая, 2008, 2011], публицистических (жанр интервью) [Долбик, 2005], научных текстов и текстов-прогнозов [Копытов, 2004]. Наиболее целостное описание взаимодействия авторизации и персуазивности представлено в диссертационном исследовании О. Н. Копытова [Копытов, 2004]. На материале художественных нарративных, научных текстов и текстов-прогнозов автором определяется текстостроительная функция взаимодействия авторизации и персуазивности, через работу проходит мысль о том, что модус выполняет задачу построения субъектом речи цельного коммуникативно-ориентированного текста. Публикации, посвященные некоторым аспектам взаимодействия авторизации и персуазивности на материале речи рядовых носителей языка, немногочисленны [Демешкина, 2000, 2013а, 2014; Лагута, 2005; Кормазина, 2016 и др.]. Таким образом, несмотря на интерес к проблеме синкретизма «сопредельных» категорий, материал живой разговорной речи большей частью остается в стороне от исследовательского внимания. В связи с этим требуется специальная разработка проблем взаимодействия категорий авторизации и персуазивности в диалектной коммуникации.

Остановимся на проблеме описания характера взаимодействия категорий авторизации и персуазивности в диалектной речи. Анализируемый материал позволяет дифференцировать два основных вида взаимодействия авторизационных и персуазивных смыслов:

- 1) Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания: представитель традиционной народной речевой культуры в

силу определенных причин демонстрирует неуверенность в истинности собственной информации.

2) Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания: диалектоноситель сомневается в достоверности информации, полученной из «чужих рук».

Персуазивную оценку того или иного положения дел определяет способ получения информации.

Рассмотрим подробнее указанные виды взаимодействия модусных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании в разделах 4.1 и 4.2.

4.1. Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания

Семантические «зоны» пересечения авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания достаточно разнообразны и отражены на схеме (см. рисунок 7). Механизм соприкосновения авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания можно представить следующим образом: источник информации – сам говорящий → говорящий сомневается в истинности «своей» информации → появляется комплекс авторизационных и персуазивных смыслов.

Рисунок 7 – Семантические «зоны» экспликации авторизационно-персуазивного комплекса в сфере проявления «своего» знания

Рассмотрим механизмы соприкосновения авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания более подробно.

1) Нечеткое восприятие

Как известно, значительную часть информации говорящий получает через чувственный «канал» восприятия. По замечанию исследователей, непосредственное чувственное восприятие человека является самым надежным источником информации. Дж. Локк, размышляя о познании явлений через ощущения, отмечает, что «никто всерьез не может быть таким скептиком, чтобы не иметь уверенности в существовании вещей, которые он видит и осязает» [Локк, 1985, с. 110].

Ссылка на чувственный опыт используется диалектоносителем, чтобы придать сообщению высокую степень достоверности, аргументировать собственное мнение. Так, в ситуации, когда диалектоноситель лично наблюдал описываемое событие, являлся его непосредственным участником

или свидетелем, видел его своими глазами, подчеркивается убежденность в сообщаемой информации: *Я токо **видела** их, когда сама проводила* (ВС, т. 1, с. 193); *Я **знаю**, где он лежит* (Пар. Пар.); *Раньше, конечно, как вот **я знаю**, мы росли, очень были все хорошие люди* (Пар. Пар.); *И вот **слышу**: кто-то идёт* (ВС, т. 6, с. 288); ***Слышу**, как она [мать] стонет* (ВС, т. 6, с. 288). Уверенность говорящего обусловлена в первую очередь зрительной «сенсорикой наблюдающего Я и его пространственно-временными координатами здесь и сейчас» [Никитина, 2013, с. 72], ср. также «<...> человек может получать информацию о каком-либо событии, будучи его непосредственным участником или наблюдателем (я делал это/я видел это), что, добавим, очевидно, гарантирует истинность приобретённой информации <...>» [Храковский, 2007, с. 602]. Информация представлена в виде фактографических утверждений, за которые говорящий несет полную ответственность.

Вместе с тем информация, исходящая из личного перцептивного опыта говорящего, может подвергаться сомнению. Неуверенность в истинности перцептивной информации порождает полное отсутствие чувственного восприятия (или его возможности): *[У вас не лезят в огород?] Да кто ё **знат**, ничё не видать было, не лазили* [ПСДЯЛ, т. 1, с. 121] или его затрудненность в силу тех или иных факторов. Одной из причин, порождавших сомнение в истинности информации, полученной через чувственный канал восприятия, являются неблагоприятные внешние факторы, которые не зависят от говорящего. К ним относится нечеткость восприятия, возникающая вследствие помех и разного рода «сбоев» в самом канале восприятия: плохая видимость, слышимость (шум, слабая освещенность, отдаленность объекта, туман, сумерки и др.) и т.д. Это приводит к ограниченности поступления информации извне и является причиной возникновения неуверенных предположений, нередко ошибочных.

Рассмотрим ряд примеров: *И вот слышу, кто-то идет, но я так сплю вроде крепко-крепко и не знаю, кто: мужчина-женщина, большой-маленький, ничё не знаю, и в белом-чёрном, – ничё* (ВС, т. 1, с. 74); *А я слышу: чё-то как вроде бы крикнул кто-то – я ешо иду, ешо кричат* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 79); *Вроде он [батист] похожий на этот, на капрон, а нет, нет, нет. Капрон вон так этот, вроде какой грубоватый, щипучий, а это нет, это мяконькое* (ВС, т. 2, с. 73); *Таволожник, будто как вроде слыхала, но врать не буду* (ВС, т. 3, с. 68). В условиях затрудненности, неполноты восприятия, нечеткости наблюдаемых признаков говорящий считает, что его знания недостаточны для утверждения истинности диктумной информации, осознает достаточную степень ее субъективности, допуская ошибочность (*врать не буду*).

Неуверенность в правдивости перцептивной информации подчеркивается выбором языковых показателей с семантикой персуазивности, неопределенности, приблизительности: модальных слов и частиц (*будто, как вроде, кажется* и др.), неопределенных местоимений (*кто-то, чё-то*) и др. С одной стороны, употребление маркеров персуазивности обусловлено недостаточностью информации. Информационная неполнота детерминирована причинами внешнего характера: плохой видимостью, слышимостью и т.д. С другой стороны, употребляя показатели персуазивности, носитель диалекта в какой-то степени снимает с себя ответственность за высказанные им (возможно, недостоверные) мысли. Особенно показательны в данном отношении выражения *не соврать бы, врать не буду, не хочу зря говорить* и др., демонстрирующие нежелание диалектоносителя брать на себя ответственность за достоверность непроверенных сведений и его стремление соблюдать правила речевого поведения: сообщать только правдивую информацию, на которую есть достаточные основания.

2) Оптический обман (обманчивое восприятие)

Немногочисленны примеры, демонстрирующие неуверенность диалектоносителя в ситуации обманчивого восприятия (оптического обмана), при котором окружающая действительность представляется кажущейся, не так, как есть на самом деле: *Захворал. Прямо, **кажется, шурчит**, ветер бы [в ушах]* (ВС, т. 1, с. 141); *Кода капкан поставишь, тогда его маскируешь лопаточкой, всё заглаживаешь, **как будто** человек и не был* (ВС, т. 1, с. 132); *Куклу возьмёшь, под руками держишь – а больше автобус никак не остановишь, обманываешь, **как будто** с ребёнком* (ВС, т. 4, с. 191); *Взглянул: коняга, они [лоси] мне **показались** как кони* (ВС, т. 3, с. 127).

В ситуации заблуждения, обманчивости внешнего впечатления от предмета речи значение неуверенности у маркеров *будто, кажется, вроде, как* является неосновным, добавочным, наслаивается на основное значение сравнения (*будто, вроде, кажется, как = словно*). Глагол восприятия *показаться* содержит в структуре своего лексического значения сему неуверенности в достоверности информации.

3) Воспоминание

Вспоминая события, происходящие в прошлом, диалектоноситель может воспроизводить их в своей памяти точно, не допуская сомнения. Например: *Он [дед], я **помню**, говорил: «Табакур, гыт, раньше умрёт, дак его железными вилами выносят»* (ВС, т. 7, с. 16); *Да жизни особой, нету хорошей. Конечно, меня никто не тревожит, я **помню** всё* (Пар. Нар.); *И в детстве, **помню**, всегда говорили: «О, скоро снег выпадет, зима. Пальчики зацвели»* (СФСР, т. 1, с. 94); *Я всё **помню**, это уж прошло тиссят-шеисят лет* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 133); *Я помню, как война начиналась, девочки, **истинный Бог, помню*** (Пар. Новос.).

Но в большей части высказываний компонент «память» синтезирует комплекс авторизационных и персуазивных смыслов [Демешкина, 2000, с. 102]. Диалектоноситель признается в том, что многое забылось, что

обусловлено временной дистанцией (давностью событий), индивидуальными особенностями языковой личности (возрастом, типом личности и др.): *Я уже всё **перезабыла*** (Пар. Пар.); *Память у меня хорошая была. Щас уже не то стало, **забываю** многое* (Пар. Пар.); *Чё-то я **не помню** ничё* (Пар. Пар.); *Сказок я чё-то **не помню*** (Пар. Пар.); *Я сама лично с одной женщиной увозили в Томск продавали [масло], теперь **не помню**, почём килограмм* (Пар. Пар.); *А потом Господь отомстил этому: сам подох. Ой, как у него фамилия, **забыла**... хирургом был* (Пар. Пар.); *[А что желяют хозяевам?] Ну, может, там называли, я дак **теперь всё забыла. Не помню** ничё* (ЖР, с. 73).

Говорящий вспоминает давно прошедшие, стершиеся в памяти события, в силу чего его воспоминания носят неточный характер: *Папа у меня погиб в сорок четвёртом году, в октябре месяце, **не помню**, какого числа* (Пар. Новос.); *А я уже **чё-то не помню, то ли** нам платили за это – не платили* (Пар. Пар.); *Я **всё поминаю**, Георгий Димитрич: я садила, таперь же везде садили картошки-то раньше. В тальнике давали – ну, от така от будет гряда, у меня как до садика, от така будет, даже широка, а коротенька така была – ну, вот как до твоёго кирпича, **может, така будет, пластинка. Там соток пять ли сколь было, не знаю, не помню. Может, три было*** (ЖР, с. 10); *У нас памятник есть, синий, около озера стоит, щас на месте церкви стоит. Это восстание было. А вот какое, **точно не помню. Трёх красных убили. Я помню. Моя мамка там была, ходила. Их зло шибко сбили. Они комиссары, за красных шли. А тут **то ли** белы наступали, **то ли** Колчак. Вот их и убили. Я помню*** (Шег. Батк.).

Неточный, недостоверный характер информации подкрепляется употреблением модальных слов и частиц с семантикой неуверенности, неточности, приблизительности: *Бабушка у меня прожила сто пятнадцать лет, это как говорят, но **может быть**, неправда, это я **точно не знаю*** (Пар. Пар.); *А **кто их знает**, какие там названия, всякие разные названия, я **чё-то** даже и **не помню** даже, названия какие* (Пар. Пар.); *[А у вас здесь*

сочиняли песни?] *Да **чѣ-то** уж не помню. Поди, и сочиняли* (Пар. Пар.); *Дояркой я проработала **то ли** года четыре, **чѣ ли**, не помню* (Пар. Пар.); *Есь у меня там ешо... две **ли**, три **ли** скатерти... **однако**, две, не помню* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 133). Объективная информация осложняется субъективным отношением диалектоносителя («как я помню»).

4) Логическое умозаключение

Причиной экспликации взаимодействия авторизации и персуазивности могут являться ситуации логического умозаключения, которое основано на известных диалектоносителю посылках. С одной стороны, умозаключения могут иметь характер логического вывода, который воспринимается самим носителем диалекта как единственно верный: *Нет, ей ничѣ не поможет. Потому что где-то заишемленье [нерва]* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 167); *Он авторитетный такой был, потому что на цѣ бы ни взглянул – всё делал, мастерина такой* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 167); *Стара вера-то была, вот так потому их и зовут – «староверы»* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 167). С другой стороны, высказывание может носить характер неуверенного предположения, что происходит, когда данные, имеющиеся у диалектоносителя, недостаточны для точного логического вывода: *Иторвался он [нѣс]. Думаю, привяжу, взяла, он как начал... А вот он, **наверно**, привязан, **потому** [сердится]. Долго привязан, я его не итпускала. **Может быть, поѣтому*** (ПСДЯЛ, т. 3, с. 167); *Недослышал он... **я думаю, может**, по породе: у нас мама глуха* (ВС, т. 2, с. 30); *У них длинны ножки, потому что у них, **видимо**, это **я по-своему рассуждаю**, там трава сильна* (ВС, т. 1, с. 193). Высказывания формируются в условиях недостаточных доказательств, с опорой на имеющиеся в распоряжении диалектоносителя сведения, которые рассматриваются им как возможное основание для выводимого знания. Сам говорящий, как правило, отдает себе отчет в гипотетичности своего высказывания, употребляя в речи модальные слова с семантикой предположения, неуверенности: *верно*,

вероятно, видимо, по-видимому, видно, наверно, которые подчеркивают субъективно-проблематический характер логического вывода.

5) Мнение диалектоносителя

В ряде высказываний авторизация и персуазивность представляют собой как бы две стороны одной медали, так как передаются в комплексе, одними и теми же языковыми средствами. Языковые факты доказывают взаимодействие авторизационных и персуазивных смыслов в случае, когда маркеры авторизации приобретают персуазивное значение. В этих ситуациях естественны комплексные показатели, которые служат одновременно обеим категориям: *мне кажется, по-моему* = *своя информация + предположительность*». Приведем примеры: *Мне кажется, им отказали, наверно [в возврате дома]* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 196); *Я не знаю, в кого Ольга походит. Ну, мне кажется, она, наверно, в баушку* (ПСДЯЛ, т. 2, с. 31); *Вот я сейчас плохо живу, здоровья нет, а вот охота пожить. Мне кажется, хорошо сейчас жить* (МС, т. 2, с. 58); *Два яйца, значит, отдельно белыми [в]збить, так, по-моему, чё-то где-то записано...* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 134); *По-моему, не медвежья ли ягода краснопрутник. Ядовитая, её медведи едят, а людям нельзя* (СФСР, т. 2, с. 120); *По-моему, тридцать четвёртого [года рождения], кажется* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 134). В данных высказываниях модусные показатели *по-моему, мне кажется* – это не только и не столько указание на источник сообщения, показатель того, что источником информации является сам говорящий, но и сигнал того, что говорящий высказывает свое мнение, одну из версий происходящих событий. Диалектоноситель не только приписывает авторство мыслей себе, но и одновременно осознает достаточную степень ее субъективности.

4.2. Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания

Наиболее тесное «сотрудничество» авторизации и персуазивности возникает при передаче информации, полученной опосредованно, из сообщения чужого лица. Как известно, сведения «из вторых рук» могут передаваться разными способами: в ходе повседневного межличностного общения с жителями села, родственниками, посредством молвы, слухов, через средства массовой коммуникации и др. Семантические «зоны» пересечения авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания можно представить на схеме (рисунок 8).

Рисунок 8 – Семантические «зоны» экспликации авторизационно персуазивного комплекса в сфере проявления «чужого» знания

Рассмотрим механизмы соприкосновения авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания более подробно.

Механизм взаимодействия авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания можно представить следующим образом: источник информации – другое лицо (или источник) → говорящий сомневается в истинности «чужой информации» → появляется «сплав» авторизационных и персуазивных смыслов.

Ссылка на внешний источник информации в диалектной речи может быть использована диалектоносителем с двоякой целью, для того, чтобы «<...> подчеркнуть достоверность передаваемой информации или, наоборот, чтобы снять с себя ответственность за то, что он говорит» [Джустини-Фичи, 1994, с. 11].

Оценка достоверности высказываний, отражающих мнение авторитетного для говорящего источника, обычно положительна. К подобным источникам можно отнести ссылки на авторитеты сведущих людей (врачей и др.), представителей старшего поколения, чьи слова воспринимаются как закон: *А ишо, отец сказывал, боялись какого-то Белого царя* (Шег. Мельн.); *Потом-от мама, я знаю из её рассказов, как приехали, в Баткате жили* (Шег. Карг.). Ссылки на высказывания авторитетных лиц можно отнести к «приемам эффективной аргументации» [Стернин, 2002], апелляция к подобным источникам усиливает позицию говорящего, помогает ему более обоснованно представить и аргументировать свою точку зрения.

Средства массовой информации в диалектной речи в большей части примеров представлены как авторитетный источник, не вызывающий сомнения. Это отражается в высказываниях, содержащих прямую оценку истинности сведений, полученных посредством СМИ: *До Хрешиенья до самого наряжались. Передают по радио, гыт, купались – это правда* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 87); *Я чё по радио передают, я всё верю!* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 262). На положительную оценку СМИ с точки зрения доверия к нему говорящего указывает отсутствие маркеров неуверенности в анализируемых

высказываниях и наличие в них показателей экспрессивного утверждения: *правда, а как же и др.*

Однако в значительной части примеров чужая информация влечет за собой сомнения в ее достоверности [Шмелева, 1988б]. Это вполне очевидно: человек оценивает информацию, полученную от чужих лиц, как менее достоверную, чем ту, которую он извлек из собственных наблюдений над явлениями окружающего мира: *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли [ребёнка]* (ВС, т. 1, с. 132); *Ну он как вроде говорит, что разошёлся* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 143); *Поди, Коля, может... кто-то говорил* (ПДСЯЛ, т. 3, с. 82). Типовая семантика таких высказываний: «Х сообщил мне, что...». Носитель диалекта не утверждает истинность информации, поскольку ответственность за достоверность сообщаемых сведений лежит на «хозяине информации» Х. Ссылаясь на слова чьих-то лиц, диалектоноситель несколько отстраняется и снимает с себя ответственность за достоверность сказанного, поскольку не является в полной мере автором передаваемой информации, а только повествует с чужих слов о событиях, в которых он не участвовал, свидетелем которых не был. Это достигается приемом подчеркнутой авторизации: *так они говорят, так они рассказывают, деды сказывали, люди говорят и др.*: *Ну бабочка-то невысокенька така – я не видала, Поля мне говорила* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 121); *Ну и это... кухня, комната... Ой, да така весёла, така хороша. Гутя говорит, я почём знаю? Не была там* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 351); *А этот баран потерялся, гыт, как будто – так они рассказывают* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 87); *Говаривали люди, что видали и красный, и белый васильки, да я не верю. Наверно, спутали с чем-то другим* (Чаин. Бунд.); *Говорили раньше это, но правда или нет, я вам не буду уверять, девочки* (ВС, т. 6, с. 117); *Вот только волк воет. Воет он протяжно. У него как у собаки вой, говорят, сам я не слышал* (В.-Кет. Б. Яр); *Был тут один уже давненько российский. Его звали Малышов, отсюда и деревня Малышово. Об этом нам еишо деды сказывали, сами-то мы его и в*

глаза не видели (Шег. Бабар.). Значение таких высказываний можно представить в самом общем виде следующим образом: «Так считают другие, я сам не видел, не слышал, а только передаю чужое мнение». Говорящий подчеркивает, что он не является свидетелем ситуации, поэтому не может гарантировать ее абсолютную достоверность, отсюда появление таких показателей, как *я почём знаю, сама я не видела, не была там, правда или нет, я вам не буду верить* и др.

Диалектоноситель утверждает лишь то, что имеет место факт приобретения информации, ответственность же за ее истинность лежит на «хозяине» информации. Для обозначения подобных отношений В. А. Плунгян вводит термин «эпистемическая дистанция»: «говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может <...> выступить её гарантом» [Плунгян, 2011, с. 352].

Специфика комплексного выражения авторизации и персуазивности в диалекте обусловлена «диктумным содержанием текстов, в которых преобладают событийные пропозиции, отражающие эмпирико-событийный характер диалектного знания» [Гричин, Демешкина, 2014, с. 8].

Взаимодействие авторизации и персуазивности наиболее ярко проявляется в событийных пропозициях, отражающих сообщения, основанные на слухах, сплетнях, молве: *Где-то ешо передают, где-то... «на триста тысяч всю семью одену» – где-то магазин... как, комиссионный, что ли, Катя? не знашь?* (ЖР, с. 45); *А Лариса Андреевна сама врач, и в больницу положили... Чё-то, говорят, как будто поймала болесь* (МС, т. 1, с. 42).

Слухи¹⁶ – достаточно «размытый», как правило, неопределенный источник информации и в силу этого не всегда достоверный. Очевидно, что

¹⁶В определении слухов опираемся на трактовку Д. В. Ольшанского: «слухи – это особая, обычно недостоверная информация (и/или искажающая форма передачи любой информации, придающая ей

ссылка на слухи как на источник сведений снижает восприятие информации как истинной, произошедшей на самом деле. Основные характеристики слухов, выделяемые исследователями, такие как цепочечный принцип передачи, содержательное единство высказываний, отсутствие коммуникативной роли автора при актуализации роли посредника, устная фактура текста и др. [Прозоров, 1998; Осетрова 2003 и др.], на наш взгляд, можно дополнить особым отношением к истинности передаваемой информации, усиливающимся за счет употребления вводно-модальных слов и частиц с семантикой недоверности: *Ну, а его **сказали**, как живого **вроде** нету, а потом, как стали уходить-то, пленны-то, он в плену был, пленны-то стали уходить, а сколько война была?* (ПСДЯЛ, т. 3, с. 53); ***Не знаю, правда – нет, он говорит, что мы триста брали, дак мы их [рубли, деньги] положили*** (ВС, т. 5, с. 344). Автор ссылается на неподтвержденную информацию – слухи, догадки, высказанные некоторыми людьми. За достоверность таких сведений трудно ручаться, поэтому они подвергаются со стороны диалектоносителя определенному сомнению.

Рассмотрим модусные показатели, вводящие чужую речь и в то же время подчеркивающие ее недоверный характер.

В высказываниях, основанных на слухах, в качестве маркеров недоверной информации выступают лексемы с семантикой неопределенного, неточного источника информации, среди которых встречаются показатели *говорят, как говорят, сказывают* и др. Отсылка к неопределенному источнику может объясняться незнанием источника информации или нежеланием в силу определенных причин (этических соображений, соображений осторожности) назвать источник информации.

некоторую особенность), передающаяся исключительно в устной форме, как бы «по секрету», и функционирующая исключительно в звуковой форме» [Ольшанский, 2002, с. 275].

Значение неуверенности в истинности информации усиливается за счет употребления маркеров персуазивности *кто про это знает, правда ли неправда, или как ли, или что ли, не знаю и др.*: *А почему село Батуриным названо, так про то много говорят. Говорят, что Батуриных здесь многошибко жило. Может, оно и так, да таперь кто про это знат.* Старые все встали, разве упомнишь это (Шег. Батур.). *Раньше-то была хорошая рыба. Но где-то и сейчас, говорят, только перекрыли, не знаю, правда-нет* (Пар. Новос.); *Но, говорят, где-то там перекрыли или что ли, где-то там* (Пар. Новос.); *И стал худеть, и худеть, и худеть, и такой худой стал, и это... высох весь... и не знаю, чё. Саркома ли чё ли, говорят* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 16); *Сказывали, что бабка откуда-то из Керенского городу, а дед их поляк, а, может, и русский. Кто сейчас знает, давно было, все поумерли* (Шег. Бабар.).

Для ввода сообщений, которые говорящий не признает своими или в достоверности которых сомневается [РГ, 1980, §2777], достаточно часто используются союзы и омонимичные им частицы *будто, будто бы, как будто* и др., выполняющие функцию кватативного оператора (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Н. Т. Окатова). Например: *Будто она, гыт, пьяна была* (ВС, т. 1, с. 132); *Говорили, не знаю, правда неправда там-ка, будто бы она первого как аборт изделала, оттого и детей нету* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 248); *Говорят, будто бы ей письмо пришло* (ПСДЯЛ, т. 1, с. 87); *И хмель, говорят, так же надо парить, тоже для волос хорошо. А репей корни тоже ведь копают, тоже его отпаривают, и волос хорошо растёт, потом, говорят, как будто он нервы успокаивает* (СФСР, т. 4, с. 31). Говорящий как бы отстраняется от представленной точки зрения («это не мое мнение, поэтому в достоверности его я не ручаюсь»).

Семантика неуверенности достоверности информации, основанной на слухах, реализуется в высказываниях с показателями *или слухи, ходят разговоры, слыхать, слышала, гыт* и др.: *Но чё-то, я слышала, в Томском,*

там у меня живёт сестра, она от и говорила, что от эту самую церковь будут убирать (Шег. Мельн.); *Ну, прошло, слух-то прошёл. Говорит, что это, так и так... Жён выселили [из Чернобыля], а они, гыт, атрофированы, больны* (ПСДЯЛ, т. 4, с. 78); *Прос... нет, сто, гыт, с чем-то, я слыхала, сто* (ЖР, с. 52); *Был у нас Колчак, красные гнали его... Молва давно шла, что белые бегут* (ВС, т. 3, с. 317).

Глаголы слухового восприятия употребляются в данном случае в неперцептивном значении «знать по разговорам, слухам, передаваемым из уст в уста». Полученная информация приобретает «налет» недостоверности, поскольку в семантической структуре глаголов *слыхать*, *слышать* актуализируется дифференциальная сема «знать недостоверно». Ср.: глагол *видеть* «знать достоверно»: *Я токо видела их, когда сама проводила* (ВС, т. 1, с. 193); *Я видела, я видела, со снохой пошли мы, когда его увезли* (Пар. Пар.). Это обусловлено степенью надежности источника информации: более достоверна информация, полученная через зрительный канал восприятия.

Таким образом, авторизация и персуазивность являются тесно взаимодействующими модусными смыслами. В большей части высказываний «спайки» авторизационных и персуазивных смыслов появляется в ситуации воспоминания и апелляции к речи другого лица. Уверенность/неуверенность говорящего в достоверности информации определяется надежностью способа или источника получения информации, степенью доверия говорящего к этой информации.

Количественное соотношение семантических «зон» пересечения авторизации и персуазивности (см. рисунок 9) несколько условно, поскольку в рамках одного или нескольких высказываний одни значения налагаются на другие, тесно переплетаются. Так, появление авторизационных показателей, маркирующих речь другого лица, вполне закономерно в ситуации воспоминания. Вспоминая события прошлого, говорящий часто воспроизводит реплики других людей или целые диалоги: *Один год, от было*

в сорок первом году, *отец с матерью* сказывали, что была большая вода. *Чё-то они говорили, чей мужик помер, чё-то я не могу вспомнить, ну говорили чё-то Егорошка помер* (Шег. Мельн.).

**Семантические "зоны" экспликации комплекса
авторизационных и персуазивных смыслов**

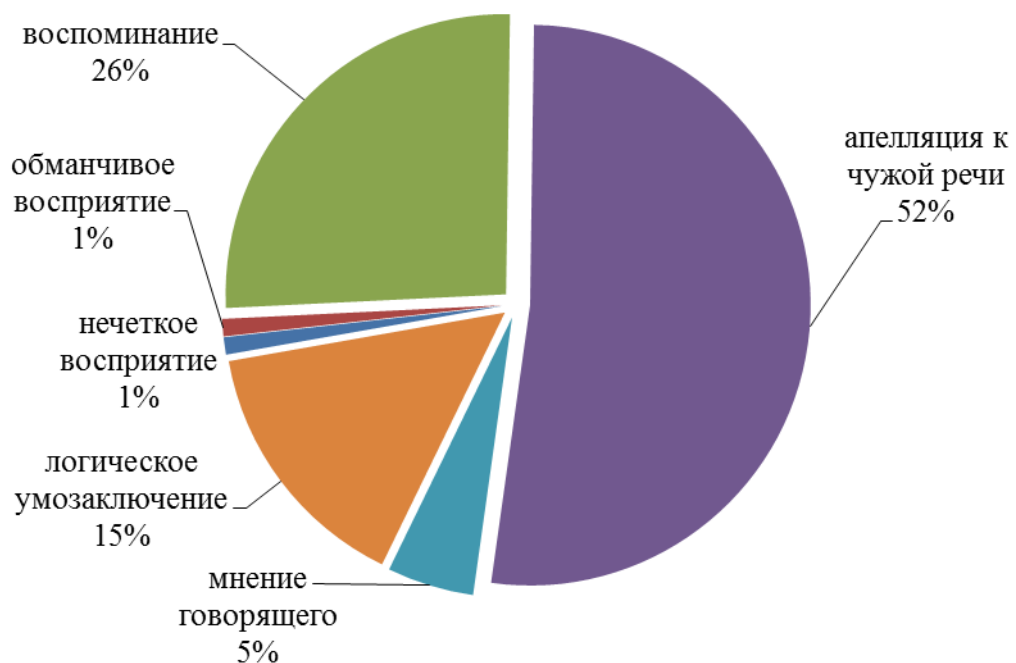

Рисунок 9 – Семантические «зоны» экспликации комплекса
авторизационных и персуазивных смыслов

Выводы по главе 4

В речевой коммуникации синтезируется целый комплекс взаимопересекающихся модусных смыслов; наиболее тесно взаимодействующими и даже «подменяющими» друг друга являются авторизационные и персуазивные смыслы. Анализ взаимодействия

авторизации и персуазивности в диалектном высказывании позволил сделать следующие выводы.

1. В диалектном высказывании представлены два основных механизма взаимодействия категорий авторизации и персуазивности: 1) в сфере чужой речи и 2) в сфере, принадлежащей самому говорящему. Взаимодействие авторизации и персуазивности мотивировано связью между источником, из которого говорящий получил информацию, и степенью его убежденности в истинности полученных сведений.

Высказывания с перцептивной, чаще всего зрительной семантикой, как правило, достоверны. Это происходит в ситуации, когда диалектоносите́ль лично наблюдал описываемое событие. Прибегая к использованию маркеров персуазивности в ситуации непосредственного восприятия, говорящий указывает на то, что не располагает точной информацией предмете речи. Причиной возникновения неуверенных высказываний, нередко ошибочных, являются как объективные, так и субъективные условия, препятствующие осмыслению события как достоверного, – недостаточная информированность по поводу того или иного факта, неполнота восприятия мира, разного рода «сбои» в восприятии, воспоминание и др.

2. Наиболее тесное сотрудничество авторизации и персуазивности наблюдается в зоне выражения «чужого» знания. Говорящий может выражать сомнение в достоверности информации, если он не был очевидцем ситуации или не вполне доверяет человеку, который сообщил о событии. В ситуации, когда говорящий не являлся непосредственным наблюдателем ситуации, а получил информацию «из чужих рук», регулярно употребление маркеров неуверенности. Тем самым диалектоносите́ль указывает на то, что он не уверен в достоверности чужой информации. Это соотносится с мнением исследователей о том, что говорящий оценивает информацию, полученную опосредованно, из сообщения другого источника, как менее достоверную, чем ту, которую он самостоятельно извлек из наблюдений над

событиями реального мира. Сомнение носителя традиционной народной речевой культуры в истинности чужой информации наблюдается как при ссылке на конкретный источник информации (*сын говорит, они говорят* и др.), так и при получении информации из неопределенного или обобщенного источника, в ситуации, переданной по слухам (*говорят, гыт*). Появление персуазивных смыслов в подобных ситуациях вполне закономерно: за достоверность чужих сведений трудно ручаться, поэтому они подвергается со стороны диалектоносителя некоторому сомнению.

3. Взаимодействие исследуемых категорий осуществляется не только на уровне семантики, но и на уровне языковой реализации. Квалифицируя высказывание как недостоверное, говорящий может использовать многочисленные показатели персуазивности. Тем самым диалектоносец как бы снимает с себя ответственность за истинность сообщаемой информации. При взаимодействии модусных категорий авторизации и персуазивности проявляется синкретизм их языковых средств выражения. Например, показатели *по-моему, мне кажется* совмещают комплекс авторизационно-персуазивных значений – «своя информация», «неуверенность в достоверности информации». К показателям, выражающим комплекс авторизационно-персуазивных смыслов в сфере выражения «чужого» знания, можно отнести авторизационные лексемы с семантикой неопределенного, неточного источника информации – *говорят, гыт, слышать* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ модусных категорий авторизации и персуазивности, актуализованных в диалектном высказывании, позволил сделать следующие выводы.

Представленная в работе методика описания модусных категорий авторизации и персуазивности основана на интеграции различных аспектов ее анализа: способов и источников получения информации; видов ментальной обработки чужой речи; видов персуазивных значений, реализуемых в высказывании; языковых средств выражения; механизмов взаимодействия в рамках высказывания. Данная методика позволила представить исследуемые категории в комплексе и выявить особенности их актуализации в диалектном высказывании. Разработанная методика анализа авторизации и персуазивности способствует определению характеристик диалекта как особой формы коммуникации, что проявляется, прежде всего, в способах получения информации, в характере источников информации, в наборе средств языкового воплощения указанных категорий.

Актуализация категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании свидетельствует о том, что в диалекте отражаются различные способы получения информации – от непосредственного чувственного восприятия, формирующего эмпирико-событийный тип знания, до логического умозаключения, связанного с логико-обобщенным характером представления знания. Систематизация и характеристика способов получения информации, отраженных в диалектном высказывании, подтверждает тезис исследователей о некоторой приоритетности в диалекте эмпирико-событийного знания и, следовательно, о преобладании моделей целостного непосредственного восприятия окружающей действительности.

Основным видом информации, представленным в диалектном высказывании, является информация, полученная путем непосредственного

чувственного восприятия, что обусловлено ведущей ролью восприятия при взаимодействии говорящего с окружающей средой. Говорящий отражает действительность, данные о которой он воспринимает органами чувств: видит, слышит, чувствует. При этом характер актуализации категории авторизации в диалектном высказывании проявляется в некоторой сопряженности чувственного способа восприятия действительности с логическим способом в ситуации восстановления событий по памяти и апелляции к чужой речи. Это позволило нам отнести данные источники информации к отдельному способу получения информации – чувственно-логическому. Особенно ярко совмещение чувственного и логического способов получения информации проявляется в высказываниях, включающих выражения *как сейчас вижу, как сейчас гляжу, как сейчас помню*, отражающих то, что диалектоноситель ясно помнит, зримо представляет при воспоминании.

В то же время часть информации о мире получена носителем диалекта в результате мыслительной (интеллектуальной) деятельности на основании законов логического мышления, предположений, рассуждений, базирующихся на догадке, интуиции, общих знаниях. Наиболее характерное отражение логический способ получения информации находит в высказываниях, включающих метаязыковые фрагменты, – разного рода суждения о языке.

Для диалектного повествования характерны, с одной стороны, эгоцентричность, проявляющаяся в отсылке говорящего к самому себе как источнику информации, с другой стороны, диалогичность, предполагающая выраженную ориентацию говорящего на адресата.

В высказывании преобладают неофициальные источники информации, полученной «из чужих рук», что обусловлено устной разговорной формой существования диалектной коммуникации. Основную часть информации о мире носитель диалекта получает от других людей в ходе, естественного

непринужденного общения, протекающего в форме диалога или полилога. Неофициальный, живой характер общения между коммуникантами определяется их отношениями друг с другом. Опора на речь определенного круга лиц и некоторая замкнутость сельского социума 1) свидетельствуют об особом характере категории авторизации в диалекте, отражающем традиции устного разговорного общения, и, 2) как представляется, способствует сохранению целостности диалекта как особой формы коммуникации.

Еще одна тенденция, отражающаяся в диалектной речи, – это тенденция к передаче коллективного опыта, зафиксированного в устной форме. Человек как основной источник информации представлен в высказываниях с разной степенью обобщенности: конкретное, неопределенное и обобщенное лицо. Ссылаясь на персонифицированный конкретный источник сообщения (*отец сказывал, мама говорит, внуки говорят*), говорящий стремится придать своей речи объективный, достоверный характер, ориентируется на нормы речевого этикета – сообщать правдивую, истинную информацию. В ряде высказываний автор представлен максимально неопределенно или обобщенно (*говорят, говорили, бабы сказывают, в народе говорят* и др.). Апелляция к неперсонифицированным источникам информации, широко представленным в диалектном высказывании, обусловлена включенностью диалектоносителя в коллективный опыт предыдущих поколений (свод правил, ритуалов, устоев и т.д.), связана с осознанием говорящим самого себя как части народной традиции.

Тот или иной способ или источник получения информации отражается в высказывании с помощью набора специфичных языковых средств выражения. Экспликации авторизационных смыслов в диалектном высказывании служат лексико-грамматические показатели разной системной принадлежности: глаголы речи (*говорить, гыт*), восприятия (*видеть, слышать*), ментальные глаголы, отражающие процессы и результаты

умственной деятельности говорящего (*думать, раздуматься, знать*), модальные слова и частицы, выражающие источник получения информации (*по-моему, по-твоему, дескать*). Наиболее частотностью характеризуется глагол речи *говорить*, употребляющийся для обозначения конкретного автора или субъекта, предельно неопределенного и обобщенного.

В диалектном высказывании совмещается два плана речи – план «чужого» лица, являющегося «поставщиком» информации, и план говорящего, передающего полученную информацию в соответствии со своими коммуникативными замыслами и намерениями. Данное свойство авторизации использовано в работе при описании способов ментальной обработки чужой речи. В диалекте представлено два основных способа ментальной обработки чужой речи: а) в ситуации непосредственного участия в диалоге; б) в ситуации «заочного» диалога. Более разнообразны оценки, комментарии, пояснения чужой позиции в ситуации «заочного» диалога.

В круг значений неуверенности входят две основные семантические области – предположение и сомнение, осложняющиеся дополнительными модусными оттенками неопределенности, желательности, гадательности, допущения, кажимости и др. Маркеры уверенности в диалектной речи выполняют экспрессивную функцию и появляются с целью отвести возможные сомнения в истинности информации, возникающие у адресата. Категоричность диалектоносителя при этом основывается на существующих у него представлениях о социокультурной норме, сложившейся под воздействием жизненного опыта, традиционных стандартов поведения, сельского уклада жизни.

Семантика персуазивности передается в диалекте многочисленными лексико-грамматическими показателями, отличающимися от аналогичного класса слов в литературном языке в качественном и количественном отношении: модальными словами и выражениями (*авось-небось, бышню, можечки, поди (поди-ка), почём знать, как видно*), служебными словами и их

сочетаниями: частицами и союзами со значением уверенности, сомнения, предположения, выражающими различные оттенки сомнения, неточности сообщения и др. (*али, будто как вроде, или ... или чё ли, или как ли, или нет ли*), устойчивыми сочетаниями (*правда ли неправда, кто его знает*) и др. Маркеры персуазивности с семантикой неуверенности условно сгруппированы в классы, отражающие разные способы получения информации: а) показатели *будто, как будто, вроде, как бы, ровно* и др., которые вводят информацию, полученную чувственным путем, и соотносятся с глаголами восприятия *видеть, слышать, чувствовать*, б) экспликатеры *наверно, поди, может быть, должно быть, авось-небось* маркируют информацию, приобретенную на основе логических операций говорящего, и семантически соотносятся с ментальными глаголами *думать, предполагать*. Как видно, актуализация персуазивности отражает приоритетность знаний, полученных путем непосредственного наблюдения.

Взаимодействие авторизации и персуазивности обусловлено степенью доверия говорящего к источнику информации. В работе выделены два основных механизма взаимодействия авторизационных и персуазивных смыслов: 1) в сфере выражения «своего» знания, когда говорящий в силу определенных причин демонстрирует неуверенность в истинности информации, полученной чувственным или рациональным путем; 2) в сфере выражения «чужого» знания, когда диалектоноситель сомневается в достоверности информации, полученной из «чужих рук». Наиболее достоверной оказывается информация, приобретенная говорящим зрительным путем. Менее достоверны, с точки зрения говорящего, сведения, полученные им опосредованно, из сообщения другого лица, в особенности сведения, поступившие через непроверенный канал информации, – слухи, догадки, высказанные некоторыми людьми. За достоверность такой информации трудно ручаться, поэтому они подвергаются сомнению.

Безусловно, масштабность темы диссертационной работы не позволяет представить ее исчерпанной в рамках одного исследования.

Перспективным представляется дальнейшее изучение категорий авторизации и персуазивности с точки зрения взаимодействия с другими категориями модуса (оценочности, категоричности/некатегоричности, неопределенности, чуждости и др.).

Перспективы работы может составить жанроведческий аспект исследования авторизации и персуазивности.

Наконец, значительный интерес представляет лексикографический аспект исследования. В связи с отсутствием словаря модусных показателей диалектной речи, необходимо составление словаря, который отразит весь спектр авторизационных и персуазивных смыслов, актуализованных в речевой практике.

СПИСОК ЛОКАЛЬНЫХ ПОМЕТ

1. Кемеровская область

Мар. – Мариинский район

Благ. – Благовещенка

М.-Песч. – Малопесчанка

Юрг. – Юргинский район

Ал. – Алаево

Юрг. – Юрга

Яйск. – Яйский район

Арыш. – Арышево

Кайла – Кайла

Мальц. – Мальцево

Яшк. – Яшкинский район

Полом. – Поломошное

Арыш. – Арышево

У-С. – Усть-Сосновка

2. Томская область

Ас. – Асиновский район

Мин. – Минаевка

В.-Кет. – Верхнекетский район

Б. Яр – Белый Яр

Юд. – Юдино

Зыр. – Зырянский район

Сем. – Семеновка

Черд. – Чердаты

Пар. – Парабельский район

Нар. – Нарым

Нест. – Нестерово

Новос. – Новосельцево

Пар. – Парабель

Тег. – Тегульдетский район

Тег. – Тегульдет

Том. – Томский район

Алекс. – Алексеевка

Аник. – Аникино

Бас. – Басандайка

Бог. – Богашево

Верш. – Вершинино

Ит. – Итатка

Канд. – Кандинка

Корн. – Корнилово

Меж. – Межениновка

Н.-Рожд. – Ново-Рождественка

Чаин. – Чаинский район

Бунд. – Бундюр

Шег. – Шегарский район

Бабар. – Бабарыкино

Батк. – Баткат

Батур. – Батурино

Карг. – Каргала

Мельн. – Мельниково

Мон. – Монастырка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой. – В 7 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – ВС.
2. Иванцова Е. В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. – Томск, 2007. – 104 с. – ЖР.
3. Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О. И. Блиновой. – В 2-х т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. – МДС.
4. Мотивационный словарь сибирского говора / Под ред. О. И. Блиновой. – В 2-х т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009–2010. – МС.
5. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. – В 4-х т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – ПСДЯЛ.
6. Полный словарь сибирского говора / Под ред. О. И. Блиновой. – В 2-х ч. – Томск, 1992–1995. – ПССГ.
7. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – СОСВ.
8. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В. В. Палагиной. – В 2-х т. – Томск, 1964–1967. – СРСГ.
9. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. – В 2-х т. – Томск, 1975. – СРСГД
10. Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В. В. Палагиной. – В 2-х ч. – Томск, 1983–1986. – СС.

Литература

11. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. – 298 с.

12. Анисимова Л. В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1982. – 19 с.
13. Анисимова Л. В. Вводно-модальные слова в составе вопросительных предложений // Русский язык в науке и учебной практике. – Воронеж, 1981. – С. 106–114.
14. Анисимова А. В. О некоторых дополнительных функциях вводно-модальных слов в составе предложения // Синтаксис русского предложения: межвуз. сборник науч. трудов. – Воронеж, 1985. – С. 65–73.
15. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
16. Арутюнова Н. Д. Видение и видение (проблема достоверности) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: сб. ст. – М.: Индрик, 2008. – С. 92–105.
17. Арутюнова Н. Д. Коммуникация // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1992. – С. 6–108.
18. Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова. – М., 1997. – С. 22–40.
19. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2000. – С. 437–452.
20. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
21. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
22. Арутюнян И. Ю. Категория персуазивности: принципы определения и подходы // Новая наука: от идеи к результату: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Сургут, 22 ноября 2016 г. – В 4 ч. – Ч.2 –

Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 13–17.

23. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

24. Баженова Е. А. Научный текст как система субтекстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 42 с.

25. Бакланова И. И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 3 (23). – С. 35–39.

26. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.

27. Баранов А. Н. Заметки о «дескать» и «мол» // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 114–124.

28. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.

29. Белошапкова В. А. О модальности сложного предложения // Русский язык: сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1975. – С. 44–52.

30. Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1999. – С. 768–775.

31. Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 157–170.

32. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языке. – Воронеж, 1985. – 179 с.

33. Березовская Е. А. Категория персуазивности в устной речи современных носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. – 2014. – №18. – С. 594–596.

34. Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в

языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. трудов. – М.; Тамбов, 2010. – Вып. VII. – с. 46–60.

35. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. – М.; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – С. 25–77.

36. Болдырев Н. Н. Отрицание как модусно-оценочный концепт // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы регион. науч. конф. – Белгород, 2003. – Вып 7. – Ч. I. – С. 4–5.

37. Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–27.

38. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

39. Большакова Н. И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1993. – 25 с.

40. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражений в языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1977. – 17 с.

41. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 133 с.

42. Буглак С. И. Модальные слова и частицы в разных по целенаправленности типах простого предложения русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 15 с.

43. Буглак С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. – 1990. – № 2. – С. 82–87.

44. Буглак С. И. Модальные слова со значением достоверности: значение и употребление слова действительно // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 86–92.

45. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и

речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 78–82.

46. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Модальность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 110–153.

47. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

48. Василенко Л. И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филологические науки. – 1984. – № 4. – С. 76–78.

49. Василенко Л. И., Озаровский О. В. Семантико-синтаксические связи модального слова «действительно» // Предложение в русском языке. Структура. Семантика. Функционирование: Сб. науч. трудов. – Омск: ОмГУ, 1985. – С. 76–84.

50. Васильева Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Хабаровск, 2010. – 24 с.

51. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – М., 1978. – С. 402–421.

52. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.

53. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 601 с.

54. Винокурова М. А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 184 с.

55. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – 134 с.

56. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1991. – №2. – С. 67–120.
57. Волошина С. В. Языковые средства выражения категории авторизации в речевом жанре автобиографического рассказа (на материале диалектной коммуникации) // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: Сб. материалов IV Международной научно-методической конференции. Новосибирск, 18-19 апреля 2013 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 39–43.
58. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 3(19). – С. 14–20.
59. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. – М.: Лабиринт, 1993. – 201 с.
60. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
61. Воронова Е. С. Вводно-модальные слова как маркеры гипотетичности в диалектной речи // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 10–14.
62. Воронова Е. С. Показатели неуверенности в диалектной речи // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 14–17.
63. Воронова Е. С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 381. – С. 18–21.
64. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М., 2000. – 502 с.

65. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973. – С. 349–372.
66. Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1978. – С. 19–26.
67. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – Изд. 2-е. – М., 1988. – 263 с.
68. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: синтаксис. – М., 1986. – 220 с.
69. Гатинская Н. В. Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика взаимоотношения с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. – Уфа: БГПИ, 1999. – С. 61–68.
70. Гатинская Н. В. О функционально-семантическом описании модальных слов – знаков кажимости // Русский язык за рубежом. – 2001. – №1. – С. 47–51.
71. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. – 408 с.
72. Гнездечко О. Н. Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов): монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 195 с.
73. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2003. – 247 с.
74. Гольдин В. Е. Парадигмы диалектологического знания и проблема языковой личности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 130–140.
75. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия

Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 3–7.

76. Гольдин В. Е. Понятийное ядро традиционного сельского общения // Предложение и Слово: Материалы междунаро. науч. конф., посвящ. памяти проф. В.С. Юрченко. – Саратов, 2002. – С. 716–719.

77. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

78. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Кн. 3 (9). – М.: Наука, 2008. – С. 398–413.

79. Грамматика русского языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980. – 710 с.

80. Гремицкая М. В. Модус предположения в эпистемической модальной категории // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – №1. – С. 72–75.

81. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. – 1956-1974 гг.: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57–69.

82. Гричин С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 19 с.

83. Гричин С. В. Когнитивная модель авторизации // Вестник Омского университета. – 2014. – №4. – С. 175–179.

84. Гричин С. В. Многоаспектный анализ авторизации в научном дискурсе. – Вестник Пермского университета. – 2015. – Вып. 3(31). – С. 13–22.

85. Гричин С. В. О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010а. – № 2. – С. 175–182.

86. Гричин С. В. Стилистические и дискурсивные свойства авторизации в тексте научного произведения // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010б. – № 1 (5): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 94–96.

87. Гричин С. В. Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. – 2010в. – №4(12). – С. 5–14.

88. Гричин С. В., Демешкина Т. А. Аппликативный потенциал когнитивно-дискурсивной модели авторизации // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – 6 (32). – С. 5–16.

89. Гуссерль Э. Собрание сочинений. – Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. – М., 1994. – 102 с.

90. Гущина Г. И. Категория категоричности/некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №4. – С. 982–985.

91. Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века». Кемерово, 01–03 декабря 1997 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 167–174.

92. Гынгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 230–238.

93. Демешкина Т. А. Авторизационные показатели в обыденной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.: Труды и материалы Моск. ун-та. – М., 2014а. – С. 333–334.

94. Демешкина Т. А. Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI

века. – Т. 2. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015a. – С. 137–146.

95. Демешкина Т. А. Когнитивные операции с чужой речью в диалектной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г. / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. – Т. 6. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015б. – С.195–199.

96. Демешкина Т. А. Маркеры авторизации в диалектной речи // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке». Тамбов, 30 сентября 2013 г. – Тамбов, 2013а. – С. 25–28.

97. Демешкина Т. А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкой поэзии и в ее русских переводах: От романтизма к модернизму: материалы российско-германского семинара (24-

98. 28 апреля 2006 г.). – Томск: Том. гос. ун-т, 2006. – С. 9–18.

99. Демешкина Т. А. Модусные категории в диалектном дискурсе: Учебно-методическое пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014б. – 60 с.

100. Демешкина Т. А. Модусные смыслы в диалектном высказывании // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. – Томск, 1996. – С. 14–17.

101. Демешкина Т. А. Персуазивность в диалектном высказывании // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 100–102.

102. Демешкина Т. А. Специфика проявления категории авторизации в диалектной коммуникации // Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки: генезис, функционирование, тенденции развития: сб. науч. тр. I Международной науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский, 12–13

ноября 2013 г. / под общ. ред. Н. Г. Ильинской; Петропавловск-Камчатский, 2013б. – 33–39 с.

103. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2000. – 190 с.

104. Демешкина Т. А. Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 29–33.

105. Демидова К. И. Модусы и типы речи диалектной личности в современных условиях // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2014. – №1. – С. 135–140.

106. Демидова К. И. Особенности восприятия диалектным социумом окружающего мира и их репрезентация в речи // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики в речи. – 2011. – №1. – С. 50-56.

107. Джуст-Фичи Ф. Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 11–17.

108. Дмитриовская М. А. Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 166–188.

109. Дмитриовская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ зыка. Избранное. 1988-1995. – М., 2003. – С. 47-55.

110. Доброгост Е. Н. Особенности выражения субъективной модальности предложения в вопросительном предложении // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора П. А. Леканта. – М., 2002. – С. 272–275.

111. Долбик Е. Е. Модусная категория авторизации в текстах публицистического стиля // Язык и социум: Материалы IX Международной научной конференции. Минск, 03–04 декабря 2010 г.: в 3 ч. – Ч. 3. – Минск: РИВШ, 2011. – С. 61–65. Электрон. версия печат. публ. URL:

<http://elib.bsu.by/handle/123456789/96169> (дата обращения: 20.06.2015).

112. Долбик Е. Е. Модусная категория персуазивности в публицистическом тексте // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Международной научной конференции. Мозырь, 12-13 мая 2005 г. – В 2 ч. – Ч. 1. – Мозырь: УО МГПУ, 2005. – С. 104–106. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11219> (дата обращения: 20.06.2015).

113. Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.

114. Етко А. Г. Инференциальный аспект семантики в контексте авторизации предложения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 195 с.

115. Етко А. Г. Категория авторизации в аспекте функционального подхода // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 58. – С. 80–88.

116. Етко А. Г. Категория авторизации: основные аспекты категориальной семантики // Acta Linguistica. – №2. – Vol. 1. – Sofia, 2007. – С. 3–9.

117. Ефименко Т. Н., Иванова Ю. Е. Репрезентация персуазивности вербальными и невербальными языковыми средствами в презентационном дискурсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – №2. – С. 25–31.

118. Зализняк А. А. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 187–194.

119. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – 368 с.

120. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 351 с.

121. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.

Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М., 2004. – 544 с. – КГРЯ.

122. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.

123. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 230 с.

124. Иоанесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 89–95.

125. Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 241 с.

126. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте: монография. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2007. – 200 с.

127. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Томск, 2010. – 42 с.

128. Канюшик А. В. Реализация категории персуазивности в игровом дискурсе // Язык и социум: Материалы IX Междунар. науч. конф. Минск, 03–04 декабря 2010 г.: В 3 ч. Ч. 3. – Минск, 2011. – С. 85–91.

129. Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 65–89.

130. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие языковые акты // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 37–63.

131. Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.

132. Кобрина О. А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1. – С. 70–74.

133. Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. – С. 85–103.

134. Коковина Л. В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2013. – 207 с.

135. Колосова Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – № 2. – с. 47–53.

136. Комм Я. Б. Прагмасемантическая характеристика высказываний с эксплицитным модусом сомнения // Семантика и прагматика языковых единиц. Сб. науч. тр. – Душанбе, 1990. – С. 3–8.

137. Копытов О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте: Авторизация и персуазивность: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2004. – 187 с.

138. Копытов О. Н. Модус публицистического текста // Педагогическая лингвистика. – 2011. – №1 (35). – С. 224–230.

139. Копытов О. Н. Textoобразующая роль модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Великий Новгород, 2014. – 40 с.

140. Кораблина Т. И. Модус «воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. – 2013. – №2. – С. 139–144.

141. Корди Е. Е. Категория эвиденциальности во французском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии

Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. – С. 253–291.

142. Корди Е. Е. Модальные и каузальные глаголы в современном французском языке. – Л., 1988. – 328 с.

143. Корецкая И. Л. Особенности передачи своей и чужой речи в диалектной коммуникации // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2011. – Вып. 14. – Ч. III. – с. 8–11.

144. Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2016. – 249 с.

145. Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложения в устной речи / Под ред. О. Б. Сиротининой. – Изд-во 2-е, стереотип. – М., 2003. – 152 с.

146. Королева Т. М. Интонация модальности в звучащей речи. – Киев: Высшая школа, 1989. – 147 с.

147. Краснова Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.

148. Крейдлин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос. – М., 2003. – С. 117–157.

149. Крючкова О. Ю. Репрезентации оппозиции «свой – чужой» в диалектной коммуникации (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области) // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 2. – С. 6–9.

150. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия Волгоградского государственного университета. – 2016. – № 9–10 (113). – С. 133–138.

151. Кузнецова С. С. Вербализация чувственного восприятия как

отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: автореф. канд. ... филол. наук. – Томск, 2015. – 28 с.

152. Кулагин А. Ф. Конструкции с прямой речью и сложное предложение // Русский язык в школе. – 1969. – №1. – С. 82–89.

153. Курикова Н. В. Роль коммуникативной категории чуждости в организации устного общения (на материале диалектных высказываний с лексемой «там») // Молодой ученый. Ежеквартальный научный журнал. – 2008. – №1. – С. 170–176.

154. Лагута Н. В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 3. – Формы существования современного русского языка / Под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 82–96.

155. Ламбарджян С. П. Задачи описания персуазивных значений в целях преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 6 (110). – С. 74–79.

156. Ламбарджян С. П. Значение уверенности/неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в русском языке: автореф. канд. ... филол. наук. – М., 1981. – 25 с.

157. Ламбарджян С. П. Универсалия «персуазивность» в русском языке // Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы секций и семинаров. – М.: РГГУ, 2005. – С. 209–210.

158. Ламбарджян С. П. Я – физическое в зеркале персуазивности // Русский язык в Армении. – 2013. – № 3. – С. 25–39.

159. Лебедева Е. А. Авторизационные вводные элементы в аналитических жанрах англоязычных медиа // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – №57. – С. 54–57.

160. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях

предложения // Современный русский язык: лингвистический сборник. Вып. 6. – М., 1976. – 92–102.

161. Лилова Г. Г. Авторизация и ее выражение посредством глагольных предикатов в предложениях русского языка: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 26 с.

162. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: сб. науч. ст. – СПб, 2005. – С. 240–248.

163. Локк Дж. Избранные философские произведения. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.

164. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. – М. 1972. – 198 с.

165. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

166. Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – М., 2005. – 316 с.

167. Маркелова Г. В. Развитие средств авторизации в синтаксической системе русского языка (История пояснительных конструкций: семантический и функциональный аспекты). – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1994. – 85 с.

168. Межкатегориальные связи в грамматике / ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Н. А. Козинцева. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1996. – 231 с.

169. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. – Том II: Пер. с фр. – Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. – 544 с.

170. Мордвинцева В. И. Формы метаязыковой рефлексии диалектной языковой личности // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2011. – Вып. 14, ч. III. – С. 12–16.

171. Муковозова Т. И. Семантика слов наверно, наверное // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора П. А. Леканта. – М., 2002. – С. 286–289.
172. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
173. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 4(28). – С. 66–72.
174. Мякотина В. М. Модальная характеристика высказывания с видо-временными формами изъявительного наклонения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 21 с.
175. Нагорный И. А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами: монография. – Барнаул, 1998. – 131 с.
176. Нагорный И. А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 26 (197). – Выпуск 24. – С. 13–22.
177. Нагорный И. А. Модальные значения предложений с частицами едва ли, вряд ли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 23 с.
178. Нагорный И. А. Предположение в концептосфере индивида: субъективно-модальная квалификация сообщаемого // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 26 (65). – 2013. – № 1. – С. 259–263.
179. Нагорный И. А. Семантика частиц едва ли, вряд ли // Русский язык в школе. – 1993. – №2. – С. 93–97.
180. Нагорный И. А. Ситуация сомнения в концептосфере индивида //

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 3. – С. 25–29.

181. Нагорный И. А. Субъектная перспектива односоставных предложений с предположительными частицами // Филология и человек. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 30–41.

182. Нагорный И. А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. – Барнаул, 2001. – 125 с.

183. Нагорный И. А. Частицы и речевые субъективно-модальные смыслы славянского высказывания // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). – 2011. – № 2. – Ч. 2. – С. 48–52.

184. Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 188 с.

185. Немец Г. П. Семантика метаязыковых субстанций: Монография. – М., Краснодар, 1999. – 752 с.

186. Нетребя М. М. Языковое оформление персуазивных модусных категорий в современных публицистических текстах // Вестник Мариупольского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология. – Мариуполь, 2010. – Вып. 3. – С. 115–123.

187. Никитина Е. Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2013. – №2. – С. 69–82.

188. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М., 2005. – 169 с.

189. Никольская И. Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №118. – С. 197–201.

190. Окатова Н. Т. Функционирование синтаксических конструкций с союзом «будто» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002. – 18 с.

191. Олышанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
192. Орехова Е. Н. О средствах выражения модальности уверенности // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. III. – М., 2015. – С. 198-202.
193. Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия академии наук. – 2003. – Т. 62. – № 1. – Серия литературы и языка. – С. 49–54.
194. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
195. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – №4. – С. 37–48.
196. Парменова Т. О взаимодействии разных типов модальности в русском предложении // *Modality in Slavonic languages. New Perspectives* / Eds. Hansen B., Karlik P. München: Verlag Otto Sagner, 2005. – С. 147-166.
197. Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 43 с.
198. Перфильева Н. П. Модальная частица якобы // Модальность в её связи с другими категориями: сб. науч. тр. / Под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992а. – С. 121–130.
199. Перфильева Н. П. Правила употребления слова действительно // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: сб. науч. тр. / Под ред. Н.П. Перфильевой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. – С. 47–55.
200. Перфильева Н. П. Семантика и особенности функционирования союза однако в современном русском литературном языке // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: сб. науч. тр. –

Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк, 1992б. – С. 76–83.

201. Перфильева Н. П., Ю. Б. Хальзова Семантика высказываний с частицами мол, де, дескать // Семантический и прагматический аспекты высказываний: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – С. 86-95.

202. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск, 1982. – 160 с.

203. Петрунина С. П. Вводно-модальное слово *однако* в сибирских говорах // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. – 2012а. – №19. – С. 268–277.

204. Петрунина С. П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Межвузовский сборник научных трудов. – Новокузнецк, 1992. – С. 62–69.

205. Петрунина С.П. Грамматика говорящего и грамматика слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций). – Новокузнецк, 2008а. – 262 с.

206. Петрунина С. П. Диалектное *однако* как средство выражения перцептивного/ментального модуса // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвуз. сб. науч. ст. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008б. – С. 135–142.

207. Петрунина С. П. Прагматика в словарном описании служебных слов (на примере диалектного «однако») // Русские говоры Сибири: Лексикография. – Томск, 1993. – С. 131–136.

208. Петрунина С. П. Сочетания типа али как ли в диалектном словаре // Вестник ТГУ. – Томск. – 2007. – № 298. – С. 40-43.

209. Петрунина С. П. «То» как составляющая сочинительных и подчинительных союзов в сибирских говорах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012б. – №13 (67). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 65. – С. 90–93.

210. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику.

Грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М., 2011. – 672 с.

211. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: учебное пособие. – М.: УРСС Эдиториал, 2000. – 384 с.

212. Пляскина М. В. Модальные слова в пространстве художественного текста // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск, 2000. – С. 123–135.

213. Пляскина М. В. Модальные слова как средство воздействия на адресата // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат. – Новосибирск, 2001а. – С. 141–146.

214. Пляскина М. В. Модальные слова категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001б. – 18 с.

215. Пляскина М. В. Полифункциональность модальных слов со значением персуазивности // Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах: Тез. республиканской конф. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998а. – С. 70–72.

216. Пляскина М. В. Семантико-прагматический потенциал вводно-модальных слов со значением персуазивности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. – Ч. 1. Семантико-прагматический потенциал слова и языковая компетенция говорящих. – Новосибирск, 1998б. – С. 49–55.

217. Пляскина М. В. Экспрессивные возможности вводно-модальных слов со значением персуазивности // Квантитативная лингвистика и семантика: Сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 109–119.

218. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: дис ... д-ра филол. наук. – Липецк, 2002. – 353 с.

219. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 292–424.

220. Прозоров В. В. Молва как филологическая проблема // Филологические науки. – 1998. – № 3. – С. 73–77.
221. Разлогова Е. Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 56 с.
222. Рассел Б. Исследование значения и истины. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 399 с.
223. Ревякина А. В. Реализация категории персуазивности в рекламном дискурсе // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова. Минск, 19-20 марта 2010 г.: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2010. – С.171–173.
224. Ревякина А. В. Способы выражения сомнения в русском языке (на материале повести Г. А. Вайнера «Бес в ребро» (1990)) // Вестник Белорусского гос. ун-та. – 2008. – Сер. 4. – №2. – С. 43–46.
225. Ревякина А. В. Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф. Минск, 6–7 апреля 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 47–50.
226. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.
227. Русская грамматика. – Т. 2. Синтаксис. – PrahaAcademia, 1979. – 879 с. – С. 845–849.
228. Русская грамматика: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с. – РГ.
229. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981. – 278 с.

230. Русские говоры Сибири / О.И. Блинова, Л. А. Захарова, О. Н. Киселева, В. В. Палагина и др. – Томск, 1985. – Ч. 1. – С. 20–21.
231. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 51–57.
232. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Ин-т языкознания РАН. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
233. Савицкая Л. С. Образ коммуникативного будущего в блогговом формате интернет-дискурса: модусная структура и языковое воплощение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2011. – №6 (2). – С. 597–601.
234. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М., 1989. – 266 с.
235. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 339 с.
236. Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 22 с.
237. Сергеева Н. Н. Синтаксическая семантика (грамматическое значение) изъяснительной конструкции // Синтаксическая и лексическая семантика / Под ред. Л. Г. Панина, М. И. Черемисиной. – Новосибирск, 1986. – С. 105–115.
238. Сидорова М. Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции. Владимир, 29 сентября–1 октября 2015 г. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480–484.
239. Смушкевич Е. С. Модальные слова как часть речи в современном английском языке // Вопросы теории частей речи. – Л., 1968. – С. 198–207.
240. Современный русский литературный язык / Под ред.

П. А. Леканта. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1996. – 462 с.

241. Сонич Т. П. Языковое выражение некатегоричности в свете коммуникативно-прагматической грамматики // Прагматика и структура текста. – М., 1983. – Вып. 209. – С. 57–70.

242. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). – Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.

243. Стексова Т. И. Персуазивность и категоричность // Модальность в ее связи с другими категориями. – Новосибирск, 1992. – С. 18–26.

244. Степенкова Л. И. Субъективно-модальные частицы в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1982. – 24 с.

245. Стернин И. А. Риторика. – Воронеж: Издательство «Кварта», 2002. – 224 с.

246. Суздальцева В. Н. Вербальный континуум «гипотетичность/недостоверность» в массово-информационном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – №4. – С. 37–44.

247. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – 263 с. – ТФГ.

248. Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / Под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 230–390.

249. Топтыгина Е. Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 183 с.

250. Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1970. – 256 с.

251. Федотова Т.В. Уверенность в достоверности информации в смысловой организации русского предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новгород, 1997. – 23 с.

252. Фельде О. В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков //

Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (15). – Томск, 2011. – С. 59–64.

253. Филатова В. В. Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижегород. гос. пед. ун-т: Н. Новгород, 2000. – 20 с.

254. Филипповская И. А. Модальность предложения. Учебное пособие по спецкурсу. – Душанбе, 1978. – 51 с.

255. Харджиева Е. С. Детективный дискурс как процесс создания и развития детективного жанра // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2014. – №3. – С. 131–138.

256. Харламова М. А., Карташева М. А. Концепты время и семья в языковой картине мира диалектоносителя // Славянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. ред.: Т. П. Рогожникова, М. А. Харламова. – Омск, 2014. – С. 174–183.

257. Харченко Н. П. Вводно-модальные слова категорической и проблематической достоверности в научном и научно-популярном текстах // Системный анализ лингвистических явлений в тексте. – Владивосток, 1988. – С. 166–175.

258. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и ее реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: автореф. ... канд. филол. наук. – СПб, 2015. – 24 с.

259. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990. – 184 с.

260. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 445 с.

261. Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. – С. 22–42.

262. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 600–632.
263. Чередниченко И. Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке // Вопросы славянского языкознания. – Вып. 1. – Львов, 1948. – С. 105–122.
264. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 200 с.
265. Шамина Л.А. Средства выражения персуазивности и оценочности в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 4. – С. 20–25.
266. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. – М., 1953. – 318 с.
267. Шатуновский И. Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 127–134.
268. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.
269. Шацкая М. Ф. Авторизация и персуазивность при формировании языковой игры // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008 года, II. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 327–330.
270. Шацкая М. Ф. Взаимодействие квалификативных категорий при порождении языковой игры // Речевое общение: специализированный вестник / Под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – С. 39–46.
271. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи.

Реплики-повторы // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67–83.

272. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960. – 245 с.

273. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сборник научных трудов. – Калининград, 2008. – С. 140–151.

274. Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988а. – с. 168–201.

275. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, 1988б. – 54 с.

276. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / Под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобуковой. – М., 1984. – С. 78–100.

277. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. докт. филол. наук в виде научного доклада. – М., 1995. – 40 с.

278. Шмид В. Нарратология. М., 2003. – 312 с.

279. Юшкова Е. С. Частицы чуть ли не, едва ли не, вряд ли не в семантической структуре предложения: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 150 с.

280. Яковлева Е. С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 21 с.

281. Яковлева Е. С. Отражение в семантике личностных знаний говорящего // Русский язык за рубежом. – 1992. – № 5. – С. 68–72.

282. Яковлева Е. С. Семантика модальных слов, традиционно относимых к показателям «категорической достоверности» // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. – Ч. III. – М., 1989. – С. 124–127.

283. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира

(модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – 343 с.

284. Ясницкий Ю. Г. Лексико-грамматические средства авторизации в научной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1984. – 21 с.

285. Нетреба М. М. Лексико-граматичні засоби вираження кваліфікативних модусних категорій у сучасних публіцистичних текстах (на матеріалі російськомовної преси в Україні): автореф. дис... канд. філол. наук. – Київ, 2011. – 20 с.

286. Ригованова В. А. Зіставний аналіз категорії авторизації в українській та англійській мовах: структура та семантика: автореф. дис... канд. філол. наук / Горлівський держ. педагогічний ін-т іноземних мов. – Горлівка, 2006. – 20 с.

287. Aikhenvald A.Y. Evidentiality. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 452 p.

288. Dendale P. Introduction: Evidentiality and Related Notions // *Journal of Pragmatics* 33, 2001. – P. 339–348.

289. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries // *Southwest Journal of Linguistics* 18, 1999. – P. 83–101.

290. De Haan F. The Relation between Modality and Evidentiality // *Linguistische Berichte. Sonderheft 00/2000*. – P. 1–17.

291. Halliday M.A.K. *Linguistic Studies of Text and Discourse*. London and New York: Continuum, 2002. – 301 p.

292. Lakoff R. T. Persuasive Discourse and Ordinary Conversation, with examples of advertising. In: Tannen D. (Ed.) *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.

293. Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // *linguistic typology* 3. – Berlin and N.Y., 1999. – P. 99–110.

294. Mann E. Persuasive Sprechhandlungen in Alltagsdialogen des Russischen, unter besonderer Beruecksichtigung ihrer Handlungsbedingungen.

Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. – Potsdam, 1999.

295. Palmer F.R. Mood and Modality. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.

296. Pratkanis A. Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. – New York: W. H. Freeman and Co, 1992.

Словари

297. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М., 2001. – 568 с. – ССА.

298. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов. – Изд-е 2-е, испр. и доп. / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с. – Баранов.

299. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, стер. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.

300. Большой толковый словарь русских существительных / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М., 2005. – 864 с. – СРС.

301. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: «Русский язык», 1976. – 1096 с.

302. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм Еврозона, 2009. – 816 с. – БПС.

303. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с. – НООС.

304. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – 944 с.

305. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. Яз., Полиграфресурсы, 1999. – МАС.

306. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой – М., 1970. – ССЕ.
307. Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2001. – 363 с.
308. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. – М.; Л.: 1950–1965. – БАС.
309. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с. – ТСРГ.
310. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – ФЭС.
311. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Количественная характеристика маркеров авторизации

Таблица А.1 – Количественная характеристика маркеров авторизации

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Глаголы речи	говорить	830
	гыт	185
	называть	95
	сказать	66
	передавать (по радио, телевизору)	45
	звать	38
	рассказывать	32
	сказывать	20
	отвечать	20
	спрашивать	15
	просить	12
	поговаривать	9
	говаривать	6
	кричать	5
	реветь	5
	промолвиться	4
	укорять	4
	прозвать	4
	жаловаться	3
	пенять	3
	гаркать	3
	подсказывать	3
	заикаться	3
	признавать	2
	наказывать	2
	посоветовать	2
	обзывать	2
	переговаривать	2
	причитать	2
	рёвом реветь	2
	взъестся	1
	советовать	1
	Всего	1426

Продолжение таблицы А. 1

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Глаголы восприятия	видеть	146
	слышать	87
	слушать	53
	слыхать	45
	видать	45
	глядеть	36
	взглянуть	25
	смотреть	23
	чувствовать	20
	слыхивать	5
	видывать	4
	показаться	4
	Всего	493
Ментальные глаголы	помнить (не помнить)	138
	думать	82
	считать	35
	вспоминать	30
	забыть	23
	знать	18
	понимать	15
	поминать	11
	додуматься	4
	раздумывать	2
	раздуматься	2
	предполагать	2
	как сейчас вижу (гляжу)	2
	помнится (как помнится)	2
	рассуждать	1
	размышлять	1
	представлять	1
	Всего	369

Окончание таблицы А. 1

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Вводно-модальные слова	мне кажется	70
	по-моему	48
	дескать	21
	мол	18
	по-нашему	4
	по-вашему	3
	как их в народе называют	3
	Всего	167
	Итого	2455

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Количественная характеристика маркеров персуазивности

Таблица Б.1 – Количественная характеристика маркеров уверенности

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Вводно-модальные слова и частицы	конечно	179
	правда	75
	правильно (праильно)	30
	обязательно	10
	действительно	9
	честно	7
	знамо	5
	известно	5
	всяко (всяко-разно)	3
	Всего	323
Наречия	точно	17
	наверняка	1
	Всего	18
Устойчивые сочетания	(а) как же	32
	как (же) не	17
	<да> чё <будешь там (тут)> говорить	10
	честно(е) слово	5
	и говорить нечего (неча)	5
	истинный Бог (Господь)	4
	(вот) ей Богу	4
	как Богу	4
	что говорить	3
	правда что	3
	неужели нет	3
	кого тут-ка говорить	2

Окончание таблицы Б. 1

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Устойчивые сочетания	Боже мой	1
	в (на) самом деле	1
	Всего	94
	Итого	435

Таблица Б. 2 – Количественная характеристика маркеров неуверенности

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Вводно-модальные слова и выражения		
	наверно (е)	202
	может (может, можат, мож, може, можа, можечки)	145
	может быть (может быть, може быть, можа быть, мобыть)	93
	однако	84
	мне кажется	70
	видно	65
	не знаю	65
	поди	65
	по-моему	48
	кажется (каже, кажись)	45
	видать	32
	видимо	20
	бышно	15
	по-видимому	12
	почём знать	12
	пожалуй	10
	похоже	6
	ровно	5
	никак	5
	допустим	5
	как видно	5
	глядишь	5
	верно	5
	должно быть	4
	возможно	1
	авось-небось	1
	может статься	1
	скоре всего	1
	Всего	1027
Служебные слова: частицы, союзы		
	вроде бы	187
	разве, разве	64

Продолжение таблицы Б. 2

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
	что ли	54
	ли как (ли)	50
	будто (быдто) бы	48
	чѐ ли	45
	либо чѐ	42
	как ли	35
	ли чѐ ли	35
	али (аль)	32
	то ли	31
	как вроде (бы)	29
	ли	29
	неужели, неужель, неужли	28
	или	26
	ли нет (ли)	25
	или нет (ли)	23
	или как (ли)	21
	ли где (ли)	19
	или чѐ (ли)	18
	как...ли...ли	17
	вроде бы как	16
	или где (ли)	15
	или что (ли)	15
	ли...ли	15
	будто как (вроде)	15
	либо	15
	как (бы)	14
	то ли...то ли...	14
	то ли...то ли как (ли)	13
	или...ли	12
	либо как	11
	то ли... ли чѐ цѐ (ли)	11
	то ли...чѐ ли	11
	али как (ли)	10
	ли когда (ли)	9
	небось	9
	как-то	8
	али что (ли)	8

Продолжение таблицы Б. 2

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
	ли кого (ли)	6
	ли куды (ли)	6
	али чё (ли)	6
	то ли...или аль	6
	ли кто (хто) ли	5
	как будто (быдто) бы	5
	али чего (ли)	5
	то ли...то ли...ли	5
	едва ли	5
	то ли...то ли кто (ли)	5
	чай (чать)	5
	или...или чё (ли)	5
	то...то ли чё (ли)	5
	ли чего (ли)	4
	то ли...ли	4
	то либо...то либо	4
	нешто	3
	как-то вроде	3
	вряд ли	3
	либо чё	3
	бышно	3
	ли какой (ли)	3
	то ли...чё ли	3
	неужто	3
	либо что	2
	либо ча	1
	где-то (де-то)	2
	чу ли что	1
	Всего	1190
Ментальные глаголы	считать	35
	думать	34
	Всего	69
Наречия	чё-то (чё-т)	35
	что-то	30
	Всего	65

Окончание таблицы Б. 2

Средство выражения	Маркер	Количество употреблений
Устойчивые сочетания	кто его (её) знает	31
	правда ли неправда	24
	правда (ли) нет	20
	Бог его (её) знает	15
	чёрт его (её) знат	10
	скоре всего	1
	Всего	101
Модусные выражения с семантикой неуверенности		
	точно не буду говорить	15
	врать не буду	11
	не соврать бы	8
	не хочу зря говорить	8
	токо слыхала так	6
	я не верю	5
	Всего	53
	Итого	2505